

ТАЙНЫ СИНОБИ

КЛИНОК САМУРАЯ

[HTTP://VK.COM/BOOKISH_ADDICTED](http://vk.com/bookish_addicted)

СЬЮЗАН СПАНН

О переводе
Оригинальное название: **Blade of the Samurai by Susan Spann**
Сьюзан Спанн "Клинок самурая"
Серия: **Shinobi Mystery #2 / Расследование синоби, Книга 2**
Переводчики: **Светлана Егошина**
Редактор: **Мария Максимова**
Вычитка: **Мария Максимова**
Количество глав: **53**

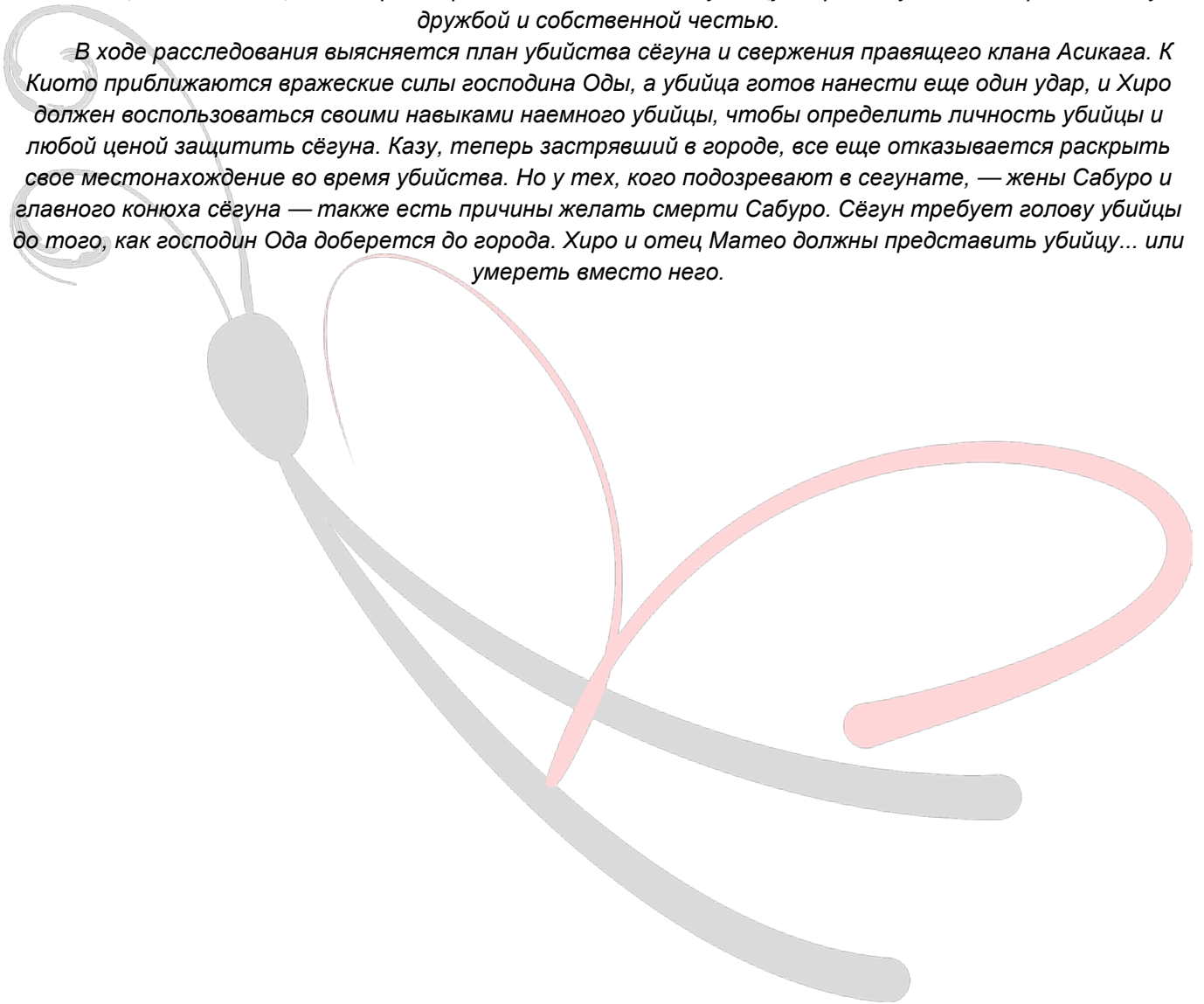
Переведено в рамках проекта http://vk.com/bookish_addicted
для бесплатного домашнего ознакомления.
Релиз не для продажи.

Аннотация

Июнь 1565 года. Перед самым рассветом к мастеру ниндзя Хиро Хаттори приходит Казу, его товарищ-синоби, работающий под прикрытием в сёгунате. За несколько часов до этого во дворце сёгуна закололи Сабуро, кузена сёгуна. Орудие убийства — личный кинжал Казу. Казу утверждает, что невиновен, и умоляет Хиро о помощи, но его прошлое заставляет Хиро сомневаться в словах молодого синоби.

Когда сёгун вызывает к себе Хиро и отца Матео, португальского священника-иезуита, находящегося под защитой Хиро, и приказывает им найти убийцу, Хиро вынужден выбирать между дружбой и собственной честью.

В ходе расследования выясняется план убийства сёгуна и свержения правящего клана Асикага. К Киото приближаются вражеские силы господина Оды, а убийца готов нанести еще один удар, и Хиро должен воспользоваться своими навыками наемного убийцы, чтобы определить личность убийцы и любой ценой защитить сёгуна. Казу, теперь застрявший в городе, все еще отказывается раскрыть свое местонахождение во время убийства. Но у тех, кого подозревают в сёгунате, — жены Сабуро и главного конюха сёгуна — также есть причины желать смерти Сабуро. Сёгун требует голову убийцы до того, как господин Ода доберется до города. Хиро и отец Матео должны представить убийцу... или умереть вместо него.

Глоссарий

Бакуфу: буквально "полевая ставка". Еще одно название сёгуна и администрации сёгуна.

Боккэн: деревянный макет японского меча, используемый для тренировок с партнером или в одиночку.

Бусидо: буквально "путь воина". Моральный кодекс самурая, в котором говорится о верности, скромности и личной чести.

Чогин: вид серебряной монеты, использовавшейся в средневековой Японии.

Тенмагэ: традиционная прическа мужчин самураев. После бритья темени остальные волосы смазываются маслом и затягиваются в хвост, который затем загибается назад и возвышается над макушкой.

Даймё: господин самурая, обычно правитель какой-либо провинции или глава клана самураев.

Досин: в средневековой Японии так называли патрульного или полицейского.

Футон: тонкий стеганный тюфяк, достаточно небольшой и податливый, чтобы его можно было сложить и убрать.

Гэмпуку: традиционный японский ритуал совершеннолетия, после которого мальчику дозволяется носить мечи и брать на себя обязанности взрослого.

Гета: японские деревянные сандалии в форме скамеечки, одинаковые для обеих ног, придерживаются на ногах ремешками, проходящими между большим и указательным пальцами.

Гекуро: буквально "жемчужина росы". Высококачественный зеленый чай, выращенный в тени, а не на солнце.

Хакама: свободные широкие штаны в складку, которые носят поверх кимоно, а так же под туникой или сюрко.

Икебанча: буквально "первый собранный чай". Чайные листья собираются в апреле или начале мая во время самого первого сбора урожая. Икебанча считается чаем высочайшего класса, самым ароматным из чаев.

Инкан: личная печать, используемая вместо подписи на официальных документах.

Дзюттэ: длинная деревянная или металлическая палка с крючком в верхней части рукояти. Ее носили досины, используя и как оружие, и как символ власти.

Ками: японское слово "бог" или "божественный дух"; используется для описания богов, духов, населяющих природные объекты, и каких-нибудь природных сил божественного происхождения.

Канзаси: вид женской заколки для волос, которую носили в средневековой Японии.

Ката: буквально "форма(ы)". Проработанная схема или набор движений, используемых в практике боевых искусств или в боевых приемах. Выполняется как с оружием, так и без него.

Катана: длинный из двух мечей, носимых самураями (короткий называется вакидзаси).

Кимоно: буквально "носимая вещь". Традиционная японская одежда во весь рост с запахом, которую носят люди всех полов и возрастов.

Кобан: золотая монета, широко используемая в Японии в позднем средневековье.

Камусо: нищие странствующие монахи дзэнской школы Фукаэ.

Куноичи: женщина-синоби.

Майко: ученица гейши, которая еще не заслужила ранга гейши. Это третья ступень обучения, после сикомы и минараи.

Мемпо: укрепленная маска с отверстиями для глаз и рта, которая покрывает все лицо.

Мисо: традиционное японское блюдо. Паста, приготовленная из ферментированной сои (иногда из риса или ячменя).

Мон: эмблема или герб, используемый для идентификации японских семей или кланов.

Норэн: традиционные японские дверные занавески с несколькими вертикальными разрезами для облегчения прохода.

Оби: широкий пояс, который обвязывается вокруг талии для фиксации кимоно. Носится людьми всех возрастов и полов.

Ое: большое центральное жилое место в японских домах с очагом несколько ниже уровня пола. Часто сочетает в себе кухню, приемную и жилую комнату.

Ото-сан: отец.

Понто-тё: один из районов ханамати (район гейш и куртизанок) в Киото, где расположены дома гейш, чайные дома, бордели, рестораны и тому подобные заведения.

Ронин: самурай, потерявший хозяина.

Рю: буквально "школа". Клану синоби используют этот термин как идентификатор боевых приемов, так и принадлежность к сообществу (Хиро Хаттори был членом Ига-рю).

Саке (сакэ): алкогольный напиток из ферментированного риса.

-сама: именной суффикс для выражения высшего уважения. Выше суффикса -сан.

Самурай: представитель средневекового японского дворянства, каста воинов, относящихся к высшему социальному классу.

-сан: именной суффикс для выражения уважения.

Сэппуку: вид японского ритуального самоубийства, эвисцерация, первоначально использовалась только самураями.

Сякухати: вид флейты, сделанной, как правило, из бамбука с раструбом на конце. Синоби иногда прятали внутри оружие и разные другие предметы.

Синоби: буквально "человек-тень". Синоби — это японское произношение тех, кого люди запада называют "ниндзя" ("ниндзя" основывается на китайском произношении).

Синто: традиционная религия в Японии, иногда также называется kami-no-michi.

Сёгун: военный диктатор и командир, который фактически выступает правителем средневековой Японии.

Сегунат (или бакуфу): название правительства сёгуна или места, где он жил.

Сёдзи: раздвижная дверь, как правило, состоящая из деревянной рамки с промасленной бумагой.

Сюрикен: металлическое оружие размером с ладонь, которое легко можно спрятать. Часто изготавливалось в форме креста или звезды и использовалось синоби в качестве метательного оружия в ближнем бою.

Таби: японские носки длиной по щиколотку, разделенные между большим и указательным пальцами, чтобы облегчить ношение сандалий и другой традиционной японской обуви.

Танто: кинжал с односторонним или обоюдоострым клинком 6-12 дюймов (15-30 см) в длину.

Татами: традиционное японское складное напольное покрытие стандартных размеров с длиной строго вдвое больше ширины. Татами обычно набивают соломой или камышом.

Тэнгу: сверхъестественный демон ("демон-дух") в японском фольклоре, часто представляется как гибрид человека и птицы либо как человек с длинным крючковатым носом, напоминающим клюв.

Токонома: отгороженная часть комнаты или ниша в стене в японской комнате. В токонома, как правило, располагают произведения искусства, икебану или вешают свитки.

Тории: традиционные ворота в японском стиле, которые в основном встречаются у входов в святыни Синто.

Вакидзаси: короткий из двух мечей, носимых самураями (длинный называется катана).

Глава 1

В темноте Хиро открыл глаза.

Ночь, словно саван, окутывала комнату. Темноту нарушал лишь поток лунного света, проникающий через окно, выходящее на веранду. Неподвижный воздух и наклон луча луны сказали Хиро, что до рассвета остался час.

В большинстве домов Киото открытые сёдзи могли вылиться в опасную оплошность. Для Хиро, синоби, которого из убийцы сделали телохранителем, эта дверь была некоей предупреждающей системой, которая сейчас и сработала.

Он напряг слух, пытаясь уловить тот звук, что его разбудил, но услышал только тишину.

Тяжесть на ногах Хиро поерзала — это Гато перевернулась во сне. Для синоби этот факт был обнадеживающим. Слух у Гато был острее, чем у него самого, тем более, что кошка никогда не спала, если слышала посторонние звуки.

Хиро зевнул и закрыл глаза, пытаясь взвесить все "за" и "против" ранней утренней зарядки.

Снаружи на веранде скрипнула доска.

Глаза Хиро мгновенно открылись. Кошка подняла голову, ее ушки повернулись в сторону источника звука.

Расшатавшаяся доска находилась между дверью Хиро и соседней комнатой, где спал отец Матео. Иезуит хотел починить пол, но Хиро настоял на том, чтобы доска осталась на своем месте, поскольку помогала синоби защищать португальца.

Хиро выскользнул из-под одеяла и потянулся к паре мешковатых брюк. Привязав ремешки, которые удерживали манжеты во время драки, он прислушался, не раздастся ли второй скрип, который сказал бы ему, что незванный гость сошел с доски.

Но Хиро ничего не слышал.

Прилив адреналина расслабил его мышцы. Только другой синоби смог бы передвигаться таким образом, чтобы доска не скрипнула во второй раз.

Хиро решил не тратить время впустую и не гадать, зачем пришел убийца. Клан Хиро, Ига-рю, приказал ему охранять иезуита ценой своей жизни, и синоби очень не хотелось потерпеть в этом неудачу. Он схватил со стола кинжал и по полкам, установленным на южной стене, вскарабкался к потолку. Хиро был рад, что загодя укрепил их и они выдержали его вес.

Стена закончилась там, где начались стропила, оставляя достаточно места, чтобы человек мог присесть под островерхой крышей. Хиро выполз на ближайшую перекладину и бросил взгляд за стену, где находилась комната отца Матео. Иезуит крепко спал.

Темнота изменила свою форму, когда в дверном проеме комнаты Хиро возникла человеческая фигура. Незванный гость немного помедлил, а потом шагнул внутрь.

Гато выгнула спину и зашипела, прежде чем исчезнуть в темноте.

Лицо убийцы было скрыто под маской. Он передвигался по полу ставя пальцы таким образом, что Хиро узнал в этом визитную карточку Ига-рю.

Убийца пришел не за священником.

Хиро сжал кинжал и приготовился к прыжку. Когда он сделал последний, подготовительный вдох, он уловил слабый, но весьма характерный запах дорого масла из грушанки для волос.

Разум Хиро, словно пламенем, опалила мысль о предательстве. Только один синоби из Ига пользовался этим ароматом. До сего момента Хиро считал его своим братом.

Воткнуть нож в сердце Казу — это почти тоже самое, что самоубийство. Так же больно.

Почти, но не совсем.

Хиро уже соскочил с перекладины, когда Казу прошептал:

— Хиро. Мне нужна твоя помощь.

Было уже слишком поздно задерживать падение. Хиро лишь отбросил руку в сторону, отводя смертельный удар.

Казу отпрыгнул, но споткнулся и упал на фuton.

С ножом наготове, Хиро приземлился на корточки. Он даст Казу возможность объясниться, но останется настороже.

Казу поднял руки, демонстрируя, что в них ничего нет.

— Хиро, подожди! Это я.

— Я чуть было не убил тебя, — прошипел Хиро. — Ты о чем вообще думаешь, приходя в этот дом без предупреждения и в такой час?

Казу откинул капюшон на плечи. В его обеспокоенных глазах отражался лунный свет.

— В сёгунате произошло убийство.

— Сёгун? — Выражение лица Хиро смягчилось, когда он понял, почему Казу рисковал.

Сёгун Асикага поддерживал присутствие иезуитов в Киото, несмотря на ярые убеждения противников в том, что иезуитскую миссию нужно выслать из города или казнить их всех как шпионов. Смерть сёгуна могла стать угрозой как жизни отца Матео, так и поручению Хиро охранять священника.

— Нет, не сёгун, — прошептал Казу. — Это его брат, Сабуро.

— Твой начальник? — Благодарность Хиро переросла в ярость. Ему едва-едва удавалось удержаться и говорить шепотом. — Ты совсем спятил? Придя сюда, ты подвергаешь риску нас обоих.

— Пожалуйста. — Надломленность в голосе Казу напомнила Хиро о том, что тому лишь двадцать лет. Хиро было двадцать пять. Несмотря на то, что младший синоби приехал в Киото первым, Хиро стал убийцей задолго до того, как Казу получил свой первый приказ — шпионить за сёгунатом Асикаги.

— Кто-то убил Сабуро моим кинжалом, — продолжил Казу. — Сёгун подумает, что это сделал я.

— Это не оправдывает тот факт, что ты ведешь себя как дурак. — Хиро медленно выдохнул, пытаясь унять ярость. Ничего не вышло. — Ты забыл, чему тебя учили? Если что-то компрометирует тебя и твою легенду, ты уезжаешь из Киото. Даже новичок знает, что нельзя подвергать окружающих риску.

— Прости. — Голос Казу затопило раскаяние. — Я запаниковал.

— Почему пришел сюда? — спросил Хиро. — Почему просто не сбежал?

— Я не смог бы уехать из города. Никто не сможет миновать баррикады ночью, если у него нет специального пропуска или хорошего оправдания. — Казу поднял руки ладонями вверх. — У меня нет ни того, ни другого.

Страх Казу не унял ярости Хиро. Однако, что сделано, то сделано. Кодекс синоби требовал, чтобы Хиро помог своему сородичу, если тот скомпрометировал свою миссию. Поскольку арест Казу грозит разоблачением обоим, выбор был невелик.

— Уверен, что за тобой никто не увязался? — спросил Хиро.

Казу кивнул.

— Тогда рассказывай, что случилось. Подробно. Но сначала поди прочь с моего футона.

Глава 2

Казу опустился на татами, покрывавший пол.

Хиро тем временем убрал клинок в ножны.

— Я работал допоздна, — сказал Казу. — Обновлял расписание для телохранителей сёгуна.

— Ты работаешь в конторе по документообороту, — сказал Хиро, — а не в отделе обороны сёгуната.

— Все так, но месяц назад Сабуро убедил сёгуна перевести телохранителей из-под военного командования под персональный контроль самого Сабуро. Он сказал, что не совсем разумно вверять безопасность сёгуна в руки человека, принадлежащего другому клану. Сёгун согласился.

— А военные чиновники разве не слуги Асикаги? — спросил Хиро.

— Не все, — ответил Казу. — А поскольку господин Ода рвется в столицу и желает завладеть сёгунатом, обеспокоенность Сабуро вполне объяснима. В любом случае сёгун подумал так же.

— Господин Ода наступает на Киото? — с беспокойством спросил Хиро.

— Не открыто, — сказал Казу. — Но он отправил в город послов. Официально, они несут дары императору и сёгуну.

— А неофициально? — уточнил Хиро.

— Всем известны намерения господина Оды. Сабуро опасался, что среди послов может оказаться наемный убийца.

— И, похоже, не без оснований, — сказал Хиро. — Когда прибыли люди господина Оды?

— Пока еще не прибыли.

— А когда умер Сабуро?

— Точно не знаю. — Казу покачал головой. — Я пошел к Гиндзиро пропустить стаканчик, а когда вернулся, Сабуро был уже мертв.

— Убит твоим кинжалом.

— Но не мной, — сказал Казу. — Я случайно оставил оружие на своем столе. Любой мог его взять и воспользоваться им.

— Ты поднял тревогу среди охраны сёгуна?

— Они убили бы меня на месте!

— Ты только что вернулся от Гиндзиро, — сказал Хиро. — Стражи у ворот могли подтвердить твою невиновность.

— Я не через ворота заходил. — Казу помолчал. — Сабуро приказал мне не уходить до тех пор, пока я не закончу с работой, но это могло занять всю ночь. Я перелез через стену и вернулся тем же путем. Я и раньше так делал. Никто никогда не замечал.

Хиро покачал головой.

— Тебе нужно уехать из Киото.

— Не могу, — сказал Казу. — Я оставил свой пропуск в сёгунате, а через контрольно-пропускные пункты невозможно проскользнуть незамеченным. Каждая баррикада охраняется особенно по случаю приезда послов господина Оды.

— Вернись в сёгунат и забери пропуск, — сказал Хиро.

— Кто-нибудь уже наверняка обнаружил тело. В канцелярии есть своя охрана. — Казу снова покачал головой. — Я не могу рисковать. Даже если лезть через стену.

Хиро задумался.

— Странствующим буддийским монахам не нужен пропуск. У меня есть ряса камусо, ты можешь ее одолжить. Если будешь осторожен, то маскировка может помочь тебе добраться до Ига.

Он открыл свой платяной шкаф и достал оттуда грязную рясу и пару поношенных сандалий. Оттуда же появилась плетеная шляпа в форме корзины, которая слабо пахла камышами и затхлостью.

Казу благодарно улыбнулся, глядя на Хиро.

— Прости, что подверг тебя опасности.

— Не стоит, — ответил Хиро. — Только особенно не распространяйся об этом при Ханзо.

Хиро поднял крышку сундука, обитого кованым железом, и достал оттуда бамбуковую флейту сякухати.

— Там внутри есть кинжал.

Громкий стук эхом прокатился по дому. Хиро замер. Кто-то стоял перед дверью иезуитского дома.

— За тобой следили! — Хиро быстро пересек комнату и отрыл огромный деревянный сундук, стоявший рядом с платяным шкафом. — Забирайся.

Казу накинул монашескую рясу поверх своего кимоно и забрался в сундук. Хиро взял со своего футона одеяло и положил его сверху на молодого человека. Маскировка был не самой удачной, но у них не было времени придумать что-то лучше.

— Если кто тебя найдет, — прошептал Хиро, — ты сам по себе.

Он накинул стеганое одеяло Казу на лицо и закрыл сундук.

Стук стал еще громче.

Хиро засунул шляпу-корзинку обратно в шкаф, скользнул в куртку с длинными рукавами и приоткрыл дверь сёдзи, отделявшую его комнату от общей.

Отец Матео только что появился из соседней спальни. Его длинные до плеч волосы торчали в разные стороны, спутавшись ото сна. Прикусив нижнюю губу от усердия, он пытался обвязать оби вокруг наспех надетого кимоно.

Даже прожив в Киото три года, иезуит так и не научился быстро одеваться.

Затягивая пояс, отец Матео поднял взгляд на Хиро.

— Кто это в такой час?

Синоби пожал плечами и заставил себя улыбнуться. Ему не хотелось строить догадки.

Чуть больше года назад такой же предрассветный визит отправил их в чайный дом, где в убийстве самурая обвинили гейшу. Когда отец Матео вмешался, пытаясь спасти девушку, сын покойного вынудил их искать убийцу или же они должны были разделить судьбу гейши.

Хиро надеялся, что пришедший не попросит что-то подобное.

Синоби проследовал за отцом Матео в крошечный коридор, который находился с южной стороны общей комнаты.

— Кто там? — спросил иезуит сквозь резную дверь.

— Да пребудет с вами мир Божий, отец Матео, — отозвался голос. — Это Изумо. Отец Вилела послал меня.

Хиро выдохнул с облегчением. Изумо был послушником, входящим в иезуитскую миссию в центральной части Киото. Поскольку отец Матео имел дело с простолюдинами, то это могло оттолкнуть самурайскую элиту, чья поддержка была необходима Католической церкви, и поэтому было принято решение разделить миссии. Хиро никогда прежде не встречался с Гаспаром Вилелой, главным священником иезуитов в Киото и номинальным начальником отца Матео. Однако с Изумо синоби был знаком, он узнал его голос и акцент.

Хиро вернулся в свою комнату, когда отец Матео открыл перед Изумо дверь. Синоби оставил свою слегка приоткрытой, чтобы были слышны слова иезуита. Отец Матео считал, что подслушивание — это грех, но Хиро к его религии себя не относил, поэтому мог не придерживаться правил, которым следовал иезуит.

Синоби сменил куртку и штаны на дымчато-серое кимоно, сшитое по последней моде. Одеваясь, он прислушивался к разговору, происходившему в общей комнате.

— Приношу извинения, что разбудил вас, — сказал Изумо.

В голосе послушника слышалось беспокойство, и Хиро знал почему. Японцы считали незапланированный ранний визит невероятной грубостью.

— Не стоит извиняться, — сказал отец Матео. — Что случилось?

— Убийство, — ответил Изумо. — Сёгун просит вашей помощи в поисках убийцы.

Глава 3

Хиро замер, пораженный словами Изумо.

— Хиро! — позвал его отец Матео.

Синоби схватил со стойки свои мечи.

Несмотря на то, что Хиро обучался навыкам синоби, он происходил из семьи самураев, что позволяло ему носить два меча — исключительное право, которое к тому же давало отличную маскировку. Хиро продел вакидзаси через оби с левой стороны, а длинные ножны катаны просунул поверх пояса. Только после этого он последовал на зов отца Матео.

Хиро вернулся в общую комнату и поклонился Изумо, которого, похоже, несколько не обеспокоило нарушение этикета отцом Матео. Либо другие иезуиты кричат так же, будто малые дети, либо японцы просто научились не обращать внимания на подобную грубость.

— Произошло убийство, — сказал отец Матео.

Хиро прикинулся, что ничего не слышал.

— Один из чужеземных священников?

Он уловил запах ладана от застиранной рясы послушника.

— Нет. — Изумо покачал головой. — Старший конторский служащий в сёгунате по имени Асикага Сабуро. Он приходится сёгуну троюродным братом.

— Какое несчастье, — сказал Хиро.

— Сёгун просит помощи отца Матео в раскрытии этого преступления, — добавил Изумо.

— Не понимаю, — сказал отец Матео. — Мы с сёгуном встречались лишь один раз и то много лет назад. Я не знал, что ему вообще знакомо мое имя.

— Когда обнаружили тело, сёгун позвал отца Вилелу помолиться за усопшего, — сказал Изумо.

— Когда это сёгун принял христианство? — спросил отец Матео.

— А он и не принимал, — ответил Изумо. — Помолившись, сёгун Асикага упомянул о том, что слышал, будто вы год назад поймали убийцу Акеши Хидэёши. Отца Вилелу вызвали, чтобы сёгун мог вежливо поинтересоваться на ваш счет.

По тону послушника было понятно, что он (а за ним подразумевался и отец Вилела) не слишком был рад тому, как все обернулось.

Как, собственно, и Хиро.

— Мне очень жаль, но отец Матео вынужден отказаться.

— Хиро! — Отец Матео повернулся к Изумо. — Мы почтем за честь помочь сёгуну.

— Я приношу свои извинения, — сказал Хиро, — но я настаиваю. Отец Матео священник. Я всего лишь переводчик. Мы не уполномочены расследовать убийства.

Изумо улыбнулся и переступил с ноги на ногу, что выдавало его беспокойство.

— Мой переводчик слишком торопится, — на великолепном японском сказал отец Матео. — Пожалуйста, передайте отцу Вилеле, что мы с Хиро подчиняемся распоряжению сёгуна.

Изумо натянуто улыбнулся.

— Я ценю ваше решение, но сёгун говорил только о вас... о вас одном.

— Но я не в одиночку нашел убийцу Акеши, — сказал отец Матео. — Я требую, чтобы Хиро мне помогал.

Изумо перевел взгляд с отца Матео на Хиро, словно ожидая, что последний поддержит иезуита. Синоби промолчал.

— Хорошо. Если нет другого выбора, — наконец, сказал Изумо, — но, пожалуйста, объясните сёгуну, что мы передали его послание без изменений. — Он поклонился. — Когда придёте в сёгунат, спросите Мацунагу Хисахидэ. Он будет следить за вашим расследованием.

А сейчас прошу меня извинить, я должен вернуться к отцу Вилеле.

Хиро с отцом Матео проводили посетителя обратно к двери. Изумо вышел наружу, скользнул в сандалии и поспешил прочь.

Иезуит закрыл дверь и резко обернулся. Хиро пришлось отпрыгнуть назад, чтобы не столкнуться с ним.

— Почему ты ему отказал? — требовательно спросил отец Матео.

Редкая, но неподдельная досада окатила Хиро. Ему потребовалось некоторое время, чтобы собраться мыслями.

— Мы не занимаемся расследованием убийств, — сказал Хиро. — Случай с Акеши чуть не отправил нас на тот свет, а это только касалось чайного дома. Сёгунат гораздо опаснее.

— Сёгун попросил нашей помощи, — сказал отец Матео. — Отец Вилела продублировал его просьбу. Отказ в данном случае не принимается.

— Отец Вилела сделал это против своего желания, — продолжил Хиро. — Даже ты не мог не заметить, что Изумо было не комфортно... ни Вилела, ни Изумо не осознают опасности. Я не позволю тебе рисковать своей жизнью.

— К счастью, твое согласия не требуется. — Отец Матео помолчал. — С чего ты решил, что моей жизни угрожает опасность?

— Ты забыл детали убийства Акеши? Семья покойного пыталась возложить ответственность на нас.

— Это другое. На этот раз никто из моих новообращенных не имеет к этому никакого отношения. — Отец Матео настороженно отступил на шаг. — Хиро, о чем ты не договариваешь?

Прежде чем синоби успел ответить, по дому пронёсся женский крик.

Глава 4

Хиро рванул в свою комнату, отец Матео побежал следом. Они замерли в дверном проеме, пытаясь найти источник крика.

Спиной к двери, подняв руки, возле сундука Хиро стояла Ана — экономка иезуита. На полу у ее ног лежало смятое одеяло. Она снова вскрикнула и наклонилась, чтобы ударить Казу, который прятался в сундуке. Его глаза были широко распахнуты, защищаясь, он вскинул руки.

Он заметил мужчин, стоящих в дверном проеме.

— Хиро, пожалуйста! — позвал Казу.

Экономка развернулась. На ее лице добавилось хмурых морщинок. Черные глаза сверкали яростью и неожиданным удивлением.

— Хиро, — сказала она. — Так я и знала.

Синоби открыл было рот, чтобы попытаться отрицать всякую свою причастность, но передумал.

— Это Казу, — сказал он, а потом добавил: — Вы же знаете Казу.

— Я знаю, что он явно живет не в этом сундуке. — Ана искоса посмотрела на Хиро и погрозила ему пальцем, словно перед ней стоял шаловливый ребенок. — Ты специально его туда посадил, чтобы меня напугать?

— Не делал он этого. — Казу встал и одернул рясу. — Он засунул меня туда как раз с обратной целью.

— Хм. — Ана подобрала одеяло с пола и пробормотала: — Не сработало.

Она направилась к двери, но остановилась напротив Хиро.

— Нужно просушить твоё кимоно. Стоит ли мне опасаться, что я найду в твоём шкафу пару танцовщиц?

— Вряд ли ему настолько может повезти, — пошутил Казу.

Ана стрельнула взглядом через плечо и поспешила прочь из комнаты.

Отец Матео перевел взгляд с удаляющейся экономки на Хиро.

— Почему он прятался в сундуке для футона?

— Глупая шутка, — сказал Казу, — за которую я приношу свои извинения. Я зашел узнать, не получал ли Хиро писем из Ига. Я уезжаю туда сегодня утром.

— Вы работаете в сёгунате. — Взгляд отца Матео переместился с Казу снова на Хиро. — Поэтому ты не хочешь влезать в это дело.

Хиро молчаливо кивнул.

Иезуит посмотрел на Казу.

— Это вы убили Асикагу Сабуро?

— Нет, — ответил Казу.

— Но сёгун считает, что вы.

Это было скорее утверждением, а не вопросом.

Хиро был восхищен тем, насколько быстро священник сделал выводы, но надеялся, что Матео не станет спрашивать, почему Казу пришел в этот дом. Иезуит не знал, что Казу тоже синоби, а Хиро не собирался об этом рассказывать.

— Убийца воспользовался моим кинжалом, — сказал Казу, — но я клянусь всеми ками Японии, что удар был нанесен не моей рукой.

— Есть только один Бог, — сказал отец Матео, — в Японии или где-то еще. Но если вы невиновны, как заявляете, Его истина поможет вам оправдаться.

Казу рассмеялся.

— Сёгуну нет дела до истины вашего Бога.

Отец Матео поклонился.

— Прошу простить мне мою грубость, но я хотел бы поговорить с Хиро... наедине.

Иезуит отступил к двери. Когда Хиро вышел за ним следом, отец Матео задвинул сёдзи, отделявшие комнату Хиро от гостиной. Они подошли к утопленному в пол очагу, из которого пахло пеплом.

Отец Матео понизил голос и перешел на португальский:

— Дом Господа не укрывает убийц.

— Казу говорит, что он невиновен, — ответил Хиро на родном языке иезуита, — и я не предлагал ему никакого укрытия. Он пришел без предупреждения, так же и уйдет, на рассвете.

— Все принимает серьезный оборот, — сказал отец Матео и поднял правую руку, но остановился, так и не проведя ею по волосам. Он опустил руку, не поддавшись своей привычке. — Сёгун позволяет мне жить в Киото и нести слово Божие, потому что я придерживаюсь японских законов. Если он узнает, что я спрятал беглеца, он выгонит меня из города. И, вероятно, отца Вилелу тоже.

— Он не выгонит тебя. — Хиро перешел на японский. — Он тебя убьет.

Прежде чем иезуит успел хоть что-то ответить, Хиро продолжил:

— Я осознаю опасность. Если бы Казу спросил меня, я бы не согласился и не разрешил ему прийти сюда.

— Я и не думаю, что это ты его пригласил, — сказал отец Матео. — Но ты позволил ему остаться. Мне начинает казаться, что он несколько больше, чем просто знакомый из магазинчика сакэ.

Дверь в комнату Хиро отъехала в сторону. Появился Казу, на котором все еще была монашеская ряса. В руках он нес пару поношенных сандалий. Плетеная корзина закрывала его голову, опускаясь до самых плеч. Узкая щель в передней части корзины позволяла ему смотреть вперед, но совершенно скрывала черты его самого.

— Хиро, — сказал отец Матео, — у твоего друга на голове корзина.

— Шляпа, — поправил его Хиро. — Монахи комусо школы Фукэ дзен носят это на голове, чтобы оградить себя от окружающего мира

— Спасибо за гостеприимство, — сказал Казу, прекрасный киотский акцент которого глухо звучал из-под корзины. — Я не побеспокою вас снова.

Отец Матео поклонился.

Хиро проводил Казу на выход. Когда они дошли до двери, Казу сказал:

— Ты должен помочь священнику найти убийцу.

Хиро удивленно приподнял бровь.

— Ты правда не убивал Сабуро?

Корзина затряслась, когда Казу покачал головой.

— Нет, но Ханзо обязательно захочет знать, кто это сделал.

Хиро промолчал. Но Казу был прав. Глава Ига рю требовал объяснений касательно всего, что относилось к школе синоби. Он был не из тех, кто терпеливо сносил неудачи.

— Кроме того, — добавил Казу, — тебе придется раскрыть это убийство, чтобы доказать, что ты не помогал мне сбежать.

Хиро тоже подумал об этом же. Правосудие самураев часто возлагало ответственность на друзей и семью виновного, если подозреваемый каким-то образом избегал наказания. Никто в Киото не знал, что Хиро с Казу больше, чем случайные знакомые, однако всем было известно, что они приятельствовали и выпивали вместе. Поскольку у Казу в столице не было семьи, всю тяжесть гнева сёгуна понесут на себе друзья.

— Счастливого пути, — сказал Хиро. — Передавай приветы всем в Ига.

Казу остановился, словно желая сказать что-то еще, но спустя мгновение поставил сандалии на пол, обулся и направился к дороге.

Небо посветлело, но солнце скрывали облака. На дереве щебетали птицы, по гравийной дорожке скрипели сандалии Казу. На узкой дороге молодой синоби повернул на восток, направляясь прочь из Киото.

Из двора через дорогу раздался злобный лай.

На узкой полоске травы рядом с домом был вбит колышек, к которому плетеным канатом была привязана огромная акита. Собака весила почти столько же, сколько и человек, а в холке ее рост составлял около метра. Она яростно лаяла на Казу, останавливаясь лишь за тем, чтобы сделать вдох.

Хиро решил, что это странно. Дровосек, живший напротив, обычно уходил перед самым рассветом и всегда забирал собаку с собой.

Понаблюдав за животным достаточно долго, чтобы убедиться, что она не сорвется с привязи, Хиро перевел взгляд на фигуру удаляющегося Казу. Он надеялся, что синоби не убивал Сабуро. Если в ходе расследования будет доказано обратное, сёгун казнит и Хиро, и отца Матео, как только узнает, что Казу сбежал.

Хиро не хотел ввязываться в расследование, но приказу сёгуна нельзя не повиноваться. Отцу Матео придется найти убийцу, а Хиро, поклявшемуся защищать священника, ничего не остается, как последовать за ним, подвергая себя опасности.

Неожиданный прилив азарта охватил синоби, когда он вернулся в дом и закрыл за собой дверь. Несмотря на то, что он не сам выбрал для себя подобную участь, расследование убийства поможет ему воспользоваться теми навыками синоби, которые в качестве телохранителя ему несколько не нужны. Хиро понял, что принимает вызов, хотя это идет вразрез с его убеждениями.

Он вернулся в общую комнату, когда из своей спальни появился отец Матео, на котором было надето его официальное кимоно.

Прежде чем Хиро успел заговорить, иезуит сказал:

— Ты мог бы и не возражать. Я обязательно разберусь с этим убийством, а ты мне в этом поможешь.

Глава 5

Хиро с отцом Матео направились на запад по дороге Марутамати, пройдя мимо храма Окадзаки — церкви синто, которая обозначала восточную границу Киото.

Они перешли мост, построенный из дерева и камня и перекинутый через реку Камо. Когда они вошли в элитный жилой район на другой стороне, отец Матео сказал:

— Я рад, что Луиса нет в городе. Если бы он услышал крик Аны...

Ему не нужно было заканчивать предложение. Португальский торговец, чья торговля оружием финансировала миссию отца Матео, не умел держать язык за зубами... и даже хуже, если выдать тайну было выгоднее.

Пройдя несколько кварталов от реки, Хиро с отцом Матео повернули на север, на дорогу, ведущую в сёгунат. Подворье сёгуна лежало через квартал с западной стороны улицы.

Комплекс сёгуна окружали двадцатифутовые стены из камня и дерева. Их венчала крыша с загнутыми черными плитками, через определенные интервалы перемежающаяся наблюдательными башнями, торчащими вверх, словно клыки в пасти кабана. Массивные стены тянулись на два квартала в обе стороны. У основания располагался наполненный водой ров, который был достаточно широким, чтобы большинство мужчин не смогли через него перепрыгнуть.

— Такой большой жилой комплекс и всего лишь для одного человека, — сказал отец Матео.

— Сёгун — самый влиятельный человек в Японии, — ответил Хиро, — даже более влиятельный, чем император в прямом смысле слова. А сёгунат такой большой не ради простой показухи. Здесь же находятся здания бакуфу — правительственных ведомств.

— Да, в большом доме, — сказал отец Матео. — Именно там меня принимал сёгун, когда я впервые приехал в Киото. Район тоже замечательный.

— Сёгун Асикага следит за красотой, — ответил Хиро, — хотя некоторым людям кажется, что это притупляет его боевые навыки.

Хиро замолчал, когда они подошли к восточному входу в комплекс. Через ров был перекинут деревянный мост, а над массивными деревянными воротами висела черная черепичная крыша. От рассвета и до заката ворота в сёгунат стояли открытыми.

У входа стояло около дюжины самураев в боевом облачении. Они усилили внимание, когда Хиро с отцом Матео подошли ближе.

Иезуит помедлил, стоя на восточном конце моста, потом поклонился страже. Они тем же способом ответили на приветствие. Хиро с одобрением отметил, что стражники поклонились глубоко в пояс, что было более уважительно, чем это делали некоторые другие самураи по отношению к чужеземцам.

— Я отец Матео Авила де Сантос, — сказал иезуит. — Я пришел, чтобы встретиться с Мацунагой Хисахидэ.

— Приветствую, отец, — ответил самый высокий стражник. — Пожалуйста, подождите здесь. Я скажу Мацунага-сан, что вы пришли.

Он исчез в подворье, пока Хиро с отцом Матео спускались с моста. Ожидая возвращения стража, Хиро разглядывал комплекс сёгуна... или по крайней мере то, что было видно от ворот.

За входом открывался засыпанный гравием двор. К северу и к югу выстроились ряды хрупких кленов вперемежку с высокими соснами и кедрами. С западной стороны, напротив ворот, располагался вход в огромную правительственную резиденцию.

Здание было гораздо выше обычного одноэтажного строения, создавая при этом эффектный внешний вид и позволяя шпионам сёгуна спокойно передвигаться под стропилами. Тяжелые кедровые балки поддерживали крышу, в то время как декоративные резные изделия украшали дерево и были раскрашены в голубой и золотой цвета.

Деревья, окружавшие особняк, были тщательно подстрижены. Хиро мрачно улыбнулся. Даже ему не удалось бы перепрыгнуть через такое расстояние, не издав при этом ни звука и не подняв тревогу.

Из особняка показался стражник. Рядом с ним шел молодой самурай. На краю веранды они надели сандалии и вышли во двор.

Отец Матео наклонился к Хиро и прошептал:

— Это и есть Мацунага Хисахидэ?

На самурае было стильное черно-белое кимоно с черно-белым символом на левой стороне груди. Хиро узнал знак. Маленький белый бриллиант рядом с большим черным на гербе самурайского клана Миёси.

— Он слишком молод, — по-португальски ответил Хиро, потом добавил: — Скорее всего, это сын даймё Миёси.

— Господин из провинции Ямато? — уточнил отец Матео.

Хиро кивнул:

— Один из сильнейших союзников сёгуна.

Молодой человек остановился напротив отца Матео и кивком головы отпустил стража. Он позволил священнику поклониться первым, но ответил более глубоким поклоном, чем от него ожидал Хиро, и держал его достаточно долго, чтобы выказать искреннее уважение.

— Меня зовут Миёси Акира, — сказал он, когда выпрямился. — Я троюродный брат даймё Миёси из Ямато. Помогаю Мицунаге Хисахидэ с расследованием убийства.

А потом запоздало добавил:

— Добро пожаловать в сёгунат.

— Я отец Матео, из Португалии, — на японском ответил иезуит, а потом добавил: — Несмотря на то, что я немного говорю на вашем языке, мне часто требуется помощь, чтобы понять некоторые нюансы. Это мой переводчик Мацуи Хиро.

Простое представление, не указывающее ни на клан, ни на провинцию, где родился, что подразумевало, Хиро — ронин: самурай без хозяина, вынужденный оказывать услуги за деньги. Таким образом Хиро не мог претендовать ни на звание, ни на привилегии в обществе других самураев.

Синоби поклонился как можно ниже.

К удивлению Хиро, Акира вежливо кивнул, не выказав ни капли презрения.

— Рад с вами познакомиться, Мацуи-сан.

Взгляд Акиры вернулся к священнику.

— Мицунага Хисахидэ приносит свои извинения. Он бы хотел сам встретить вас, но его задержали обстоятельства. Прошу за мной.

Он повернулся и повел их через двор.

Хиро вдохнул мускусный аромат кедров и влажный воздух, который обещал дождь. Облака, заслонившие восток, стали кучнее и потемнели. Хиро сомневался, что доберется до дома в сухом кимоно, и гадал, откажется ли Ана от проветривания одеял и одежды.

Экономка придет в скверное расположение духа, если ливень испортит ее работу.

— Хисахидэ упоминал о вашей прошлой работе для клана Акеши. — Акира выскользнул из сандалий на деревянный пол веранды, опоясываящей особняк. — Сёгун требует аналогичного содействия, хотя я надеюсь, вы понимаете, что эта ситуация требует большей осторожности.

Он перевел взгляд с Хиро на отца Матео, ожидая подтверждения. Те сняли свои сандалии рядом с верандой и присоединились к нему.

— Даю вам свое слово, — сказал иезуит, — все останется при мне, моему переводчику тоже можно полностью доверять.

Акира провел их в особняк через комнату в шесть матов, где обычно посетители ожидали аудиенции у сёгуна или одного из чиновников. В столь ранний час комната была пуста, за исключением пары сонных охранников, которые, не задавая вопросов, позволили мужчинам пройти.

Хиро с отцом Матео проследовали за Акирой через лабиринт бесчисленных комнат, отделенных друг от друга раздвижными дверями. Большие помещения предназначались для встреч и использовались как переговорные, тогда как маленькие были ничем иным, как проходами, ведущими в личные кабинеты. Низкие реечные потолки препятствовали использованию мечей. И даже большие комнаты, по мнению Хиро, казались угнетающе тесными.

Через несколько минут они вошли в комнату размером десять матов, в которой полным ходом шла реконструкция. Татами был собран и лежал в юго-восточном углу, накрытый сверху плетеными циновками, чтобы защитить его от влаги и пыли. Разного рода метлы и столярные инструменты аккуратно лежали возле западной стены рядом с искусно сделанной, но незаконченной ширмой, и высокой грудой деревянных потолочных реек.

Неподалеку на деревянных подпорках лежала кедровая балка. Часть отсутствующего потолка указывала на место, которое она займет.

Акира, словно смущаясь, помедлил.

— Прошу прощения за беспорядок. Сёгун хочет, чтобы работу завершили до... как можно скорее. — Он показал в сторону раздвижной двери с северной стороны комнаты. — Кабинет Асикага Сабуро справа, сразу вот за той дверью.

— Он работал один? — спросил отец Матео.

— У него был один помощник, Ито Казу, — Акира посмотрел на Хиро. — Ваш друг.

Глава 6

— Я знаю Ито Казу, — сказал Хиро, — но называю его. скорее, просто знакомым, а не другом.

Акиро посмотрел на Хиро, не принимая, но и не отвергая его заявление.

— Ничего не трогайте в офисе Асикага-сан, — сказал Акира, проводив их через комнату в узкий коридор с дверями по обе стороны. — Его семья еще не приехала.

Акира отодвинул дверь справа и подождал, пока остальные мужчины войдут.

Хиро сделал шаг назад, пропуская вперед отца Матео. Но его чувствительный нос успел уловить смешанный запах документов, жасмина и крови. Иезуит вошел в комнату и отступил в сторону, давая Хиро возможность бросить первый взгляд на место преступления.

В комнате размером в шесть матов находился встроенный стол и шкаф на южной стене относительно входа. На столе лежали груды пергаментных свитков. Некоторые были аккуратно разложены, а некоторые развернуты, словно до этого их просматривали. Свиток с монохроматическим пейзажем украшал токонома (декоративный альков) в стене рядом со столом. Больше ни мебели, ни каких-либо украшений в комнате не было.

В центре комнаты Хиро увидел продолговатую лужу уже свернувшейся крови, где прежде лежало тело. К открытым сёдзи в северной части вели кровавые пятна и разводы. Ржавые капли и удлиненные брызги располагались на полу и стене слева от двери.

Судя по размеру и расположению пятен, Сабуро был застигнут убийцей врасплох за или рядом со входом с северной стороны.

Хиро посмотрел на лужу крови. Края были ровными и четкими, лишь слегка смазанными. После падения Сабуро не двигался, хотя Хиро был уверен, что жертва истекла кровью на полу.

Кровавые следы вели от лужи до раздвижной двери, расположенной на восточной стене кабинета. Судя по естественному свету, который лился через бумажные панели, дверь вела в своего рода сад или внутренний двор.

Отец Матео показал на дверь.

— Куда она ведет?

Хиро бы очень хотелось, чтобы иезуит помнил, что самураи считают невежливым на что-то показывать пальцем.

— Никуда, — ответил Акира. — Вернее, она ведет наружу, но никуда в частности. Там веранда и сад с разбитыми тропинками. Мы считаем, что убийца сбежал именно этим путем.

— Похоже на то. — Отец Матео изучающе разглядывал ржавые потеки крови вокруг двери. — Следы ведут наружу?

Акира покачал головой.

— Убийца, по все видимости, снял таби. — Он перевел взгляд на Хиро. — Священник понимает слово "таби" — носки?

Хиро кивнул.

— Носки были оставлены?

— К сожалению, нет.

Хиро бросил взгляд на стол. В стопке документов на самом верху лежал написанный от руки список с именами. Изысканные символы текли по странице с той выверенностью, в которой Хиро узнал почерк Казу. Он осмотрел стол и пол вокруг него, но крови не увидел.

Повернувшись, Хиро заметил, что в луже крови что-то лежит. Он пригнулся и прищурился, пытаясь рассмотреть предмет, не касаясь его.

— А это что за комната? — отец Матео показал на открытую дверь в северной части комнаты. И на этот раз Хиро с облегчением увидел, что священник помнит, как показывать на японский манер.

— Личный кабинет Сабуро, — сказал Акира.

Хиро снова обратил свое внимание на пол.

Почти в центре лужи свернувшейся крови лежала заколка для волос. Она на поминала палочки для еды, только на утолщенном конце находилось украшение в форме серебряной грозди цветков. Дерево, похоже, было залакировано и, вероятно, чем-то инкрустировано, но темная кровь скрыла мелкие детали.

Хиро наклонился еще ниже.

К нему присоединился отец Матео.

— Что это?

— Канзаси, — ответил Хиро. — Женская заколка для волос.

— Не трогайте, — рявкнул Акира. — Мы не должны ничего передвигать, пока не придет семья.

"Кроме тела", — подумал Хиро.

— Асикага-сан лежал вверх лицом или вниз? — спросил Хиро. — Кто его обнаружил?

При отсутствии тела было сложно реконструировать место преступления, хоть Хиро и не ожидал застать труп там, где его нашли. Убийство бесчестит жертву, и тело, оставленное на месте преступления, опозорило бы клан сёгуна.

— Тело нашла служанка, — ответил Акира. — Я не видел его до того, как его перенесли, и не спрашивал о том, как оно лежало.

— Разве сёгун не приказал оставить все как есть? — отец Матео выглядел удивленным.

— Это не касается тела, — сказал Хиро. — Уважение к мертвым превыше всего.

— И куда его унесли? — спросил иезуит.

Хиро махнул в сторону противоположного конца комнаты.

— В личный кабинет.

— Откуда вы знаете? — глаза Акиры распахнулись от удивления.

— Догадался. К тому же это логично, отнести его туда, пока не придет семья. — Хиро встал. — Можем мы взглянуть на тело?

— Если хотите.

Хиро пересек комнату, стараясь не наступать на капли крови. Он мог только представить, какой гнев испытала бы Ана, если бы Хиро испачкал носки в крови.

Кабинет Сабуро тоже измерялся шестью матами: слишком большое помещение для клерка ранга Сабуро, но соответствующее его отношению к сёгуну. Отдельно стоящий стол у восточной двери говорил о том, что Сабуро мог садиться лицом к веранде или входной двери в зависимости от погоды или настроения. Внешняя спинка стола указывала на то, что в день своей смерти Сабуро сидел спиной к веранде.

На столе лежал окровавленный танто. Темные разводы покрывали лезвие и лакированную рукоять.

Даже на расстоянии Хиро узнал в нем оружие, которое идеально совпадало с мечом Казу, сделанным на заказ.

Сабуро лежал на спине возле стола. Руки были вытянуты по швам, а стопы направлены к двери. Передняя часть изорванного кимоно оказалась залита кровью, однако куда больше крови было на правой стороне лица. Из самурайского пучка торчали волосы, вырванные оттуда, вероятно, в процессе борьбы. Засохшие пряди прилипли к лицу, словно остатки лапши в грязной миске.

Кто-то закрыл Сабуро глаза, но это не улучшило его внешнего вида.

Хиро опустился на колени возле тела, чтобы удостовериться в причине смерти. Большое количество крови и танто говорили о том, что самурай умер от обильной кровопотери. Синоби не увидел никаких повреждений головы или шеи, смертельными оказались три раны на груди самурая. По крайней мере одна, а можете быть и две, задела сердце.

От трупа исходил тяжелый металлический запах, наряду со сладковатым привкусом, в котором Хиро узнал аромат смерти.

Он оглянулся через плечо.

— Могу я до него дотронуться?

Акира побледнел.

— Зачем?

Хиро приложил большой палец к левой щеке Сабуро. Температура кожи соответствовала температуре окружающего воздуха, а мышцы сопротивлялись давлению. Они казались напряженными и упругими под пальцем Хиро. С тех пор как самурай погиб, прошло несколько часов.

Плоть в окровавленной части лица Сабуро была фиолетовой, но не очень темной. Это неудивительно, учитывая обильную кровопотерю.

— Как думаешь, сколько он уже мертв? — спросил отец Матео.

Хиро удивленно поднял глаза, пораженный правильной догадкой иезуита: именно это и пытался выяснить синоби.

— По крайней мере девять часов или больше. Я бы сказал, он умер после наступления темноты, но до полуночи.

— Вам не следовало притрагиваться к нему, — с отвращением сказал Акира. — Мы и так уже знаем, что он был убит прошлой ночью. Кроме того, откуда простой переводчик так много знает о смерти?

Хиро выдавил грустную улыбку ронина.

— Я не всегда был тем, кто есть сейчас. — Он показал на надорванный и окровавленный рукав Сабуро. — Видите эти следы от порезов? Он сопротивлялся убийце.

— Зачем убийце бить по руке? — спросил Акира.

Хиро поднял руку к лицу.

— Асикага-сан просто защищался.

Отец Матео показал на ножны Сабуро, висящие у того на боку.

— Почему он не достал свой меч?

— Потому что ему нечем было его доставать. — Хиро перегнулся через тело и поднял застывшую руку Сабуро. Три пальца его правой руки отсутствовали. Мизинец болтался на лоскуте кожи, словно рыба на леске.

Отец Матео побледнел и пробежал рукой по волосам.

— Как такое могло случиться?

Хиро кивнул на стол.

— Полагаю, это танто.

— Это орудие убийства, — подтвердил Акира. — Торчал из спины Сабуро.

Отец Матео отвел взгляд и закрыл глаза.

— Ты не мог бы опустить его руку?

Хиро пожал плечами и положил руку на место.

— Кто-нибудь нашел пальцы?

Акира кивнул.

— Семья захочет забрать их для похорон.

Хиро взялся за окровавленное кимоно Сабуро.
— Давай его перевернем.
— Стойте, — запротестовал Акира. — Вы не должны...
Но его возражение раздалось слишком поздно.

Глава 7

Хиро с отцом Матео перекатали тело на живот.

— Не делайте этого, — бросился возражать Акира.

— Не беспокойтесь, — ответил Хиро, — я верну его в то же положение, никто не заметит. Нам нужно точно знать, как именно он умер, чтобы выследить убийцу.

Спина Сабуро выглядела более опрятной, чем грудь. Единственная рана между плеч кровоточила лишь настолько, чтобы испачкать края одежды вокруг нее.

— В этом месте торчал клинок? — Хиро показал на рану.

— Не знаю, — ответил Акира. — Меня здесь не было. Эта рана была смертельной?

— Нет, — сказал Хиро. — Он уже был мертв к этому моменту или был близок к смерти.

— Откуда вы можете это знать? — спросил Акира.

— После смерти у людей кровь не идет, — объяснил Хиро. — Она вытекает из раны, но недолго. И всегда течет по направлению к земле.

— Значит Асикага-сан умер лицом вниз, — сказал Акира. Он выпрямился, словно вспомнив, что смерть оскверняет любого, кто с ней сталкивается. — Как вы можете до него дотрагиваться?

Хиро улыбнулся.

— К счастью, я живу со священником, который может даровать очищение от скверны.

Отец Матео косо посмотрел на синоби. Хиро скорее получит палкой по спине, а не благословение.

Они вернули труп в исходное положение. На бледном полу остались отпечатки от залитого кровью кимоно, но Хиро сомневался, что кто-нибудь обратит на это внимание. При всем ее обилии, лишние разводы вполне ожидаемы.

Все что можно было, Хиро узнал. Он встал и принялся изучать комнату.

Вдоль западной стены стояли аккуратные книжные полки. Верхние из них оккупировали тома в солидных переплетах, тогда как на нижних располагались и книги, и свитки. Пустое пространство показывало, какие книги были извлечены, но Хиро не заметил никакой закономерности.

На столе Сабуро царил порядок. Чернильница и кувшин с водой стояли в правом углу рядом с керамической бутылочкой пастообразных чернил, возле которой располагалась мраморная печать. Она содержала официальную подпись Сабуро, и Хиро показалось интересным, что убийца ее не забрал.

Возле двери, ведущей в приемную, стоял поднос с грязной посудой.

— Сабуро часто ел у себя? — поинтересовался Хиро.

Акира проследил за его взглядом.

— Не знаю. Я не часто бывал в этом кабинете.

На полу между столом и дверным косяком Хиро заметил какие-то крошечные частицы. Он поднял одну, растер пальцами и поднес к носу.

— Что вы делаете? — спросила Акира.

Хиро сделал вдох, потом опустил руку и положил крошку на палец.

— Это опилки. Кедровые, если быть точнее.

— Строительный мусор, — сказал Акира. — По всему зданию разнесли.

В памяти Хиро всплыл безупречно чистый пол вокруг того места, где шла стройка. Он хотел было упомянуть об этом, но его опередил отец Матео:

— Как часто в этом кабинете проводится уборка?

— Каждый вечер, — нахмурился Акира. — Наверное, кто-то оставил эти следы ночью или утром, когда переносили Сабуро.

— Мы хотели бы поговорить с плотниками, — сказал Хиро, — и со служанкой, обнаружившей тело.

— Плотники скоро придут, — ответил Акира, — а девчонку Хисахидэ отправил к родителям на несколько дней.

Хиро обратил внимание на то, каким образом Мацунага произнес имя Хисахидэ. Это его удивило. Большинство мужчин никогда не позволяли себе говорить о начальстве с подобной небрежностью, и до сего момента Акира казался человеком исключительной вежливости.

— А семья девушки далеко живет? — спросил отец Матео.

— Мне кажется, они живут в Киото, — ответил Акира.

— Можно отправить за ней посыльного? — спросил Хиро. — Мне хотелось бы в точности знать, что она видела.

— Мудрая просьба, — донесся голос из приемной.

В комнату, с тихой грацией тигра, вошел самурай. Его седые волосы были откинuty назад с обритого лба, который венчал красивое, без каких-либо эмоций, лицо. На мужчине было черное кимоно, украшенное двойной луной Миёси, а мечи покоились в дорогих ножнах. Его горделивая осанка и стройная, но мускулистая фигура, говорили о том, что он усердно тренируется, а это необычно для мужчины в таком возрасте.

Хиро поклонился. Отец Матео последовал его примеру. Самурай ограничился в ответ легким кивком.

— Приветствую вас, Мацунага-сама, — сказал Акира, используя самое почетное обращение. —

Позвольте представить вам чужеземного священника отца Мат-тео Авило и его переводчика Мацуи Хиро.

Хиро снова поклонился. В этом не было необходимости, но это обязывало Хисахидэ заговорить первым.

— Вы поймали убийцу Акеши Хидэёши, — глядя на Хиро, сказал Хисахидэ.

— Преступление раскрыл отец Матео, — ответил синоби. — Я простой переводчик.

Хисахидэ улыбнулся.

— Вы Мацуи Хиро из провинции Ига, второй и единственный выживший сын Мацуи Дзиро. Ваш отец преданно служил своему даймё, но рано умер, что вынудило вас приехать в Киото и искать себе здесь место писца. Три года назад этот чужеземец нанял вас в качестве переводчика... не очень счастливый поворот судьбы, хотя рапорты говорят о том, что эту ношу вы несете с честью.

— Благодарю вас, Мацунага-сама, — поклонившись в очередной раз, сказал Хиро.

По большей части информация была неверной, но это именно та легенда, которой прикрывался Хиро по прибытии в Киото. Он был рад, что его прикрытие смогло одурачить шпионов Миёси.

— Сёгун ожидает, что я найду и накажу человека, убившего его брата, — сказал Хисахидэ, — а я ожидаю помощи от вас.

— Мы почтем за честь помочь вам в этом расследовании, — сказал отец Матео.

Хисахидэ повернулся к Акире.

— Можете нас оставить и отправить нарочного к служанке, которая обнаружила Сабуро.

На лице Акиры промелькнуло разочарование, но мужчина поклонился и, не сказав ни слова, вышел из комнаты.

Когда он ушел, Хисахидэ сказал:

— Сёгун считает, что в расследовании нет смысла. Кинжал, которым убили Сабуро, принадлежит человеку по имени Ито Казу. — Он посмотрел на Хиро. — А я знаю, что Ито-сан ваш друг.

Хиро так же пристально посмотрел на Хисахидэ в ответ. Он подозревал, что расследование Акеши всего лишь предлог, чтобы заставить его прийти в сёгунат. Если Казу не найдут и не накажут, друг или члены семьи понесут наказание вместо него.

— Ито Казу просто знакомый, — сказа Хиро. — Мы познакомились в сакэварне Гиндзиро, когда я приехал в Киото. Узнав, что мы оба из Ига, Казу предложил мне помощь в поисках работы. К сожалению, его усилия оказались напрасными.

— Мне сказали, вы часто выпивали вместе, — сказал Хисахидэ.

— Иногда, — ответил Хиро. — Мы вспоминали Ига. Каждый мужчина скучает по дому своих предков.

Лицо Хисахидэ осталось непроницаемым.

— Где находится Казу?

— Если он убил человека, то, вероятно, сбежал из города, — сказал Хиро. — Я на его месте поступил бы именно так.

— Возможно, но вы не ответили на мой вопрос.

Глава 8

Хиро был восхищен тем, как Хисахидэ сопротивлялся попыткам себя отвлечь.

— Я не знаю, где находится Казу сегодня утром, — ответил он.

Фактически это было правдой. Он не видел Казу с рассвета.

— Простите мне мое невежество, — подал голос отец Матео, — но если вам известно, кто совершил преступление, зачем вы просите нас о помощи?

Хиро подозревал, что "невежество" в данной ситуации было притворным. Отец Матео знал достаточно о правосудии самураев, чтобы понять, где кроется опасность.

— Сёгун попросил, не я, — ответил Хисахидэ, — и, мне кажется, ему вы были нужны скорее из-за вашей связи с Казу. Но поскольку вы уже здесь, я не вижу причин отказываться от ваших умений.

Хисахидэ бросил взгляд в сторону приемной.

— Многие, включая и Акиру, считают, что доказательств, изобличающих Ито-сан, достаточно, но я сомневаюсь в его виновности. Он известен своей компетентностью, а некомпетентный человек не оставит оружие. Это меня беспокоит, хотя я не могу сомневаться в интерпретации доказательств сёгуном, пока не представлю других.

— Понимаю, — сказал Хиро. В сознании синоби проросли семена сомнения в невиновности Казу. Наемный убийца может оставить свое оружие в качестве отвлекающего маневра именно потому, что самурай бы так не сделал. Хиро на месте Казу поступил бы так же... предположение того, что убийцей был Казу, внезапно показалось более правдоподобным, чем хотел признавать Хиро.

— Сёгун желает, чтобы я допросил Ито-сан, — сказал Хисахидэ, — и я это сделаю, когда он придет на работу. Вы же пока не будете делать никаких заключений ни о его виновности, ни о невиновности. Вы сможете это сделать, несмотря на ваше знакомство?

— Сможем и сделаем, — сказал отец Матео.

Взгляд Хисахидэ упал на Хиро.

— Мы узнаем правду, какой бы нелицеприятной она ни была, — сказал Хиро, хотя и не стал бы обещать, что будет делиться какой бы то ни было информацией.

— У вас три дня на поиск убийцы, — сказал Хисахидэ.

— Три дня? — повторил Хиро.

— Этого оказалось достаточно, чтобы найти убийцу Акеши Хидэёши, — сказал Хисахидэ, — мне так говорили.

То преступление случилось в прошлом году. Расследование не было публичным, но у клана Акеши были связи с сёгуном, и информация быстро распространилась по Киото.

— Трех дней слишком мало, чтобы найти убийцу, — сказал отец Матео.

— Тогда вам придется работать быстро, — ответил Хисахидэ. — Даймё Ода отправил в Киото послов. Его люди придут в восемнадцатый день месяца, то есть через четыре дня, и убийца Сабуро должен быть пойман и наказан до их приезда. Не должно казаться, что сёгунат уязвим.

— А если нам не удастся так быстро раскрыть преступление? — спросил отец Матео.

— Убийца умрет до приезда людей лорда Оды, — заявил Хисахидэ. — Так или иначе.

Хиро угрозу осознал. Невиновность не спасет Казу, если виновный исчез. К сожалению, поскольку Казу сбежал, Хиро с отцом Матео следующие в списке кандидатов на наказание. Закон возложит ответственность на Хиро, поскольку он был другом Казу. Но цепочка потянется дальше, приведя к работодателю Хиро — отцу Матео. Если кто-то заподозрит, что Хиро помог Казу сбежать, или решит наказать Хиро вместо отсутствующего Казу, иезуит разделит с синоби всю ответственность.

Отец Матео нахмурился.

— Мы не станем вам содействовать в убийстве невиновного.

Хиро бросил на священника удивленный взгляд. Он не ожидал, что отец Матео поймет скрытый смысл слов Хисахидэ.

Самурай выглядел таким же пораженным, как и синоби, но удивление исчезло с его лица с такой же скоростью, с какой появилось.

— Чужестранцы не могут ставить условия, — сказал Хисахидэ. — На этот раз я прощаю вам ваше невежество, но не стоит повторять эту ошибку.

Хиро надеялся, что священник извинится или, по крайней мере, не станет возражать, но сомневался, что отец Матео так поступит. Стремление иезуита к правде было опасным.

Синоби уже был готов принести извинения от лица отца Матео, когда священник низко поклонился и сказал:

— Прошу прощения за неосмотрительность.

Кратковременное облегчение, которое испытал Хиро, моментально испарилось, когда иезуит продолжил:

— Я ошибочно полагал, что кодекс Бусидо требует, чтобы самурай добивался справедливости, а не казнил первого встречного только лишь для того, чтобы доказать, что преступление наказуемо само по себе.

Отец Матео не дрогнув выдержал взгляд Хисахидэ.

Тот улыбнулся, но в глазах сквозил холод.

— Если бы мне нужно было наказание ради наказания, Ито Казу был бы уже мертв. Как уже было сказано, я любой ценой буду удерживать сёгуна от цепких лап лорда Оды. Жизнь одного невинного ничто по сравнению с ценой войны.

Хиро заговорил, дабы заставить замолчать иезуита.

— Мы найдем настоящего убийцу за три дня при условии, что вы не станете налагать никаких ограничений на наши передвижения.

— Это невозможно, — сказал Хисахидэ. — Сёгуна тревожить нельзя, и это убийство нельзя выносить на публику.

— Мы будем действовать осмотрительно, — сказал Хиро, — но для расследования нам нужна определенная свобода действий.

Синоби надеялся, что Хисахидэ откажется от своих требований и освободит их от обязанности раскрыть это преступление.

Вместо этого самурай кивнул.

— Понимаю. Вы можете исследовать здания бакуфу и близлежащие земли, но личные покои сёгуна под запретом. Можете разговаривать с прислугой и охраной. График бесед с должностными лицами я составлю.

Этого достаточно?

— Да, — ответил отец Матео. — Мы будем соблюдать эти границы.

Хиро же хотелось, чтобы Хисахидэ просто отправил их восвояси.

Акира возник в дверном проеме и поклонился.

— Посланник за девушкой отправлен.

— Спасибо, Акира, — сказал Хисахидэ. — Вы будете помогать отцу Матео и Мицуи-сан в их расследовании.

"И докладывать обо всем Хисахидэ", — подумал Хиро.

Акира изо всех сил пытался скрыть свое смятение. Хиро его прекрасно понимал. Брат даймё не прислуга, но приказ делал его таковым по крайней мере на три дня.

— Прошу меня извинить, — сказал Хисахидэ, — у меня есть неотложные дела.

Он покинул комнату, не дожидаясь ответа.

Акира выдавил улыбку.

— Откуда хотите начать?

— Можем мы поговорить с плотниками, пока ждем служанку? — спросил Хиро.

— С плотниками? — Акира казался удивленным. — Не с Ито Казу?

— С ним Мицунага-сан хотел поговорить сам, — сказал Хиро. — Нас с собой он не звал.

— Но что могут знать плотники? — Акира покачал головой, высказывая типичное для самурая презрение для низшего класса.

— Опилки на полу, — сказал Хиро. — Возможно, их сюда принес сам самурай, но плотники могли видеть или слышать что-то полезное.

От удивления у Акиры слегка приоткрылся рот. Ему, видимо, и в голову не могло прийти, что простые рабочие могли подслушивать разговоры самурая. Акира провел Хиро и отца Матео обратно через приемную в переговорную.

Оглядывая кедровый брус, возле деревянных козел стоял плотник с рубанком в руке. Вместо обычной набедренной повязки, несомненно, в качестве уступки формальностям, на нем были надеты мешковатые штаны.

Когда Акира вошел, рабочий опустился на колени и прижался лбом к полу.

Измеряя пространство над южным входом, на высокой лестнице у противоположной стены стоял второй плотник. Он находился к Акире спиной, поэтому не увидел, как вошел самурай. Как и у первого, на этом рабочем были такие же мешковатые штаны и туника с длинными рукавами. Объемные рукава были закатаны и подвязаны полоской ткани.

Акира только ступил в комнату, когда плотник опустил измерительную трость и спустился с лестницы. Добравшись до пола, он обернулся и поклонился. На колени, в отличие от первого, он не опустился и лбом в пол не уперся.

Когда плотник выпрямился, на его лице застыла непроницаемая маска, но в его глазах Хиро заметил отражение живого ума. Синоби не сомневался, что этот человек замечает все, что происходит вокруг.

Вопрос в том, расскажет ли он об этом.

Глава 9

Самурай не обязан быть вежливым с простолюдином, поэтому Акира не стал размениваться на приветствия.

— Представься.

Плотник поклонился еще раз.

— Я матер-плотник Озуру. — Он махнул на коленопреклоненного мужчину по другую сторону комнаты. — Моего помощника зовут Горо.

— Это отец Матео из Португалии, — сказал синоби. — Я его переводчик Мацуи Хиро.

— Эти люди расследуют убийство, — сказал Акира. — Ты должен отвечать на их вопросы честно и рассказать всю правду. Чужеземец поймал много преступников. Ложь он распознает прежде, чем ты ее произнесешь.

На лице Озуру не дрогнул ни единый мускул.

Акира ошетинился, глядя, что плотник никак не среагировал, но, прежде чем он мог приступить к угрозам, отец Матео сказал:

— Спасибо, что согласились поговорить с нами.

Озуру бросил взгляд на Горо.

— Ваш помощник нам пока не нужен, — сказал Хиро.

Озуру махнул помощнику.

— Вставай. Я хочу, чтобы перекладина была готова к тому времени, когда придут остальные.

Горо встал, поклонился и достал рубанок. Он старался не пялиться на чужеземца, но так и стрелял глазами на лицо отца Матео, напоминая Хиро о том, насколько странными казались бледная кожа иезуита и его западные черты обычному японцу.

Губы Акиры изогнулись в вымученной улыбке.

— Прошу меня извинить, мне нужно проверить, не вернулся ли посланник.

Он исчез в южной двери прежде, чем кто-то успел вымолвить хотя бы слово.

Хиро повернулся к Озуру. Морщинки вокруг его глаз появились не потому, что он был стар, причиной было солнце. В его жилистых, мускулистых руках была скрыта сила и, несмотря на то, что они были шишковатыми, пигментных старческих пятен на них не было.

Самурай бы увидел только мужика в запятнанных и пыльных брюках, но Хиро понимал, что столярное мастерство требовало точности, художественного таланта и физической силы, по меньшей мере таких же, как и фехтование. Только мужчина, обладавший исключительными навыками, смог бы добиться звания мастера, и мало кто мог достичь такого уровня лишь к среднему возрасту.

Синоби видел, чего никак не мог уразуметь Акира: к Озуру следовало относиться с уважением.

Хиро все еще раздумывал над тем, с чего начать разговор, когда отец Матео сказал:

— Пожалуйста, расскажите нам, что вам известно про убийство Асикага-сан.

Хиро недоуменно посмотрел на священника. Прямолинейность была анафемой для японцев.

— Я знаю только то, что он убит, — ответил Озаму, — и узнал я об этом, когда сегодня утром пришел на работу.

— Вчера работали? — спросил Хиро.

— Да, от рассвета до двух часов после заката. Я задержался, чтобы поработать над резьбой. — Он показал на деревянный экран, который упирался в стену. После завершения эта тщательно продуманная, сложная панель, займет место между верхом двери и потолком, пропуская воздух между комнатами.

— Вы очень умелый мастер, — сказал отец Матео.

Озуру смиренно склонил голову.

— Благодарю вас, отец Матео-сама, — он произнес имя и титул иезуита одним словом. — Мой отец был плотником, а дед — мастером-резчиком. Они обучили меня обоим навыкам.

Он тщательно выговаривал слова, используя только самые простые, чтобы священник понял.

— Хотите посмотреть поближе? — предложил он.

Отец Матео, казалось, был склонен уже согласиться, но Хиро не хотел, чтобы плотник отвлекал их от основной цели.

— Часто работаете допоздна? — поинтересовался Хиро.

Озуру помолчал, словно пытаясь вспомнить, о чем прежде шел разговор. Наконец он кивнул.

— Да, довольно часто. Мои помощники уходят на закате, и я могу поработать в тишине.

— У большинства ремесленников есть своя мастерская, — сказал Хиро.

— И у меня есть, — ответил Озуру, — но сёгун требует, чтобы работу я делал здесь. Он считает, что так работы завершатся гораздо быстрее, а кто я такой, чтобы спорить с самураем.

— То есть сёгун хочет, чтобы работу сделали быстро? — уточнил отец Матео.

— Да, — Озуру бросил взгляд на потолок, — из-за крыс.

— Крысы? — иезуит огляделся.

— Они живут над потолком под крышей, — сказал Озуру. — Было бы совсем не кстати, если бы крыса прыгнула на самурая.

— А такое может случиться? — Глаза отца Матео расширились.

Озуру пожал плечами.

— Зависит от того, как долго не чинить крышу.

И снова разговор ушел от темы убийства.

— Куда вы направились, когда прошлой ночью вышли отсюда? — спросил Хиро.

— Как всегда, домой.

— Где-нибудь останавливались?

— Нет, — ответил Озуру. — Я живу один, так что никто не сможет назвать время, когда я вернулся, и подтвердить, что я сразу лег спать, хотя именно это я и сделал.

Никой обиды в голосе плотника Хиро не услышал. Озуру, казалось, скорее развеселился.

— Как давно вы здесь работаете? — спросил Хиро.

— На сёгуна? Или в этом помещении?

Хиро промолчал.

— Эта стройка началась примерно месяц назад, — сказал Озуру, — но в этом поместье я работаю уже несколько лет. Сменил предыдущего мастера, когда он вышел на пенсию.

— А вы не знаете, у кого могут быть причины, чтобы убить Асикагу Сабуро? — спросил отец Матео.

— Даже у стен есть уши, — с улыбкой сказал Озуру, — а вот у мудрого рабочего их нет.

— А вы? — поинтересовался Хиро. — Вы не спорили с Асикага-сан?

Улыбка Озуру испарилась.

— Что заставило вас спросить об этом?

Вопрос Хиро был на удачу, но, похоже, попал в цель.

Хиро рискнул предположить:

— Я так понимаю, Асикага-сан не очень любил независимых людей, особенно тех, кто не готов пресмыкаться.

Озуру оценивающе посмотрел на Хиро.

— Ваша догадка совершенно верна. Я не собираюсь скрывать правду. Вчера вечером Асикага-сан пожаловался на шум от моей стамески и приказал мне уйти. Я отказался, и он очень рассердился.

— Вы отказались? — Отец Матео поднял было руку, чтобы провести по волосам, но тут же ее опустил.

Хиро решил, что незавершенный жест — это признак удивления.

— Сроки работы были строго регламентированы сёгуном. — Озуру махнул на раскрытый потолок. — Моя дальнейшая работа зависит от того, завершится ли строительство в ближайшие три дня.

Я никогда не опаздывал по срокам. И здесь не просрочу, несмотря на столь малое время, что отведено. Сёгун разрешил работать столько часов, сколько будет необходимо. У Асикага-сан не было никакого права мне приказывать.

— А вы рассказали ему о разрешении сёгуна? — уточнил Хиро.

Губы Озуру изогнулись в подобии улыбки.

— Асикага-сан был не из тех людей, кому плотники что-либо объясняют.

В комнату вошел Акира.

— Служанка вернулась. Она ждет вас на кухне.

Глава 10

— Спасибо, что поговорили с нами, — обратился к Озуру отец Матео.

Плотник поклонился и вернулся к работе, тогда как Акира одарил иезуита неодобрительным взглядом.

Хиро с отцом Матео вышли следом за самураем в коридор, в котором, помимо двери в кабинет Сабуро, находились еще несколько седзи, большинство из которых оказались закрыты, скрывая помещения за ними.

С противоположного конца коридора они вышли из особняка на крытую веранду, примыкающую ко двору, посыпанному гравием. Крытая аллея вела к одноэтажной кухне.

Хиро опустил взгляд и увидел, как свои гета, так и гета отца Матео, ждущими хозяев на краю веранды рядом с третьей парой, размера Акиры.

Самурай проследил за взглядом синоби.

— Я приказал слуге принести наши сандалии.

Хиро кивнул и обулся. Акира с отцом Матео последовали его примеру.

Воздух принес дымный запах жаренного на гриле мяса. У Хиро урчало в желудке, пока он шел за Акирой по двору, а затем поднялся по двум деревянным ступеням, ведущим на кухню. Самурай открыл раздвижную дверь, за которой обнаружилась каморка для слуг.

Комната представляла собой помещение размером в шесть матов, где слуги ожидали распоряжений. Над главным очагом на цепи висел чайник. Пол был устлан татами, хоть и более низкого качества, чем в бакуфу. Деревянные панельные стены почти не заглушали звуки нарезки и стук посуды, доносившиеся из кухни.

У очага на коленях сидела женщина. На ней надето синее кимоно с оранжевым оби. Хиро решил, что ей около двадцати. У нее было необычное лицо: по отдельности черты лица привлекательные, но в целом не сочетающиеся. Полные губы перебивали ее миндалевидные глаза и волосы, хоть и глянцевые, но слишком спутанные, чтобы быть красивыми.

Она увидела Акиру и склонилась лбом к полу. Когда женщина выпрямилась, она заметила отца Матео. Служанка улыбнулась и сложила руки, будто в мольбе.

— Не смотреть! — приказал Акира.

— Прошу прощения. — Она опустила подбородок и уставилась в пол.

— У этих мужчин есть вопросы насчет убийства Асикага-сан, — сказал Акира. — Они хотят знать о том, как ты нашла тело.

Женщина кивнула. У нее покраснел нос, а на щеках выступили красные пятна.

Хиро знал, что отец Матео сможет разговорить женщину, но лишь в том случае, если Акира уйдет. Лишь немногие служанки обладали достаточной смелостью, чтобы говорить в присутствии самурая, и первая реакция этой девушки говорила, что она не из таких.

Хиро поклонился Акире.

— Миёси-сан, могу я попросить вас об одолжении? Я слышал, что в бакуфу хранятся записи обо всех посетителях. Вы не могли бы достать список людей, приходивших в сегунат вчера?

— Всех? — уточнил Акира.

— Всех, кто не ушел до заката, — ответил Хиро. — Приношу извинения за неудобства, но мы будем благодарны, если вы дадите нам эти данные до нашего ухода.

Акира нахмурился.

— Мы пойдем, если вы это сделать не сможете, — добавил отец Матео. — Пожалуйста, подскажите тогда, к кому нам обратиться.

У иезуита был такой вид, словно ничего оскорбительного в его словах не было. Ни один самурай никогда не обвинил бы другого в слабости или некомпетентности без последствий. К счастью, из уст иностранца это прозвучало просто невежественно.

Хиро было интересно, обидится ли Акира.

Спустя мгновение, самурай коротко кивнул.

— Я смогу достать вам эту информацию.

Отец Матео поклонился.

— Мы у вас в долгу.

— Не уходите из комнаты, пока я не вернусь.

Акира развернулся на каблуках и покинул здание.

Как Хиро и надеялся, после ухода Акиры служанка расслабилась. Она расцепила руки и положила их на колени. На лице появилась неуверенная улыбка.

— Могу я предложить вам чай? — подняла она взгляд на отца Матео.

— Нет, благодарю. — Иезуит опустился на колени рядом со служанкой. — Могу я спросить, как вас зовут?

Хиро с одобрением отметил, что отец Матео сам не представился. Ни один самурай не стал бы называть свое имя женщине, что была ниже его по рангу. Немногие бы вообще спросили служанку, как ее зовут, хотя Хиро знал, что иезуит обязательно этим поинтересуется.

— Меня зовут Джун, — сказала она.

— Служите сёгуну? — спросил отец Матео.

— Я горничная в сегунате. — Ее взгляд уперся в пол. — Никогда сёгуна не видела. Это потому, что я некрасивая. Мой отец говорит, что я похожа на преисподнюю, а не на персик.

— Однако, персик может сгнить, а преисподняя вечна, — сказал отец Матео.

Хиро сомневался, что какая-то женщина клонет на такую неуклюжую и очевидную лесть, но Джун покраснела и прикрыла улыбку руками.

— Мой переводчик и я пытаемся понять, кто убил Асикагу Сабуро, — сказал отец Матео. — Мы будем благодарны вам за любую помощь.

Глаза Джун округлились. Она покачала головой.

— Я не видела убийцу. Я ничего не знаю.

А потом прикусила губу.

— Не надо бояться, — сказал отец Матео. — Просто расскажите, что видели.

Женщина сглотнула и глубоко вздохнула, чтобы успокоиться.

— Прошлой ночью я отнесла поднос в кабинет Асикага-сан. Он часто ел там, когда работал допоздна.

Сегодня утром, я пошла, чтобы забрать поднос. Асикага-сан не любит, когда у него в кабинете остается грязная посуда, — женщина помолчала. — Он был там, лежал на полу. Было столько крови...

Она подняла руки ко рту. Из покрасневших глаз потекли слезы. Ее плечи опустились от усилий сдержать рыдания.

Отец Матео подождал, пока она не восстановила над собой контроль.

Наконец она опустила руки и продолжила:

— Я закричала. Кто-то пришел и вытолкнул меня из комнаты.

— Кто это был? — спросил отец Матео.

— Я не помню. Я плакала. Асикага-сан был мертв, когда я его нашла. И я не знаю, кто это сделал. И пусть его дух преследует меня всю оставшуюся жизнь, если я вру.

Дыхание Джун стало прерывистым. Пятна на щеках вспыхнули багровым.

Ее слезы казались настоящими, но Хиро решил, что рассказ выглядит отрепетированным.

Отец Матео молча подождал, пока Джун не восстановит свое душевное равновесие.

Хиро пришел в нетерпение. Разговор шел не так эффективно, как он надеялся. На самом деле, синоби был уверен, что девушка играет свою роль. Прежде чем он решил, как бы это доказать, отец Матео спросил:

— Вы можете предположить, кто убил Асикага-сан?

Девушка выглядела испуганной.

— Нет.

— Вы когда-нибудь слышали, что он с кем-то ругался?

Джун округлила глаза. Она покачала головой.

— Нет. Он был хорошим человеком.

"А ты врушка", — подумал Хиро, но возможности произнести это вслух у него не было.

Позади в сторону отъехала дверь. Вернулся Акира.

Глава 11

— Охрана сёгуна утверждает, что вчера вечером никаких посетителей не было, — сказал Акира. — Все дела были завершены, а посетители покинули комплекс за час до того, как ворота были закрыты на ночь.

Самурай прищурился, глядя на служанку.

— Она рассказала вам все, что вы хотели знать?

Джун опустила глаза в пол.

— Она очень нам помогла. — Отец Матео встал и оправил кимоно. — Больше вопросов у нас нет. Она не имеет отношения к преступлению.

— Это я и сам мог вам сказать, — ответил Акира. — Если вы закончили, я провожу вас к воротам.

Акира вывел их из кухни и повел через ухоженные сады, окружавшие бакуфу. Облака потемнели, в воздухе запахло дождем.

Когда они миновали пруд с кои, Хиро спросил:

— Охрана может подтвердить, что никто из чужих не мог проникнуть на территорию комплекса после заката прошлой ночью?

— Конечно, — сказал Акира. — Я лично опросил их сегодня утром. Никто не входил после того, как они закрыли ворота.

— Во сколько ушел Озуру? — поинтересовался Хиро.

Акира нахмурился, пытаясь вспомнить, о ком он говорит.

— Плотник? Охрана не может этого знать. Мастерские пользуются воротами конюшни, которые закрываются после захода солнца. Любому, кто уходит позже, приходится встречаться с конюхом.

— С ним вы тоже разговаривали этим утром? — спросил Хиро.

— В этом не было необходимости.

— А мы можем сейчас поговорить с конюхом? — спросил отец Матео.

Акира повернул на запад и повел их по земляной тропинке, которая была достаточно широкой, чтобы на ней могли разъехаться два всадника.

Справа, в центре искусственного озера, за высокими стенами стоял личный особняк сёгуна. В отличие от бакуфу, где велись государственные дела и организовывались встречи, вход в личные покои сёгуна был строго воспрещен всем, за исключением самого сёгуна, его женщин и охранников.

Тропинка пробегала мимо дворца, уходя вправо, вдоль южной и западной стен комплекса, пока не достигала конного двора. Это была достаточно большая площадь для тренировок коней сёгуна.

С западной стороны стояли открытыми массивные деревянные ворота, ведущие на улицу. За ними Хиро успел заметить деревянный мост и полдюжины вооруженных самураев, закованных в броню.

Сразу за воротами, но все же внутри комплекса жалось к западной стене длинное здание конюшни.

— У этих ворот всегда стоит стража? — спросил отец Матео.

— Только днем, — ответил Акира, — и только четверо. Сёгун приказал усилить охрану этим утром из-за убийства.

Прислушиваясь к разговору, Хиро осматривал конюшню. Широкие двери с южной стороны здания стояли открытыми, позволяя увидеть затемненный интерьер. Окна вдоль западной стены были прикрыты деревянными жалюзи, пропускавшими воздух и немного света.

Из конюшни появился мужчина довольно крепкого телосложения. Его седые волосы стояли на голове торчком, словно щетина кабана, а крючковатый нос был не единожды сломан. На мужчине был надет выцветший сюрко и мешковатые штаны, оказавшиеся расклешенными, когда он поклонился Хиро и остальным.

— Доброе утро, Миёси-сан, — обратился к Акире конюх. Он улыбнулся в знак приветствия, являя отсутствие верхнего переднего зуба.

Акира приветствие не вернул. Вместо этого он обратился к отцу Матео:

— Масао конюх сёгуна. Он может сказать, во сколько вчера ушли плотники.

— Прошу прощения, — вмешался Масао, — но боюсь, что не могу. Когда они уходили, меня здесь не было.

Акира, сжав губы, прищурился.

— А где ты был?

— Вчера в Киото по делам приезжал мой брат. Мы вместе ужинали недалеко от моста Сандзё. Я ушел отсюда еще до заката, а вернулся через час после полуночи.

— Ваш брат все еще в Киото? — спросил Хиро. — Он сможет подтвердить ваши слова?

— К сожалению, нет. Он закончил вчера с делами и планировал уехать из города сегодня на рассвете.

— Куда он отправился? — спросил отец Матео.

— Он владеет аптекой в Оцу, что на дороге Токайдо. В Киото приезжает раз в месяц, чтобы пополнить запасы.

— Токайдо, — повторил отец Матео. — Дорога между Киото и Эдо?

— Да. Оцу — это первый остановочный пункт после Киото.

— Кто приглядывал за конюшней во время вашего отсутствия? — поинтересовался Хиро.

— На закате стража заперла ворота, — ответил Масао. — А потом уже никто. Кони не нуждаются в круглосуточном уходе.

— А как же Ден? — спросил Акира.

Масао бросил взгляд на ворота.

— Он уехал повидаться с родственниками.

Хиро решил, что это ложь.

— Кто такой Ден?

— Мой ученик, — ответил Масао. — Он живет здесь со мной.

— Он, наверное, очень скучает по семье, — сказал отец Матео. — Часто навещает их?

— Не очень, — ответил Масао. — Его родители крестьяне... они бедны.

Последнее слово он произнес очень тихо. Хиро все понимал. Очень многие крестьяне с трудом могли прокормить себя, не говоря уже о детях.

— Когда Ден ушел? — спросил Хиро.

— Вчера после обеда, — ответил Масао. — Он хотел миновать пропускные пункты до заката.

— Значит, после наступления темноты за воротами никто не присматривал, — сказал Хиро.

— Все верно.

Хиро открыл было рот, чтобы задать очередной вопрос, но его опередил Акира.

— Тогда каким образом плотники покинули комплекс?

Масао выглядел растерянным.

— Плотники уходят на закате. Стража должна была их выпустить.

— Но мастер-плотник Озуру вчера работал допоздна, — вставил Хиро.

— Наверное, ушел через другие ворота, — сказал Масао. — Эти были закрыты, когда я вернулся. Мне самому пришлось идти через западные.

Акира нахмурился.

— Этого стража мне не говорила.

— Вы в курсе, что прошлой ночью здесь был убит человек? — спросил отец Матео.

Масао кивнул.

— Я утром встретил Джун, когда она уходила.

— Вы знаете, как зовут горничную? — спросил Хиро.

— Конечно, — сказал Масао. — Она приносит нам с кухни остатки еды, хотя я подозреваю, что таскает она их скорее ради Дена, нежели ради меня. — Он с нежностью улыбнулся, но улыбка исчезла, когда Масао заметил, что Акира хмурится. — Их отношения находятся под должным присмотром и соответствуют приличиям.

Хиро поспешил сменить тему:

— Вы вчера видели Асикага-сан?

— Должен был. — Масао, задумавшись, посмотрел вверх. — Он всегда приезжает с рассветом. Верхом. Я забираю его коня. Не помню, чтобы вчера было как-то иначе.

— Конь все еще в конюшне? — поинтересовался Хиро.

— Нет. Посланец, которого отправили к семье Асикага-сан, забрал его с собой.

— Очень тактичный поступок, — сказал отец Матео. — Вы не знаете, кто мог бы желать Асикага-сан смерти?

Масао покачал головой:

— Простите. Эта новость меня очень удивила.

— Если вы что-нибудь вспомните или услышите что-нибудь стоящее, пожалуйста, дайте нам знать, — сказал Хиро.

— Мой дом стоит по дороге Марутамати, — добавил отец Матео, — сразу за храмом Окадзаки. Будем рады вам в любое время и по любому поводу.

Акира прищурился, глядя на священника.

Масао поклонился

— Спасибо.

Еще глубже он поклонился Акире.

По подъемному мосту застучали копыта.

— Мастер Масао! — крикнул детский голос.

Хиро обернулся и увидел, как во двор рысью вошла гнедая. На ее спине восседал парнишка лет десяти. Небритый лоб говорил о том, что он все еще ребенок, но длинные волосы были стянуты сзади в узел воина. На нем было серое кимоно с эмблемой Асикаги — черная окружность с пятью черно-белыми горизонтальными полосами.

Красивые юношеские черты лица казались до боли знакомыми.

Хиро видел их не более часа назад на лице мертвого мужчины.

Глава 12

Отец Матео, не сводя с мальчика глаз, наклонился к Хиро.

— Как думаешь, это сын Сабуро? — прошептал он по-португальски.

— Никогда прежде не видел столь явного семейного сходства, — ответил синоби.

Во дворе появился второй наездник — женщина, на лице которой лежала печать возраста. Ее посеребренные сединой волосы были откинuty назад, на них не было никаких украшений, хотя и надето на ней было дорогое кимоно, сшитое по последней моде.

Масао подошел к коню женщины, низко поклонился и взял лошадь под уздцы. Женщина спешилась. Мальчишка помощи дожидаться не стал. Он соскользнул с коня с привычной легкостью и перекинул поводья через голову лошади. Похлопав животное по шее, он повернулся к Акире.

Самурай, не обращая внимания на ребенка, поклонился женщине.

— Доброе утро, Асикага-доно. Примите мои соболезнования.

Отец Матео подошел ближе к Хиро и прошептал:

— Доно? Не сан?

Хиро перешел на португальский.

— "Сан" подразумевает неполноценность говорящего по отношению к тому, к кому он обращается.

Вежливое самоуничижение, если тебе будет угодно. "Доно" предполагает равенство... менее вежливо, но допустимо, когда самурай обращается к женщине.

Мальчик шагнул в сторону Акиры.

— А как же я? — спросил он. — Я потерял отца. Меньшее, что ты можешь сделать, — это поклониться.

Хиро попытался скрыть удивление, когда Акира выполнил требование ребенка.

— Мои соболезнования, юный господин Асикага.

Мальчишка оценивающе наблюдал за поклоном Акиры. Похоже, он не собирался возвращать поклон, но жена Сабуро посмотрела на сына, и тот изящно наклонился вперед.

Выпрямившись, он заметил отца Матео. У парня отвисла челюсть. Он поспешил к иноземному священнику. Сократив расстояние до комфортного, чтобы можно было разговаривать, мальчик вытянул руки вдоль боков и поклонился.

— Bun dia, — сказал он по-португальски с сильным акцентом. — Вы не отец Вилела, хоть, мне кажется, и из его страны.

Над произношением мальчика нужно еще работать и работать, да и имя отца Вилелы он исковеркал, но очень немногие японцы вообще говорили на португальском.

— Bom dia, — сказал отец Матео.

Мальчишка склонил голову набок и стал похож на птичку, с интересом разглядывающую семечко.

— Bom dia, — повторил он. На этот раз его произношение было идеальным.

— И вам. — Иезуит низко поклонился и перешел на японский. — Меня зовут отец Матео.

— Я Асикага Ичиро, единственный сын Асикаги Сабуро. Это моя мать, леди Нецуко. — Спустя мгновение он добавил: — Я прежде вас здесь не видел.

— Я работаю в другой части Киото, — ответил отец Матео, — рядом с храмом Окадзаки.

Глаза мальчишки распахнулись.

— Так в Киото два христианских храма? — Он посмотрел на Акиру. — А ты знал об этом?

— Влиятельный только один. — Акира одарил иезуита недобрый взглядом. — Эти люди помогают нам найти убийцу вашего отца.

Ичиро посмотрел на Хиро.

— А вы? Как вас зовут?

Синоби поклонился.

— Я Мацуи Хиро, писарь и переводчик отца Матео.

Мальчик перевел взгляд с Хиро на священника.

— Он неплохо говорит на нашем языке.

— Простые фразы, да, — предоставил Хиро простое объяснение. — Но часто не понимает более тонких оборотов.

Ичиро задумался. Спустя мгновение он кивнул и продолжил:

— У вас акцент Провинции Ига. Вы знакомы с Ито Казу? — мальчишка нахмурился. — Казу не убивал моего отца.

Хиро с удивлением воззрился на Ичиро.

— А кто-то сказал, что он это сделал?

Прежде чем парень успел ответить, его мать предупреждающе опустила руку ему на плечо.

— Мой сын, должно быть, услышал слова посланника, — сказала она, — того, который доставил вести о смерти мужа. Он заявил, что Сабуро был убит кинжалом Казу.

— Казу этого не делал. — Ичиро говорил и выглядел как маленький самурай.

Хиро решил так к нему и относиться.

— Почему вы считаете, что он невиновен?

Первой заговорила Нацуко.

— Казу был репетитором Ичиро.

— Он им и остается. А я не нуждаюсь в том, чтобы женщина говорила за меня. — Ичиро стряхнул с плеча руку матери. — Вы не знаете Казу так же хорошо, как я. Он достойный человек.

Ладони Ичиро сжались в кулаки. Он посмотрел на каждого из мужчин по очереди, осмелятся ли они оспорить его слова.

— Неужели? — Хиро решил, что реакция мальчишки весьма интересна. Несмотря на свои размеры, Ичиро не выглядел ребенком.

— Вы мне не верите. — Ичиро расправил плечи. — Мне четырнадцать. Я готов для гэмпуку.

Он помолчал. Кулаки сжались крепче, а губы вытянулись в тонкую линию, когда юноша сделал глубокий и медленный вдох.

— То есть, был бы готов, если бы мой отец был жив и одобрил бы рекомендации Казу.

— Мне очень жаль, — сказал Хиро. — Пожалуйста, примите мои соболезнования.

Синоби поразила сдержанность мальчика, особенно учитывая сложившиеся обстоятельства.

— Спасибо, — ответил Ичиро. — Я рад, что мне выпала возможность поговорить с людьми, расследующими смерть отца. Я не поверю в виновность Казу. Я знаю его лучше, чем вы все вместе взятые, и я уверен, что он этого не делал.

Хиро решил, что такая преданность удивительна, тем более, что Казу никогда не рассказывал про Ичиро. Однако он никогда не рассказывал про работу. Синоби и не должен.

Хиро ощутил укол сожаления, что позволил Казу сбежать. Невинный должен был остаться и защищать себя. Но в предрассветной путанице казнь казалась неизбежной. Сейчас Хиро был уже не так в этом уверен. Однако и в невинности Казу он больше уверен не был.

Отец Матео поклонился Акире.

— Благодарю вас за помощь. Мы оставим вас, чтобы вы могли сопроводить семью Асикага-сан, а сами вернемся после полудня, чтобы продолжить работу.

Мужчины обменялись поклонами, и Хиро с отцом Матео покинули комплекс.

Весь путь до реки Камо они проделали в молчании. Когда они шли по мосту, отец Матео спросил:

— Что думаешь? Мальчик прав насчет Казу?

Именно этот вопрос терзал Хиро всю дорогу от сёгуната.

— Казу заявляет, что Сабуро не убивал. Пока у меня нет оснований думать, что он лжет. Я больше волнуюсь о том, что нужно найти убийцу до того, как прибудет посол господина Оды.

— Три дня, — сказал отец Матео. — Может, сёгун даст больше времени?

— Шансов нет, — ответил Хиро, — и если мы не найдем настоящего убийцу, Хисахидэ казнит меня.

"А, вероятно, еще и тебя".

— Тебя? — всплеснул руками отец Матео. — Он такого не говорил.

— Не открыто, но смысл был ясен. Сёгун желает получить труп убийцы, чтобы впечатлить посланников господина Оды. А невинный труп выглядит так же, как и труп виновного.

— Но почему именно ты? — спросил отец Матео. — Я знаю, закон разрешает возлагать вину на родственников того, кто виновен. Теоретически, клан должен заплатить за преступление, но вас с Казу ничего не связывает.

— Мы оба из Провинции Ига, мы дружим. Этого достаточно.

— Ты строишь подобные предположения, основываясь на словах Хисахидэ? — спросил отец Матео.

— Я не строю никаких предположений, да мне и не нужно. Все и так очевидно.

— Для самурая, возможно. — Отец Матео расстроено покачал головой. — Людям стоит выражаться более четко.

Хиро пожал плечами. Японцы живут не так.

— В таком случае, — продолжил священник, — Казу лучше рассказать всю правду.

Отец Матео больше ничего не сказал, но Хиро подумал о том же.

— Несомненно, — сказал синоби, — я окажусь в весьма незавидном положении, если Казу все-таки убил Сабуро и оставил меня одного нести наказание вместо себя.

Глава 13

На веранде Хиро с отцом Матео обнаружили Ану, которая орудовала метлой, словно монах-воин. Она поднимала вверх тучи пыли с такой силой, что синоби задумался, что же в очередной раз вызвало у нее ярость.

Заметив мужчин, Ана уперла руку в бедро, что для кое-кого не предвещало ничего хорошего. И Хиро не сомневался, для кого именно. По мнению Аны, иезуит ничего плохого сделать не мог по определению.

Синоби решил было пробежать по списку обычных претензий, но тот оказался пуст. Сакэ домой с тех пор, как Ана выбросила его фляжку в пруд с кои, демонстрируя свое отношение к алкоголю, он не приносил. То, что он синоби, она тоже не знала.

И тем не менее, она наблюдала за приближением Хиро так, как смотрит мать на провинившееся дитя.

— Хм, — хмыкнула она, когда Хиро дошел до веранды. — Ты же говорил, что твой друг уезжает.

— Он и уехал. — Хиро помолчал. — Вернулся что ли?

Его окатило волной облегчения. Если Казу не уехал из Киото, они все еще могут держаться за иллюзию его невиновности.

— Ну, не о Гато же я сейчас говорю, — сказала Ана.

— Когда Казу вернулся? — спросил отец Матео.

— Через несколько минут после вашего ухода, — ответила Ана. — Я приняла его за монаха в этом дурацком наряде. Он прошел в дом, даже не постучавшись. Когда я попросила его уйти, он снял шляпу и сказал, что подождет вас.

— И ты ему позволила? — Хиро надеялся, что Ана разрешила Казу остаться. Ему нужно было поговорить с юным синоби раньше Хисахидэ.

Ана нахмурилась, отчего морщинки вокруг ее глаз стали глубже.

— Я не хотела. Но он пригрозил, что расскажет соседям, будто бы отец Матео отказал в пище монаху, оказавшемуся в беде. Я не могла позволить, чтобы он говорил подобные вещи!

Хиро не смог сдержать улыбку. Из-за преданности Аны ею оказалось очень легко манипулировать.

— Я приказала ему ждать у очага, — сказала она, а потом добавила: — И еды я ему не дала.

В ее словах прозвучало торжество. В глазах Аны, отказать человеку в пище — подвергнуть его серьезному наказанию.

— Луис вернулся? — Отец Матео постарался, чтобы вопрос прозвучал обыденно, но Хиро уловил в его голосе нотку беспокойства. Торговцу нельзя доверять секрет Казу.

— Еще нет, — ответила Ана.

Хиро скинул сандалии и ступил на веранду.

— Я поговорю с Казу. Долго он здесь оставаться не может.

— Хм, для него же так будет лучше. Ты и так уже навлек достаточно неприятностей. Твой дружок-бродяга мне тут не нужен.

Ана подняла метлу и возобновила уборку.

Хиро нашел Казу возле очага. Рядом с ним лежала и шляпа-корзина.

— Прости меня, Хиро, — Казу встал и поклонился. — Сёгун выставил охрану на всех дорогах. Они проверяют всех, даже монахов.

— Я рад, что ты не уехал, — сказал Хиро. — Ты должен вернуться в сегунат.

— Чтобы меня там казнили? — Казу затряс головой. — Нет уж, спасибо.

С крыльца донесся голос Аны:

— Луис-сан, добро пожаловать домой!

Хиро предупреждение оценил.

— В мою комнату. Немедленно.

Казу схватил шляпу-корзину и скользнул в открытую дверь комнаты Хиро, исчезнув за ней. Синоби последовал за ним. Он успел добраться до дверного проема, когда в общую комнату вошел Луис.

Лицо торговца выглядело еще более красным, чем обычно, словно его камзол и рукава с буффами сговорились задушить хозяина. Узкие шерстяные бриджи не скрывали недостатков тучных ног Луиса.

Как и всегда, португальская одежда торговца казалась Хиро глупой и неудобной.

Луис посмотрел на Хиро.

— Твой народ и ваши невозможные требования, — проворчал он. — Почему вы никак не можете понять простых вещей?

Хиро приподнял бровь, глядя на торговца.

Луис хлопнулся на татами и растянулся у очага, тяжело вздохнув. Как обычно, он занял место хозяина напротив входа.

— Ана! — крикнул он. — Чай!

Хиро услышал громкое шуршание метлы по веранде. Ана не обратила никакого внимания на крик Луиса.

Отец Матео потрогал чайник, висящий над очагом.

— Здесь есть вода. А у тебя в комнате есть чай, не так ли?

— Если никто его не стащил. — Луис встал и одернул свой зеленый камзол у объемного живота. Размеры и яркий цвет заставили Хиро подумать о гигантском судачи [1], хотя лицо Луиса выглядело еще более кислым, чем сам цитрусовый фрукт.

Хиро хотел было зайти в комнату, но последующее ворчание Луиса его остановило.

— Как, черт побери, он может ожидать, что я найду две сотни пищалей за три дня?

— Двести? — повторил отец Матео.

— Да, — проворчал Луис. — Невероятное количество оружия в столь же невозможные сроки.

— Кому они потребовались? — спросил иезуит.

Луис же не замолкал ни на минуту.

— Я сказал ему, что это невозможно, но, конечно, он ничего не стал слушать. Самураи все такие. Требовательные, настойчивые, вечно угрожают... ну, вы знаете. Если бы прибыль здесь не была столь высокой, я бы уже покинул этот богом забытый остров много лет назад.

— Господь Японию не оставлял, — с необычайной резкостью проговорил отец Матео.

Луис фыркнул.

Хиро заметил, что священник решил поспорить, поэтому постарался сохранить нить разговора.

— Зачем этому самураю столько оружия в такие короткие сроки?

Луис обернулся, горя желанием высказать все свое негодование.

— Демонстрация силы, чтобы держать подальше от Киото некоего наглого господина. Я сказал, что сёгун сможет удерживать свой комплекс меньше, чем с половиной от этого оружия, но он настаивал на своем. Не менее двухсот, и все тут.

— Значит они нужны сёгуну? — спросил Хиро.

— Нет. — Луис покачал головой. — Одному из его вассалов. Мацу-как-то-там.

— Мацунага Хисахидэ, — сказал Хиро.

— Он.

— Что произойдет, если оружие не придет вовремя? — поинтересовался Хиро.

Луис выглядел самодовольным.

— Конечно, оно будет здесь вовремя. Немногие торговцы справились бы с этим, но у меня есть связи. Где, как ты думаешь, я был? Ездил в Осаку, чтобы проверить склад. У них нет нужного количества, но сегодня или завтра они ожидают поставку и сказали, что незамедлительно все отправят.

— Отправка не гарантирует прибытие, — сказал Хиро.

Луис засопел.

— Эта сделка обеспечит Матео работой на год, да и моя доля весьма прилична. Я позабочусь, чтобы пищали приехали вовремя.

Купец повернулся обратно к отцу Матео, давая понять Хиро, что с ним разговор окончен. Синоби и не возражал. Он вошел в свою комнату и закрыл за собой дверь.

Комната выглядела пустой, но Хиро знал, что это не так. Он обошел сундук с футоном и тихонько постучал по крышке.

— Казу, можешь выходить, безопасно.

[1] — одна из разновидностей мандарина, полученная в результате скрещивания этого фрукта с лаймом и лимоном.

Глава 14

Деревянный сундук открылся, являя лицо Казу.

— Как ты узнал, где я?

— Это же я тебя туда чуть раньше засунул, — сказал Хиро. — И ты никогда особо не умел прятаться.

— Не каждый может обернуться дымкой по желанию. — Казу встал и вышел из сундука. — Что в очередной раз подталкивает меня к вопросу: почему Ханзо отправил лучшего синоби Ига охранять священника?

Хиро спокойно рассматривал молодого человека.

— Ему стоило отправить юного синоби, обреченного на провал?

Он мог гадать о задании столько, сколько ему было угодно. Хиро никогда не открыл бы правду... даже если бы знал её.

Вместо этого он сменил тему.

— Кто убил Сабуру?

— Я не знаю, — ответил Казу. — Если бы знал, сам поймал бы.

— Поспрашивай, когда вернешься на работу. Может, у тебя получится что-нибудь узнать.

Казу округлил глаза.

— Я не могу вернуться.

— Ты должен. Хисахидэ сомневается в твоей виновности, а сын Сабуро считает, что ты невиновен.

Миёши Акира думает, что ты виновен, но, мне кажется, мы сможем его переубедить.

— Переубедить? — Казу покачал головой. — Я даже не смогу объяснить, где был, чтобы не выглядеть при этом виноватым.

— У меня есть план, — сказал Хиро. — Есть какое-нибудь место, где ты можешь спрятаться еще на пару часов?

Казу махнул рукой.

— А почему не здесь?

— Я не стану рисковать безопасностью отца Матео. — Хиро указал на шляпу. — Натягивай свою маскировку и иди в город. Не останавливайся и держись реки... в дождь там не так оживленно. Ни с кем не разговаривай, если это будет возможно. Встретимся у Гиндзиро через три часа.

— И как я оправдаю свое отсутствие? — спросил Казу.

— А ты не отсутствовал, — сказал Хиро. — Ты был пьян.

— Пьян?

— Мертвецки. Ты ушел от Гиндзиро после полуночи, уже в состоянии полнейшего опьянения. Оттуда ты пошел в чайный дом и продолжить пить там. Сегодня ты проснулся утром под мостом, понятия не имея, как там оказался.

— Но я проголодался, — продолжил Казу, подхватывая легенду, — и вернулся к Гиндзиро, чтобы поесть. — Он медленно кивнул. — Знаешь, а это может сработать.

— Только если найдем убийцу вовремя. — Хиро объяснил все о требованиях сёгуна и намерении Хисахидэ выполнить их любой ценой. Закончив, синоби добавил: — Расскажи мне все, что помнишь про Сабуро. Кто-то хотел его убить. Вопрос в том, кто именно?

— Да все хотели, чтобы он помер, — сказал Казу, — но на убийство никто бы не осмелился.

— Кому-то все же смелости хватило, — не согласился Хиро. — Что ты имеешь в виду, говоря, что все хотели его смерти?

— Он никогда не стеснялся в выражениях и всегда считал, что он самая важная персона, где бы ни находился. Никто не любит таких людей.

По мнению Хиро, нелюбовь к кому-либо не являлась поводом для убийства, но этот комментарий он оставил при себе.

— А в последнее время Сабуро ни с кем не повздорил?

— Не более, чем обычно. — Казу что-то вспомнив, всплеснул руками. — Подожди... Он и правда вчера вечером имел с кем-то ссору.

— Плотники закончили работу на закате, но мы услышали стук молотка чуть позже. Сабуро вихрем вылетел посмотреть, что это. Я слышал, как он кричал, но слов разобрать не мог. Вернулся Сабуро злее, чем был, когда уходил.

— Он объяснил, что случилось?

— Нет, но я и не спрашивал, хоть и гадал, чем же это Озуру его так разозлил.

— А почему ты обвиняешь Озуру? — Хиро обратил внимание, что Казу называет того по имени.

— Остальные плотники ушли с заходом солнца.

— А Озуру задерживается?

— Почти каждый вечер. Сёгун хочет, чтобы работу завершили быстро, а резьбу нужно выполнять на месте. — Казу медленно покачал головой. — Не думаю, что это сделал Озуру. Он ремесленник, а не убийца.

— А разве они исключают друг друга? — спросил Хиро.

— Я бы скорее подумал на леди Нецуко. — Казу бросил взгляд на дверь и понизил голос до шепота. — Сабуро был не таким уж и верным мужем. Ичиро не знал, а вот Нецуко была в курсе. Сабуро утверждал, что она не возражает, но в последнее время жаловался, что жена стала нетерпима к его похождениям.

— Но способна ли она заколоть его? — Хиро пожалел, что в первую встречу не слишком внимательно присмотрелся к леди Нецуко. Из того, что он о ней помнил, женщина казалась физически неспособной убить мужа в рукопашной схватке.

— Я не очень хорошо ее знаю, — сказал Казу, — но женщина она необычная, сильнее, чем другие.

— Физически или эмоционально?

— И то и другое.

— Зачем убивать его в сегунате, рискуя напороться на свидетелей? — спросил Хиро. — В этом нет никакого смысла.

— Если бы она убила его дома, это мог бы увидеть Ичиро. Парнишку она любит. Такого бы она не допустила.

— Над этим стоит поразмыслить, — ответил Хиро, хоть и не намеревался этого делать. — А ты сам что вчера ночью делал?

Казу одарил Хиро невинным взглядом.

— Валялся в отключке под мостом, помнишь?

Хиро нахмурился.

— Я тебе уже рассказывал, — сказал Казу. — Ушел из сегуната и пошел к Гиндзиро, надеясь, что Сабуро удет домой и оставит меня в покое. Когда я вернулся, он был уже мертв.

— Как ты вышел из сегуната, после того как нашел его мертвым?

— Перелез опять через стену, чтобы не потревожить стражу. Никто не видел, как я входил или уходил.

— Хорошо, — сказал Хиро, — подожди пять минут и уходи через дверь на веранду. Если Луис тебя увидит, имени своего не называй. Ты странствующий монах, которому отец Матео разрешил переночевать в саду.

— И у него не возникнет никаких сомнений на этот счет? — поинтересовался Казу.

— Он решит, что это глупо, но вопросов задавать не станет.

Хиро оставил Казу и вернулся в общую комнату. Отец Матео в одиночестве сидел у очага.

— А Луис где? — спросил Хиро.

Иезуит показал на дверь с противоположной стороны комнаты. Она вела в покои Луиса.

— Спит. По крайней мере, так сказал. Ты покончил со своими делами?

— Да, и сейчас нам нужно вернуться в сегунат. Хочу поговорить с Озуру. А потом мы пойдем к Гиндзиро.

— В магазин сакэ? Зачем? — Отец Матео выглядел растерянным.

— Чтобы стать свидетелями чудесного возвращения Казу.

Глава 15

Хиро с отцом Матео ждали у ворот сёгуната, пока за Акирой побежал гонец.

Один из самураев с интересом разглядывал отца Матео, однако социальные устои не позволяли ему обращаться без разрешения к человеку выше рангом.

Иезуит это заметил и поклонился.

Хиро подавил неодобрительный вздох. Только чужеземцы и дети столь откровенно игнорировали этикет. Синоби мало волновали социальные нормы, но он признавал важность умения растворяться в толпе. Однако отец Матео вряд ли был способен избежать внимания.

— Доброе утро, — сказал иезуит.

Страж неловко улыбнулся и поклонился.

— Доброе утро, отец-сан, — сказал он и выпрямился. — Простите мне мое нахальство, но я тоже верю в Господа, но вас в церкви прежде не видел. Вы недавно в Киото?

— Я живу здесь почти три года, — ответил отец Матео, — но моя работа редко заводит меня на территорию миссии отца Вилелы. Я несу слово среди торговцев.

"По крайней мере, не упомянул гейш и проституток", — подумал Хиро.

Страж выглядел скорее заинтересованным, нежели обиженным.

— А Господь слышит и молитвы простолюдинов тоже?

— Господь наш был простолюдином, — ответил отец Матео.

Страж прищурился, словно пытаясь понять слова иезуита.

— В таком ключе я никогда об этом не думал.

— Вот именно, — сказал отец Матео. — Господь наш любит всех одинаково, не взирая на статус или происхождение.

Хиро обернулся и поклонился, когда подошел Акира.

Юный самурай проигнорировал приветствие синоби. Он прищурился, глядя на стража.

— Сёгун платит вам не за то, чтобы вы тут дискутировали о чужеземной религии.

— Прошу прощения, Миёши-сан. — Страж вернулся на свой пост с виноватым выражением на лице.

— Пожалуйста, не вините его, — сказал отец Матео. — Это я виноват.

— Вы здесь для того, чтобы расследовать убийство. — Акира замолчал и взял себя в руки, словно припомнив, что священник был гостем сёгуна. Он повернулся к Хиро. — Как я заметил, Казу вы не нашли.

— Пока нет, — сказал отец Матео. — Мы вернулись, чтобы собрать еще улики.

Хиро мельком взглянул на священника. Он не думал, что иезуит будет врать.

— Нам хотелось бы поговорить с плотником Озуру, — сказал Хиро.

— Какое вам дело до плотников? — Брови Акиры собрались вместе, будто грозные облака. — Ито Казу виновен.

— Я бы не был так уверен, — сказал Хиро.

— Все улики указывают на его вину.

— Я объясню по дороге в кабинет Сабуро, — сказал Хиро. — Нам хочется еще раз взглянуть на место убийства.

Акира нахмурился, но повел их к зданию. У входа он остановился и снова спросил:

— Почему вы думаете, что Казу невиновен?

— Убийца бы не оставил свой кинжал, — ответил Хиро.

— Особенно такой заметный, — добавил отец Матео.

— Убийца не смог бы скрыть причину смерти. — Акира завел их в помещение и провел дальше через лабиринт комнат с деревянными панелями. — Только кинжал мог оставить раны, которые были на Сабуро.

— Верно, — согласился Хиро, — но знать тип оружия — это не то же самое, что знать его владельца. Убийца мог оставить кинжал лишь за тем, чтобы повести нас по ложному следу.

— Или же он был напуган, — сказал Акира. — Или, может быть, Казу бросил его в качестве отвлекающего маневра, чтобы мы подумали, он невиновен.

Подобного Хиро не исключал, несмотря на надежду, что Казу оправдается.

— Это предположение притянута за уши, — сказал отец Матео.

Акира остановился.

— Прошу прощения?

— Он хочет сказать, что это кажется маловероятным, — сказал Хиро. — Португальские идиомы сложно перевести на наш язык. По смыслу близко к "далеко от истины".

Акира покачал головой и пошел дальше.

— Это вообще чудо, что мы его понимаем.

— Несмотря на всю несуразность, в его словах есть смысл, — сказал Хиро. — Кинжал очень просто спрятать. Только дурак оставит его на месте преступления.

— Но как кинжал Казу оказался у убийцы? — Акира ввел их в комнату, где работали плотники.

Над незаконченной балкой склонились трое рабочих. Их рубанки ритмично пели. Воздух наполнил запах кедровой стружки. С утра плотники добились значительного прогресса, и казалось, что они могут закончить с балкой за день.

Но Озуру среди них не было.

Акира шел дальше по комнате, продолжая говорить и не обращая внимания на отсутствие старшего плотника.

— Возможно, Сабуро застал Казу за воровством, а тот убил его, чтобы заставить замолчать.

— А что бы Казу стал красть? — спросил отец Матео. — Сабуро хранил в кабинете золото или драгоценности?

Мужчины дошли до противоположной стороны комнаты. Хиро решил не говорить об отсутствии плотника. Озуру, должно быть, просто вышел в уборную.

Акира отодвинул дверь, ведущую в комнату, где умер Сабуро.

— У него был доступ к секретным документам. Возможно, Казу шпион.

Это было слишком близко к истине, но отрицать слова самурая, значит вызвать еще большее подозрение.

— Как давно Казу работал на сёгуна? — спросил отец Матео.

— Когда я приехал сюда год назад, он уже был здесь, — ответил Акира, — и новичком не казался.

— Тогда ваше предположение — просто игра воображения, — сказал отец Матео. — Охрана сёгуна уже давным-давно обнаружила бы шпиона.

— Но что более важно, — вставил Хиро, — есть куда более простое объяснение.

Акира остановился перед кабинетом, чтобы пропустить мужчин, идущих следом.

— И какое именно?

— Озуру признался, что спорил с Сабуро вчера вечером. Охрана вспомнила, во сколько плотники покинули комплекс?

Акира покачала головой.

— Я поговорил с ними после вашего ухода. Никто не видел, как рабочие уходили.

— Значит он просто исчез? — Хиро замолчал. — Если Сабуро убил шпион — а я все больше убеждаюсь, что это не так, — вина Озуру кажется более вероятной, чем вина Казу.

Акира опустил голову.

— Я был уверен, что это сделал Казу, но сейчас... — Его голова дернулась вверх. Рука взлетела к мечу. — Мы должны схватить Озуру.

— Подождите, — сказал Хиро. — Виновный может сбежать, если слишком быстро произвести арест. Мы не можем объяснить, как кинжал Казу попал к убийце и почему жертвой стал Сабуро. Если вы арестуете Озуру без достаточных доказательств, тем самым вы дадите ему время выстроить убедительную ложь.

Акира колебался, разрываясь между замедленным правосудием и немедленным отмщением. Медленно он опустил руку.

— Очень хорошо, но поторопитесь. Кто-то должен заплатить за преступление, а сёгун не из терпеливых.

Глава 16

Хиро все свое внимание обратил на кабинет и попытался восстановить картину преступления.

Ему уже было известно, что нападение произошло в дверном проеме между приемной и кабинетом Сабуро. Кровавые брызги на стене слева говорили о том, что жертва лишилась своих пальцев довольно рано, возможно, когда вошла в комнату.

— Ты можешь сказать, что случилось? — спросил отец Матео.

Акире, похоже, тоже было любопытно.

— Мы знаем, что Сабуро не успел достать меч, — ответил Хиро, — а это значит, он либо был знаком с убийцей, либо не видел момент нападения.

Убийца отрубил Сабуро пальцы у двери. — Хиро махнул в сторону внутреннего кабинета. — От крови, брызнувшей из руки, на стене остались потеки.

— Откуда вы знаете? — спросил Акира.

— Вы вообще обращали внимание, что летящая кровь оставляет следы? В бою это сложно заметить, но, если знать, куда смотреть, то можно увидеть.

Акира смущенно отвел взгляд.

— Я еще никогда не сражался.

— И этим можно гордиться, — сказал отец Матео.

Акира, похоже, испытал облегчение, хоть и попытался это скрыть.

Хиро продолжил объяснять:

— Пятна становятся плотнее и чаще у того места, где Сабуро упал. Он все сильнее истекал кровью как от ран, так и от напряжения. Большая часть кровавых следов находится на западной части комнаты, а это значит, что во время борьбы Сабуро стоял лицом к двери, ведущей наружу.

— А здесь была борьба? — спросила Акира.

Хиро посмотрел на пол.

— Я вижу кровавые следы, оставленные двумя людьми: один человек находился лицом к кабинету Сабуро, другой — спиной. И следы не расположены в линию, как при обычной ходьбе. Для меня это значит — была борьба.

— Значит Сабуро боролся со своим убийцей, — сказал Акира. — Что еще вы видите?

— Я думаю, он был знаком с убийцей, — вставил отец Матео, — поскольку не стал кричать или поднимать тревогу.

Хиро был согласен, хоть это ему было не по душе. Этот факт говорил не в пользу Казу.

— Естественно, он знал убийцу, — сказал Акира. — Чужие ночью не могут войти в сегунат.

Хиро был иного мнения, но предпочел об этом не говорить.

Он опустил взгляд на потемневшее пятно, где лежало тело Сабуро. Татами впитал большую часть крови, отчего силуэт заколки для волос проявился более отчетливо.

Хиро снова задумался, кому она могла принадлежать.

— Кто еще работал здесь прошлой ночью? — поинтересовался отец Матео.

— Никто, — ответил Акира. — Служанки остаются допоздна, ну и стража, конечно, но большинство служащих уходят на закате или вскоре после него. Только Сабуро и Ито Казу оставались здесь после того, как ворота были закрыты.

— Стража обходит особняк после наступления темноты? — уточнил Хиро.

— Нет, — отозвался Акира. — Стража стоит у ворот и на башнях. Несколько патрулей обходят земли. Конечно же, вокруг покоев сёгуна расставлены воины, но необходимости иметь стражу внутри зданий нет.

— Значит Сабуро все-таки мог позвать на помощь, — сказал отец Матео, — но никто бы его не услышал.

Губы Акиры скривились.

— Ни один самурай не станет звать на помощь.

Хиро подошел к внутренней двери кабинета Сабуро. Медный запах крови стал сильнее, когда синоби ступил на пол.

Трупа не было, остались лишь бурые пятна на белом татами да исчезающий запах крови и смерти в воздухе, наряду с оттенком застарелой еды.

Хиро опустил взгляд. На полу у двери стоял поднос с остатками пищи.

Окровавленный кинжал все еще лежал на столе рядом с бутылочкой чернил и чернильницей, но мраморная печать Сабуро исчезла.

— Куда делся инкан Сабуро? — спросил Хиро.

Акира с отцом Матео присоединились к стоящему у стола синоби.

— Ее забрал Хисахидэ, — ответил Акира, — чтобы она была в безопасности.

Отец Матео подошел к книжному шкафу у стола Сабуро и показал на верхнюю полку.

— Раньше здесь стояло шесть бухгалтерских книг. А теперь их только пять.

— Уверены в этом? — спросил Акира.

Отец Матео посмотрел на Хиро.

— Абсолютно.

К иезуиту подошел Акира. Он взял одну из книг и открыл ее, но постарался сохранить содержимое недоступным для остальных. Быстро пролистав книгу, он закрыл ее и вернул на полку.

— Это секретные графики дежурства личной охраны сёгуна.

— Секретные? — переспросил отец Матео. — Да любой мог сюда войти и прочитать их. Вот как вы сейчас.

— Это не текущие графики, — объяснил Акира. — Это записи за предыдущие месяцы.

— Похоже, как раз текущее расписание и отсутствует, — заметил Хиро.

— Откуда вы это узнали? — требовательно спросил Акира моментально став подозрительным.

Хиро кивнул на книги.

— Корешки пронумерованы от одного до пяти — первые пять месяцев года. За последний месяц учетной книги я не увидел ни в кабинете, ни в какой-либо другой комнате. Так что, если она и была здесь этим утром, то кто-то ее забрал, когда мы ушли.

Глаза Акиры стали круглыми как блюдца. На лице появилось выражение ужаса.

— Я должен немедленно доложить Хисахидэ.

Хиро кивнул.

— А мы пока поговорим с Озуру.

— Идите за мной, — сказал Акира. — Я провожу вас.

Когда они дошли до зала для встреч, Озуру так и не вернулся. Акира прошел половину комнаты, но остановился на достаточном отдалении от рабочих, чтобы пыль не оседала на его кимоно.

— Где главный плотник? — требовательно спросил он.

Рабочие бросились на колени и уткнулись лбами в пол. Спустя какое-то время, один из них приподнял голову, чтобы его слова не приглушала половица.

— У мастера сломался его любимый резец. Он пошел купить другой.

Акира смотрел на них с подозрением.

— И как давно он ушел?

Рабочий так и не поднял взгляд.

— Около часа назад. Ждем, что он вернется с минуты на минуту.

— Я не спрашивал, когда он вернется, — сказал Акира.

Хиро подумал, что реакция Акиры была несправедливой. Плотник ответил вполне разумно, и, вероятно, именно об этом самурай бы и спросил.

— Я думаю, вы сильно спешите, — обратился Хиро к Акире. — Мы можем сами побеседовать с подмастерьями и подождать Озуру, пока вы говорите с Мицунагой-сан.

— Как вам будет угодно, — ответил Акира, — но не уходите из этой комнаты, пока я не вернусь.

Он обогнул стройку по широкой дуге и вышел через южную дверь.

Отец Матео подошел к плотникам.

— Встаньте, пожалуйста. Вам не нужно стоять на коленях перед нами.

Рабочие медленно поднялись на ноги, но все равно смотрели в пол. Самый юный топтался на месте. Остальные двое стояли прямо и неподвижно.

— Мы расследуем убийство Асикаги Сабуро, — сказал отец Матео.

Старший из плотников кивнул. В его кустистых седых бровях было больше волос, чем у остальных плотников на головах. Хиро вспомнил, что его зовут Горо.

— Мастер-плотник Озуру очень помог нам сегодня утром, — начал отец Матео. — Он рассказал, что вы вчера работали до заката и сегодня пришли на работу как обычно.

Хиро подавил рвавшийся наружу вздох. Священник обладал недюжим интеллектом и сносными социальными навыками, но так и не научился задавать вопросы, в которых не звучал бы желаемый ответ.

Как Хиро и ожидал, Горо кивнул:

— Да, мы ушли вчера и пришли сегодня как обычно.

— Как давно вы работаете с Озуру? — спросил Хиро.

— Несколько лет, — ответил Горо, не поднимая взгляд.

— Он очень требовательный?

Горо закусил внутреннюю часть губы.

— Мы не станем передавать ему ваши слова, — добавил отец Матео.

Все трое покачали головами, но ответил только Горо:

— Наверное, строгий, но ремесленники всегда были такими. Он справедлив, когда мы упорно работаем и не жалуемся.

— А если жалуетесь? — спросил отец Матео. — Что тогда?

Плотник поднял взгляд.

— Жалоба подобна провалу, имеет свои последствия. Но и в этом нет ничего необычного.

— Вчера вечером Озуру ушел вместе с вами? — уточнил Хиро.

Плотник склонил голову на бок.

— Вы же знаете, что нет. — Он выпрямился, будто понял, что допустил некую фамильярность. — Озуру остался поработать над резьбой.

— А вы знаете, во сколько он ушел? — спросил Хиро.

Горо покачал головой:

— Мы докладываем обо всем Озуру, а не наоборот.

— Спасибо за помощь, — сказал Хиро. — Вы можете вернуться к работе.

Плотники поклонились. Как только они взяли за свои рубанки, Хиро повернулся и зашагал в сторону кабинета Сабуро.

Отец Матео поспешил за ним следом.

— Акира сказал, чтобы мы оставались к той комнате.

— А Хисахидэ разрешил нам проводить расследование где угодно.

Хиро замер в дверном проеме кабинета Сабуро.

Спиной к двери у кровавого пятна на коленях сидела женщина. Хиро увидел, как она засунула что-то в рукав своего кимоно.

Глава 17

— Это ваша заколка? — спросил Хиро.

Женщина вздрогнула. Она вскочила на ноги и резко повернулась к двери.

— Джун, не так ли? — поинтересовался Хиро, хотя уже знал ответ.

Она поклонилась.

— Да, сэр.

— Это ваша канзаси?

Ее взгляд скользнул с Хиро на отца Матео, а потом на пол.

Синоби ожидал, что она солжет, но женщина кивнула и сказала:

— Да. Она, вероятно, упала, когда я обнаружила Асикагу-сан. Нашла ее, вернувшись забрать поднос с едой.

Она уже было показала в сторону внутреннего кабинета, но опустила руку вниз.

— Что-нибудь еще о той ночи помните? — спросил Хиро. — Что-нибудь, о чем забыли рассказать нам?

— Нет. — Она выдавила улыбку. — Мне очень жаль. Простите... повар хочет, чтобы я принесла поднос.

— Конечно, — сказал Хиро. — Можете идти.

Джун поклонилась и просеменила прочь из кабинета, избегая кровавых пятен на полу. Опустившись на колени у двери, женщина взяла поднос и поспешила прочь без единого слова.

Убедившись, что она ушла, Хиро сказал:

— Интересно, почему она солгала.

— Что ты имеешь в виду? — спросил отец Матео.

— Я про выпавшую заколку, которую она, якобы обронила у тела Сабуро, но она бы упала прямо на труп или, возможно, рядом. В любом случае, заколка была бы на крови. Но канзаси Джун оказалась полностью покрыта кровью... это значит, что она уже лежала на полу, когда Сабуро погиб.

— Может быть, она закатилась в кровь, когда тело перемещали, — предположил отец Матео.

Хиро покачал головой.

— Заколка лежала в самом центре, где кровь покрывала пол толстым слоем и была практически нетронутой.

Кроме того, ты обратил внимание, сколько заколок носит Джун в волосах?

Отец Матео на мгновение задумался.

— Две.

— Обычное количество, чтобы держать ее прическу в порядке, — сказал Хиро. — Если она потеряла заколку сегодня утром и обнаружила пропажу только сейчас, как же у нее в волосах оказались две чистые?

— Она ходила домой, — сказал отец Матео. — Возможно, там взяла другую.

— Слишком расстроенная, чтобы работать, но прекрасно понимающая, что чего-то не хватает в волосах? — Хиро покачал головой. — Не верю я в это.

— Может быть, ее родители заметили?

— Возможно... — Хиро услышал шаги и повернулся лицом к двери.

В комнату вошел Хисахидэ, по пятам за которым следовал Акира.

— Сегодня утром Ито Казу не явился на работу, — сказал Хисахидэ, — и этот факт вряд ли убедит меня в его невиновности.

— Плотник, Озуру, тоже отсутствует, — сказал Акира.

— Это правда? — спросил Хисахидэ.

— Рабочие сказали, он пошел купить новый резец, — ответил отец Матео.

— Тем не менее, — продолжил Акира, — он так и не вернулся, а, как заметил Хиро, виновный не оставил бы свое оружие.

Хиро нашел весьма занимательным, что молодой самурай изменил свою точку зрения. Похоже, Акира был готов обвинить любого, кто в данный момент казался более подходящим — общая черта среди мужчин, чей статус был выше интеллекта.

— Вам больше не кажется, что Казу случайно оставил свой кинжал? — поинтересовался Хиро.

— Самурай свои клинки никогда не забудет, — ответил Акира.

— Тогда почему же Казу сегодня не пришел на работу? — спросил Хисахидэ.

Акира посмотрел на Хиро в поисках поддержки или, возможно, объяснения.

— Кинжалы могут быть украдены, — сказал Хиро, — а в чем причина опоздания, мы сможем узнать у самого Казу, когда найдем его.

— Мы обыскали его дом, — сказал Хисахидэ. — Его там не было.

Хиро приподнял бровь.

— Холостые мужчины порой не ночуют дома.

Губы Акиры скривились от отвращения.

— Самурай не ходит к проституткам. Я думал, Казу человек чести.

— Даже святые могут согрешить, — вмешался отец Матео.

— Что? — переспросил Акира.

— Он хочет сказать, что все люди совершают ошибки, — объяснил Хиро.

— Так бы прямо и сказал.

— Неважно. — Хисахидэ отмахнулся от комментария Акиры. — Найди Ито Казу... и Озуру, если он и правда исчез... хотя, я надеюсь, ремесленник не имеет отношения к преступлению.

— Почему? — спросил отец Матео.

Губы Хисахидэ дернулись.

— Сёгуну нравится Озуру, — сказал он. — Было бы весьма неловко и стыдно казнить плотника за это преступление.

— Неловко? — переспросил отец Матео.

— Признать, что простолюдин убил самурая внутри комплекса сёгуна, — объяснил Хиро.

Хисахидэ кивнул.

— Шпионы господина Оды не должны узнать, что подобное вообще возможно. В противном случае безопасность сёгуна может выглядеть весьма слабой.

— Но ведь Озуру был изначально здесь, — сказал отец Матео. — Он же не проламывал стены.

— Любое удачное убийство демонстрирует слабые места в обороне, — сказал Хисахидэ. — Если обычный рабочий убил родственника сёгуна, наемные убийцы тоже могут подумать, что им удастся проникнуть в сегунат. А вера — первый шаг к успеху.

Ваши подозрения насчет плотника не должны выйти за пределы комплекса.

— Мы никому об этом не расскажем, — сказал отец Матео.

— Да, не расскажете, — повторил Хисахидэ, — особенно, если появятся доказательства, что вы правы.

Хиро услышал невысказанную угрозу. Хисахидэ скорее предпочтет убить их обоих, нежели позволит им разболтать об уязвимости сегуната. Этот факт обеспокоил его даже больше, чем необходимости найти убийцу вовремя.

Синоби сменил тему:

— Акира рассказал вам о пропавшей учетной книге?

— Она не пропала, — сказал Хисахидэ. — Сёгун попросил меня принести ему книгу и печать Сабуро. Что-то еще пропало из кабинета?

— Мы больше ничего не заметили, — сказал Хиро.

— Тогда, полагаю, вам стоит сосредоточиться на поисках Казу... и пропавшего плотника.

— Таковы и были мои намерения, — сказал Хиро. — Казу часто проводит свои вечера в магазинчике Гиндзиро. Хозяин сакэварни может знать, где тот провел прошлую ночь.

— А что насчет плотника? — спросил Акира.

— Возможно, он и правда отправился просто купить новый резец, — ответил Хиро.

— Замечательно, — сказал Хисахидэ, — можете начать с Казу. Акира, пойдешь с ними и доложишь сразу, как вернешься.

Глава 18

Хиро вышел из особняка бакуфу, ступив под мелкую морось, висевшую в воздухе, будто на двор опустилось облако. После кабинета Сабуро с его запахом смерти нежные капли казались приятными и освежающими, несмотря на то, что, как прекрасно понимал Хиро, скоро начнется дождь посильнее.

Земляная дорога, ведущая из комплекса сёгуна, уже покрылась липким слоем грязи. Мужчины едва вышли за ворота, когда Акира сказал:

— Надо было взять лошадей. Вы не верхом сюда приехали?

Хиро улыбнулся.

— У отца Матео нет лошади.

— Почему? — поинтересовался Акира. — Только бедняки и крестьяне ходят пешком.

— Господь ходил, когда был на земле, — ответил отец Матео.

— Этот чужой бог не является для меня аргументом, — фыркнул Акира. — Никто не ходит пешком, если есть возможность ездить.

Отец Матео промолчал.

По опыту Хиро, достоинство редко определялось социальным статусом, хотя он и чувствовал, что недовольство юного самурая выходило за пределы религии и грязных сандалий. Только у самурая было право ездить на лошади, и только состоятельный самурай мог позволить себе владеть конюшней.

Юному Миёси позарез нужен был символ статуса.

* * *

До лавки Гиндзиро они добрались к полудню: к открытию опоздали, но это время исключало наличие толпы, что случалась по вечерам.

Когда они подошли к приподнятому над землей полу, растянувшемуся во всю длину магазинчика, дождь из туманной мороси перерос в тяжелые капли. Хиро помедлил на пороге, но лишь затем, чтобы отстегнуть катану и положить ее на татами внутри. Подобрал кимоно, он опустился на колени.

Акира с отцом Матео последовали его примеру.

Вдоль низкого деревянного прилавка, бегущего вдоль левой стены, посетителей не было. На полу, покрытом татами, оказалось совершенно пусто, за исключением коричневой кучи тряпья в правом углу. Она была похожа на груды одежды, ждущей своего нищего, но Хиро заметил, что куча поднимается и опускается в такт человеческому дыханию.

Хиро перевел взгляд на Гиндзиро, хозяина магазина, стоящего в нижней части позади деревянной стойки и протиравшего медового цвета дерево в ожидании посетителей. Позади Гиндзиро была видна дверь, ведущая на кухню, где жена и дочь сакэвара готовили еду. Сама сакэварня и склад находились за помещением кухни, хотя там Хиро никогда не бывал. Норэн цвета индиго висели в узком дверном проеме, скрывая личные комнаты.

Когда Хиро приблизился к прилавку, Гиндзиро поднял взгляд. Он улыбнулся и поклонился, хотя его обычного приветствия не последовало. Хиро поклонился в ответ. Он знал, Гиндзиро не хотел будить нищего монаха, спящего в противоположном углу магазина.

Акира с отцом Матео присоединились к Хиро у прилавка. Все трое опустили на колени и протянули мечи к столешнице.

— Добрый день, Мацуи-сан. — Гиндзиро принял катану Хиро и положил ее в деревянный шкаф, где хранились мечи посетителей. Обернувшись, он поймал взгляд Хиро и приподнял брови в молчаливом вопросе.

Синоби посмотрел на Акиру. Хиро старался всегда обратить внимание на высокий статус отца Матео, но Акира мог обидеться, если бы торговец поприветствовал иезуита первым.

Гиндзиро поклонился самураю и с уважительным приветствием принял его меч. Спустя мгновение, он повторил тоже самое в отношении отца Матео.

Разместив все три меча по своим местам, Гиндзиро спросил:

— Могу я предложить вам сакэ и закуски?

Отец Матео открыл было рот, но Акира его опередил:

— Нет, спасибо. Мы здесь по делам сегуната.

От лица Гиндзиро отлила вся краска. Он снова поклонился, но в этот раз гораздо ниже.

— Чем я могу помочь сёгуну?

— Где Ито Казу? — поинтересовался Акира.

Взгляд Гиндзиро метнулся к Хиро. Синоби едва заметно кивнул, хотя и задавался вопросом, с чего бы сакэварю искать его одобрения, чтобы ответить на вопрос. Гиндзиро не знал о том, кто Хиро, или Казу, на самом деле. Ему они были известны только в качестве постоянных покупателей.

— Боюсь, я не знаю, — сказал Гиндзиро, — но если вы подождете, думаю, он появится через час или два.

Исходя из ответа, Хиро понял, Гиндзиро знает больше, чем сказал Акире.

— С чего вы так решили? — спросил самурай. — Вы видели его?

Гиндзиро улыбнулся и покачал головой.

— У нас нет предварительной записи. Ито-сан часто выпивает здесь по вечерам. Я жду его каждый день, хотя, честно говоря, он не всегда приходит.

— А прошлой ночью он здесь был?

— Ито-сан был здесь прошлой ночью, — Гиндзиро воспользовался формальным ответом, не отводя при этом глаз от лица Акиры, хотя обычай требовал, чтобы он избегал прямого зрительного контакта.

Сакэвар великолепно играл роль подчиненного, полагая, что прекрасно знаком с правилами этикета, чтобы суметь скрыть ложь. Хиро сомневался, что Акира это заметил, но синоби слишком часто пользовался этой уловкой, поэтому с легкостью ее распознал.

— Во сколько он пришел? — спросил Акира. — Как долго оставался здесь?

Вопросы пролетели по молчаливому магазину, словно конские копыта по камню.

Хиро услышал позади шелест ткани. Проснулся монах.

Гиндзиро вежливо улыбнулся:

— Он пришел после заката. Прошу прощения, но я не заметил точного времени. Не всегда удается расслышать входной колокольчик, когда в магазине довольнолюдно.

— Как долго он оставался здесь? — повторил Акира.

Прежде чем Гиндзиро успел ответить, Хиро услышал глухой удар и вскрик.

Акира дернулся в сторону звука, потянувшись к вакидзаси, висевшему на поясе. Отец Матео последовал его примеру, но Хиро оборачивался куда медленнее. Он уже знал, что случилось. Монах скатился с настила и упал на улицу.

Над краем пола показалась лысая голова.

— Сэр, вы ранены? — крикнул отец Матео.

Монах моргнул и стал похож на сову. Он поднял взгляд и дотронулся до лба, словно проверяя, правда ли идет дождь. Когда он бросил взгляд обратно в магазинчик, его рот ощерился беззубой улыбкой.

— Хиро-сан! — Он махнул тощей рукой и закачался на ногах.

Акира посмотрел на Хиро:

— Вы знакомы?

— Его зовут Сукэ, — ответил Хиро, — он знает всех посетителей Гиндзиро.

Хиро последовал за отцом Матео и помог ему водрузить Сукэ обратно в сакэварню.

— Я просто спал. — Брови Сукэ взметнулись вверх, словно пытаюсь сбежать со лба монаха. — Но они меня столкнули!

— Сомневаюсь, что демоны стали бы скидывать старика с настила. — Хиро опустил на колени рядом с ним и заглянул монаху в глаза. — Вы в порядке?

Взгляд Сукэ метнулся к прилавку.

— Ничего такого, что нельзя было бы исцелить порцией сакэ.

Гиндзиро посмотрел на монаха и покачал головой. Он считал Сукэ легкой досадой, но никогда не рискнул бы вызвать недовольство ками, прогнав старого монаха на улицу.

— Могу я купить вам чашечку? — Хиро уже знал ответ, но вопрос был некого рода игрой, а ответ Сукэ позволит ему не упасть в грязь лицом.

— Чашка поможет немного, — сказал Сукэ, — но целая бутылка пошлет на тебя тысячу благословений.

Хиро кивнул. Монах был в полном порядке.

— Гиндзиро, — окликнул синоби хозяина, — принесите бутылку для Сукэ и еще миску риса с мясом.

Сакэвар вздохнул и исчез в кухне.

Отец Матео, ни слова не говоря, вернулся к прилавку.

Хиро повернулся, чтобы пойти за ним следом, но на его руку легла ладонь Сукэ. Тонкие пальцы монаха обладали удивительной силой.

— Если речь о неприятностях, — прошептал Сукэ, — я могу поклясться, что Ито Казу был здесь всю ночь.

Глава 19

Хиро сомневался, что клятва Сукэ убедит хотя бы ребенка, не говоря уже о сёгуне, но он оценил предложение. Синоби вернулся к прилавку, а Сукэ уселся на пол, скрестив ноги.

— Часто ты покупаешь ему еду? — спросил отец Матео.

Хиро пожал плечами:

— Так он не пускает слюни в мою.

Гиндзиро вернулся и поставил на столешницу две миски. В одной исходил дымком курган риса, а в другой лежали маринованные овощи и пять толстых ломтиков жирной свинины.

Сакэвар не любил Сукэ, но никогда не шел против клиента, который платил за еду.

Хиро перевел взгляд с миски на Гиндзиро.

Мужчина вздохнул и наклонился еще ниже. Разогнувшись, он поставил рядом с мисками бутылку и чашечку размером с яйцо для сакэ. Хиро одобрительно кивнул и понес еду с выпивкой монаху.

Сукэ от восторга захлопал в ладоши.

— Тысяча благословений на тебя, Хиро-сан.

Монах одну за другой опрокинул две чашки, вытер губы и вытащил из-под своей грязной рясы пару палочек.

Хиро вернулся к прилавку, когда Сукэ принялся за овощи.

Акира уже возобновил допрос.

— Вы можете сказать, как долго Ито Казу пробыл здесь?

Улыбка Гиндзиро застыла.

— Ушел спустя пару часов после полуночи.

— Он пил весь вечер? — спросил Хиро. — Если так, то он, наверное, был очень пьян?

Отец Матео искоса посмотрел на Хиро, но тот не обратил на него никакого внимания. Он не случайно сформулировал свой вопрос именно таким образом.

Гиндзиро кивнул и дал нужный ответ.

— Никогда его прежде таким не видел. Удивлюсь, если он сумел добраться до дома в таком состоянии.

Хиро отметил в уме, что нужно будет оставить Гиндзиро хорошие чаевые.

— Казу говорил, куда пойдет? — спросил Акира.

— Мои посетители обычно не спрашивают у меня разрешения, чтобы уйти. — Гиндзиро с беспокойством посмотрел на Хиро. — Ито-сан ранен?

— Мы не знаем, — сказал Хиро. — Никто не видел его с прошлого вечера.

Норэн, висящие в двери, ведущей на кухню, встреपнулись, открыв на мгновение взгляду Хиро проблеснувшее фиолетовое кимоно. Дочь Гиндзиро, Тамико, была не равнодушна к Казу, как и к желанию подслушивать.

— У Казу есть женщина в Понто-тё? — поинтересовался Акира.

Гиндзиро поджал губы.

— Не знаю. Даже если и есть, он никогда о ней не говорил и не приводил сюда. А я никогда и не спрашивал. Не мое это дело — интересоваться, кто и чем занимается в квартале развлечений.

В комментарии сакэвара сквозило недовольство. Вопрос Акиры вышел за пределы допустимого.

Акира повернулся к Хиро, не обращая внимания на тактичное замечание Гиндзиро.

— Вы ошиблись. Он не сказал нам ничего полезного.

— Наоборот, — не согласился с ним Хиро. — Мы узнали, что Казу провел вечер здесь и ушел совершенно пьяным.

Акира протянул руку через прилавок. Гиндзиро достал его меч и оружие отца Матео. Когда сакэвар протянул Хиро катану, синоби взял ее двумя руками, что выглядело излишним проявлением вежливости. Но Гиндзиро постарался уберечь Казу от неприятностей, и Хиро оценил преданность торговца.

Синоби вложил катану в ножны и отдал Гиндзиро две серебряные монеты: одну за еду Сукэ, а вторую в качестве признательности за сотрудничество.

Присоединившись к Акире и отцу Матео, Хиро подошел к краю настила, где сидел Сукэ и спросил:

— Ты не обратил внимание, в какую сторону пошел Казу вчера ночью?

Монах задумался. Спустя мгновение он кивнул и с набитым рисом ртом пробубнил:

— К реке.

Несколько зерен проскользнули у него через губы. Сукэ вернул их обратно при помощи грязного пальца.

Ноздри Акиры раздулись от отвращения.

Отец Матео поклонился.

— Благодарю, Сукэ-сан.

Сукэ кивнул и вернулся к рису.

Дождь почти прекратился, остался лишь туман, когда мужчины покинули сакэварню, но от краткого ливня на дороге остались лужи. Синоби старательно их обходил.

Пока они шли на восток к реке Камо, Хиро гадал, почему Казу не пришел, как было условлено, в магазин сакэ. Ему не нравилось сомневаться в своих друзьях синоби, но поведение Казу не внушало доверия.

Недалеко на извилистой аллее, расположившейся в районе удовольствий Понто-тё, под промасленным бумажным зонтиком ютились две женщины. На них были дорогие кимоно с узором из летних сценок. Из-под воротников выглядывали красные накладки, что выдавало в девушках майко, или учениц гейш. Хиро понял, что они ходят в ученицах, едва их увидел. Дождь испортил их идеальный макияж и дорогую прическу. Остальные гейши в столь дождливый день предпочли не выходить из дома.

Девушки стремглав промчались мимо, распахнув от удивления глаза при виде иноземного священника. Отец Матео немедленно поклонился. Акира проигнорировал девушек, а Хиро отвел глаза. Он не собирался оказывать знаки внимания женщинам, которым не хватало ума укрыться от дождя.

Когда мужчины дошли до реки, Хиро остановился, чтобы понаблюдать за каплями дождя, падающими на текущую поверхность реки. Они оставляли на водной глади ямочки и исчезали в объятиях испытывающей жажду реки.

— Может быть, нам стоит вернуться, — сказал Акира, — и обыскать Понто-тё?

— Если хотите. — Хиро надеялся, что самурай не станет настаивать. Синоби ненавидел Понто-тё.

— Пожалуй, не хочу. — Акира бросил взгляд через плечо. — Это место сложно назвать привлекательным.

"В дневное время так точно", — подумал Хиро.

Самурай приходили в Понто-тё ночью, несмотря на запрет дворянам пользоваться услугами проституток. Но никто на это не обращал внимания, да и по большей части всем был все равно.

В дневное время мужчина в Понто-тё привлек бы к себе ненужное внимание.

Самурай направился на север вдоль дороги, бегущей рядом с рекой.

— Я не стану рисковать своей репутацией. Если Казу жив, он рано или поздно объявится.

— А если он мертв? — Отец Акира подстроился под темп шага Акиры.

Самурай обернулся к нему.

— Вы думаете, убийца и до него добрался?

— Но он же исчез, — сказал отец Матео.

— Но зачем убийце скрывать труп второй жертвы? — спросил Акира.

— Незачем, если нет причины, — сказал Хиро.

Синоби шел справа от Акиры, со стороны берега.

— Как вы думаете, почему убили Сабура? — поинтересовался Акира.

— Вряд ли его хотели ограбить, если судить по уликам, — ответил Хиро.

— Может быть, месть? — предположил Акира.

— Возможно, — согласился Хиро. — У кого-то был зуб на Сабура?

Молчание Акиры предполагало, что ему не хотелось об этом говорить, но все же он ответил:

— Сабура не очень любили. Он думал, что имя дает ему некие привилегии для более высокого ранга.

— Он требовал к себе особенного отношения? — спросил отец Матео.

Акира неловко улыбнулся.

— Да, но еще... и у служанок тоже.

Хиро сразу понял, о чем речь.

— Кто-нибудь из девушек, к которым он приставал, все еще работает в сегунате?

— Не знаю, — ответил Акира. — Ситуация весьма деликатна.

— Возможно, жена Сабура знает больше, — сказал Хиро.

Акира распахнул глаза, его щеки вспыхнули.

— Я бы предпочел, чтобы вы не...

Прежде чем он успел закончить, со стороны отца Матео раздался испуганный возглас.

Впереди из-под моста появилась мужская фигура. Голубое кимоно было испачкано в грязи. Из растрепанного самурайского узла на голове торчали трава и сломанные камыши, а лицо оказалось все в синяках и царапинах. Мужчина поднес руку к виску, как будто желая успокоить боль, но от этого, казалось, боль лишь усилилась, поэтому он опустил руку.

С губ потрясенного Хиро сорвалось имя.

— Казу? — спросил он. — Что ты здесь делаешь?

Глава 20

Грязь и трава налипли на кимоно Казу так, будто он скатился по откосу к берегу реки. Щеку и висок украшали синяки. Правый глаз стал фиолетовым и заплыл.

Казу открыл рот, поморщился и поднес руку к почерневшей кровавой корочке, запекшейся на нижней губе. Он аккуратно дотронулся до раны и взглянул на пальцы, чтобы проверить, не осталась ли на них кровь.

Хиро был уверен, что ему по-настоящему больно.

Отец Матео бросился вперед.

— Ито-сан, что случилось?

Казу, моргнув, посмотрел на небо.

— А который сейчас час?

— Далеко за полдень, — ответил Акира. — Где вы были все это утро?

Казу бросил взгляд через плечо.

— Под мостом, полагаю. — Он снова моргнул и посмотрел вверх. — Дождь идет.

— Вы спали под мостом? — Лоб Акиры покрылся морщинками то ли от беспокойства, то ли от отвращения.

Хиро хотелось услышать ответ, даже несмотря на то, что он знал: Казу соврет.

— На меня напали грабители. — Казу казался сбитым с толку, словно вспоминал сон. — Я возвращался от Гиндзиро, когда увидел у моста тени. Я отбивался, но их было много. Дальше я помню, как очнулся... вот сейчас... и увидел вас на дороге.

Они, наверное, бросили меня под мостом.

Корочка на губе Казу треснула. Он смахнул кровь, выступившую на ране.

Распахнув глаза, Казу порывался в кимоно.

— Мой кошелек исчез! Пятьдесят серебряных чогинов!

У Акиры от удивления отвисла челюсть.

— Пятьдесят?

Сумма была больше, чем доход некоторых самураев за год, но все же она вполне соответствовала тому, что при себе мог иметь состоятельный человек в Киото. Хиро не знал, сколько Казу получает от Игарю, но деньги имели жизненно важное значение для прикрытия его легенды. Богатый старший сын знатного дворянина из Ига, который имеет в кармане достаточно монет.

— Это были самураи? — спросил отец Матео. — Грабители я имею в виду.

Акира посмотрел на священника сверху вниз — непростая задача, учитывая восьмидюймовое преимущество иезуита в росте.

— Самураи не становятся ворами.

В очередной раз Хиро было что сказать, но как и прежде он оставил это ошибочное утверждение без комментария.

— Нет, — сказал Казу, — обычные разбойники.

— Видели их лица? — спросил Акира. — Мы должны сообщить в полицию.

Казу затряс головой, но остановился, словно от этого движения у него началось головокружение.

— Они скрывали лица и были в капюшонах. Даже если бы я их увидел, не узнал бы.

— Наглецы, — сказал Акира, — скорее всего тратят ваши деньги, пока мы разговариваем. Полиции платят за то, чтобы они патрулировали реку всю ночь. Скажу Хисахидэ, чтобы он переговорил с командиром.

— Мицунага-сан подчиняется вашим приказам? — поинтересовался Хиро.

Акира вспыхнул.

— Я имею в виду, что попрошу его об этом. — После неловкой паузы он продолжил: — Хисахидэ захочет знать. Это нападение может быть связано с нападением на сегунат.

— Нападение на сегунат? — повторил Казу. — Сёгуна тоже ограбили?

Акира покачал головой.

— Мне очень неприятно нести плохие вести, но был убит Асикага Сабуро.

До Хиро донесся какой-то отвратительный запах, похожий на смесь сакэ и мочи.

— Убит? — Казу шагнул к Акире. — Как это случилось?

Запах усилился. Он шел от одежды Казу. Аромат дождя и реки первоначально перекрыл неприятную вонь, но чем дольше они стояли на берегу, тем больше запах пропитывал воздух.

Хиро поморщился. Казу явно перестарался.

— Он был убит вчера вечером в своем кабинете в сегунате. — Акира, похоже, тоже учуял запах. Он отшатнулся от Казу, но прикрыл свое движение, махнув в сторону Хиро и отца Матео. — Сёгун попросил этих людей помочь Хисахидэ найти убийцу.

— Хиро? — Казу недоуменно прищурился. — Почему?

— Он и прежде расследовал убийства, — ответил Акира. Хиро видел, что самурай пытался дышать не глубоко. Вонь устойчиво висела в воздухе. Этикет запрещал Акире говорить об этом, но отделаться от резкого запаха не было никакой возможности.

— Сабуро был убит твоим кинжалом, — сказал Хиро. — Если это твоих рук дело, лучше признавайся прямо сейчас.

— Я? — Казу отступил на шаг. Страх в его глазах выглядел настоящим.

— Вас нигде не могли найти, — сказал отец Матео. — Мицунага Хисахидэ попросил нас разыскать вас.

— Я не... — Казу замолчал. — Кому нужно убивать Сабуро? — Он посмотрел куда-то на север. — Я должен вернуться в сегунат. Нужно осмотреть кабинет и проверить, все ли на месте.

— Вам нужен врач, — сказал отец Матео.

— Пострадала лишь моя гордость.

— В сложившихся обстоятельствах, я думаю, вам лучше отдохнуть... и, возможно, переодеться, — сказал Акира. — Я все расскажу Хисахидэ, а он проинформирует сёгуна о вашем местонахождении.

— При всем уважении, вынужден отказаться. Нужно защитить конфиденциальные бумаги Сабуро и доставить их сёгуну. — Лицо Казу вытянулось. — К тому же, я должен засвидетельствовать свое почтение Ичиро.

Слова прозвучали довольно искренне. Хиро изучающе посмотрел на юного синоби, однако его озабоченность никак не была связана с травмами Казу. Синоби всегда должен оставаться отстраненным от своей миссии в эмоциональном плане. Настоящие эмоции опасны и запрещены.

Дружба Хиро с отцом Матео тоже нарушала это правило, что в данной ситуации было простительно, поскольку задание Хиро было долговременным, а его жизнь была связана с жизнью священника. Назначение Казу постоянным не было, как и не угрожало ничьей жизни, кроме его собственной.

— Сегодня утром Ичиро выглядел вполне нормально, — сказал Хиро. — Он сопровождал мать, которая приехала в сегунат.

— Я должен засвидетельствовать свое почтение, — повторил Казу. — Это мой долг, как его наставника.

Хиро надеялся, что привязанность Казу к ребенку была лишь предлогом.

— Леди Асикага сегодня вас не примет, — сказал отец Матео. — Она считает вас убийцей своего мужа.

Казу выпятил подбородок и расправил плечи.

— Тогда я просто обязан убедить ее в обратном.

— Если я буду вас сопровождать, это получится сделать гораздо проще, — сказал Акира.

Хиро не ожидал подобного предложения, особенно учитывая вид Казу и запах, исходящий от него. В глазах Хиро Акира поднялся выше.

— Вы пойдете со мной? — переспросил Казу. — Можем мы уже отправляться?

Акира кивнул.

— Я объясню, что вам нездоровилось, поэтому вы не могли убить Сабуро. — Он помолчал. — Но, возможно, сначала вы захотите сменить кимоно?

Разочарование Хиро по отношению к Казу не исчезло. Молодому человеку не стоило менять легенду. Его отсутствие у Гиндзиро разрушило первоначальный план Хиро. Однако Акира, похоже, поверил в рассказы Казу, так что, может быть, самовольное изменение истории не будет иметь негативных последствий.

Хиро очень надеялся, что полиция не станет слишком рьяно расследовать это преступление.

— Прошу простить мне мою бесцеремонность, — сказал отец Матео, — но нам бы укрыться от дождя.

Вместе они дошли до моста, ведущего к дороге Марутамати. Там Акира с Казу повернули в сторону богатого жилого квартала, где располагался императорский дворец и сегунат, а Хиро с отцом Матео перешли мост и направились домой.

Когда они прошли мимо храма Окдзаси, отец Матео спросил:

— Как думаешь, Казу в безопасности? Похоже, Акира ему верит, но самураи часто скрывают свои мысли.

— Казу сможет о себе позаботиться, — сказал Хиро.

— Кстати, откуда у него синяки? И этот запах...

— Сакэ, — сказал Хиро, — смешанное с тем, чем оно стало спустя несколько часов.

— А синяки?

Хиро пожал плечами. Всякий синоби знал, как можно нанести раны самому себе, но Хиро не смог бы этого объяснить, не раскрыв того, что Казу был не просто обычным человеком из провинции Ига.

Кроме того, не все повреждения Казу выглядели так, будто он нанес их себе сам. Не каждый мужчина сможет разбить себе губу или поставить такой фингал. Казу, должно быть, попросил кого-то помочь ему, но Хиро не знал, кому молодой человек смог бы настолько доверять.

Внезапно в голове Хиро возникло одно имя. Это казалось абсурдным, но Хиро знал, что не ошибся. Он покачал головой и улыбнулся, однако его выражение быстро сошло на нет, когда он увидел, кто стоял на дороге напротив дома отца Матео.

Глава 21

Незнакомец носил темно-коричневую рясу и плетеные сандалии. Лысую голову покрывала седая щетина. Он стоял на улице, держа под уздцы тощего каштанового мерина и лоснящегося черного жеребца, который месил копытами грязь, словно от нетерпения.

На коричневой лошадке примостилось простенькое седло и уздечка из веревки, в то время как на жеребце красовалась дорогая кожаная сбруя и заграничная узда с серебряными кольцами.

Отец Матео на мгновение помедлил, а потом поспешил к лошади.

— Самураи не бегают, — пробормотал Хиро и увеличил длину шага, чтобы поспеть за священником.

Отец Матео замедлил шаг, нервно махнув в сторону жеребца.

— Это конь отца Вилелы.

— Тот, который черный?

Произнеся эти слова, Хиро понял, что его отношение к священникам изменилось. Два года назад он решил бы, что такая лошадь принадлежит богатому чужеземцу, однако аскетичный образ жизни отца Матео внес свои коррективы. Теперь синоби считал странным, что священник-иезуит ездит на столь дорогом жеребце.

Отец Матео уловил удивление в голосе Хиро.

— Это подарок сёгуна.

— Интересно.

Хиро скрыл свою обеспокоенность за обыденностью тона. Отец Вилела никогда прежде не приезжал к иезуиту.

Отец Матео пробежал рукой по своим каштановым волосам.

— Наверное, привез какие-то новости из Португалии.

Слуга в коричневой рясе поклонился, но глаз от земли не поднял. Отец Матео поклонился в ответ, однако сделал это, не останавливаясь.

Обычно соблюдение иезуитом японского этикета сопровождалось удовлетворенным кивком Хиро, но страх на лице отца Матео стер удовлетворение синоби напрочь. У иезуита в Португалии осталась семья и друзья. Новости приходили не часто, и только трагические вести могли привести к персональному визиту отца Вилелы.

Отец Матео скинул сандалии и поспешил в дом. Хиро последовал за ним, настороженный и полный тревоги. Отец Матео еще не овладел навыком скрывать эмоции в трудных ситуациях, и в такие эмоциональные моменты Хиро испытывал неловкость.

* * *

Синоби видел Гаспара Вилелу лишь однажды, да и то с определенного расстояния, но облаченного в кимоно иезуита узнал сразу же.

Если не обращать внимания на внешность и деревянный крест, висящий на гуди, отец Вилела вполне мог сойти за самурая. Его волосы были настолько темными, что даже японец не назвал бы их каштановыми. Одевался он как самурай, брил голову и завязывал аккуратный узел на макушке. Между глубоко посаженных карих глаз пристроился крючковатый нос, а губы сложились в суровые, но безучастные линии.

Хиро очень бы хотелось, чтобы отец Матео тоже выглядел как самурай.

Отец Вилела поклонился, но не встал. Хиро с отцом Матео вернули приветствие и присоединились к вышестоящему иезуиту у очага.

— Матео, — обратился к священнику отец Вилела, — надеюсь, ты не против, что я тебя дождался.

Он говорил на японском, несомненно в знак уважения к присутствию Хиро. Синоби решил, что это тоже весьма интересно.

— Конечно нет, — ответил отец Матео. — Ваш визит для меня большая честь.

— И несомненно он привел тебя в замешательство. — Суровость отца Вилелы растаяла в его улыбке. — Тебе удобно в этом доме? Теперь, побывав здесь, я думаю, что он довольно мал.

— У меня есть все необходимое, мои прихожане ценят скромность дома.

Отец Вилела кивнул:

— Если тебя это устраивает, то и меня тоже.

Глядя на иезуита, Хиро задумался (уже не в первый раз), почему клиент самурай нанял Ига-рю защищать Матео, а не Гаспара Вилелу. Оба приехали из Португалии, и Вилела был, без сомнений, гораздо важнее для церкви.

Хиро не была известна личность нанимателя, и о его мотивах он догадаться тоже не мог, но причина, по которой был выбран отец Матео, лежала далеко за пределами католической веры.

Как и всегда, Хиро постарался забыть этот вопрос, как только он появился у него на уме. Пока наниматель платит по счетам, синоби будет следовать данным ему указаниям, а человек, настоявший на охране отца Матео, платил вовремя и весьма прилично.

— Могу я предложить вам чай или пирожные?

Отец Матео искал глазами Ану.

— Твоя служанка уже предлагала, когда я прибыл, — ответил отец Вилела, словно читая мысли иезуита. — Но, к сожалению, я приехал ненадолго, чтобы можно было насладиться твоим гостеприимством.

— Есть новости из Португалии?

Отец Матео снова провел рукой по волосам, но на этот раз покраснел от стыда и опустил ладонь на колено.

Хиро с удовлетворением заметил его смущение. По крайней мере, священник запомнил, что в Японии нервозность — признак слабости.

— В последнее время новостей не было. — Отец Вилела покачал головой, словно его удивил этот вопрос. Почти сразу его глаза распахнулись от понимания. — Ты решил, что я принес плохие вести из дома? Нет, я пришел не за этим.

Отец Матео облегченно вздохнул, но тон, каким отец Вилела произнес последние слова, был очень похож на то, как самураи выражают недовольство. Хиро приготовился услышать неприятные новости.

— Миёси Акира сегодня утром отправил мне сообщение, — сказал отец Вилела.

— Акира — христианин? — отпрянул от неожиданности отец Матео.

— Нет, — ответил отец Вилела, — хотя несколько высокопоставленных членов его клана приняли нашу веру. Акира выразил недовольство вашим обращением с прислугой сёгуна.

У отца Матео отпала челюсть.

— Уверю вас, мы ни с кем плохо не общались.

Он взглянул на Хиро в поисках поддержки.

— Наоборот. — Сейчас отец Вилела походил на самурая больше, чем когда бы то ни было. — Вы слишком хорошо с ними общались. В добавление к сказанному, Миёси-сан выразил недовольство твоим заявлением, что христианство доступно для простолюдинов.

На лицо Вилелы набежало подобие улыбки, которая тут же исчезла.

— Он обвиняет тебя в том, что ты веришь, будто бы все люди равны.

— Все люди равны перед Господом, — ответил отец Матео. — Мне стоит убеждать их в обратном?

— Японцы народ сложный, со своими замысловатыми социальными правилами. Здесь нам удалось зайти довольно далеко, но этот прогресс должен соответствовать японским обычаям. Отец Ксавье оставил довольно четкие указания — мы можем спорить с японцами только по жизненно-важным вопросам.

— Равенство перед Господом — жизненно-важный вопрос, — в голосе отца Матео послышалась напряженность.

Отец Вилела поднял руку, словно родитель, успокаивающий свое дитя.

— Его обидело то, как ты это сказал. Тебе нужно научиться говорить правду иным способом. Самураи не хотят слышать о том, что слуги равны благородным людям.

— Я не променяю истину на невежливость самурая. — Отец Матео говорил миролюбиво, но сдерживал себя уже с трудом. Хиро редко, если вообще когда-либо, видел священника таким разозленным. — Никто не заслуживает жестокого обращения только потому, что родился не в той семье.

— Я не прошу о жестоком отношении к кому бы то ни было, — спокойным, словно полуденный пруд, голосом сказал отец Вилела, — просто помни о том, что ты говоришь не только от своего имени.

— Я говорю от имени тех, кто не может говорить за себя.

— И как ты поможешь их чаяниям, если их же господа ополчатся против нас?

Хиро наблюдал за тем, как гневное выражение на лице отца Матео сменилось пониманием и сожалением, и был впечатлен. Не многие мужчины способны признавать свои ошибки, которые проистекают из моральных ценностей.

— Прошу прощения, — сказал отец Матео. — С моей стороны совершенно неправильно разрушать то, что вы и остальные уже построили.

— Давай начистоту, — сказал отец Вилела. — Я не прошу тебя менять твою проповедь, просто помни, что слова должны употребляться в соответствующее время и место.

— Я принесу Миёси-сан свои извинения.

— Не стоит, — сказал отец Вилела. — Да и невозможно, поскольку больше ты в сёгунат не вернешься.

Глава 22

Глаза отца Матео округлились.

— Вы приказываете нам прекратить расследование?

— Не обоим сразу. — Отец Вилела показал на Хиро. — Помнится, ты сказал, что Мацуи-сан помог тебе в раскрытии предыдущего убийства. Уверен, он сможет справиться и без тебя.

Синоби покачал головой.

— Над убийством Акеши мы трудились вместе.

— С этим разберетесь в одиночку.

Тон отца Вилелы не допускал возражений, поэтому Хиро тут же принял спорить.

— Это требование Миёси Акиры? — спросил он.

— Нет, — ответил отец Вилела, — но смысл послания Акиры достаточно ясен. Он пожаловался на поведение Матео и сказал, что сёгун более не хочет тревожить нашу миссию, дабы расследовать преступления японцев.

— А как же я? — задал вопрос Хиро.

— В сообщении было указано, что ваша помощь по-прежнему необходима, — ответил отец Вилела. — Вы не обычный слуга, которому можно приказывать, но вы сделаете мне и отцу Матео одолжение, если выполните требование Миёси Акиры.

— А отец Матео? — поинтересовался Хиро.

— Ничего общего с этим расследованием больше не имеет.

Отец Вилела уже все решил.

Хиро не был с этим согласен, но статуса слуги самурая было бы недостаточно, чтобы противоречить священнику, а для отца Вилелы синоби был обычным переводчиком.

Отец Матео кивнул.

— Понимаю. Я больше не вернусь в сегунат.

— Спасибо, — сказал отец Вилела. — Мы далеко продвинулись здесь, в Киото. Порой стоит заплатить весьма существенную цену, но конечный результат того стоит... как для самураев, так и для простолюдинов.

Он поднялся и поклонился сначала отцу Матео, потом Хиро.

— Благодарю за гостеприимство. Pax vobiscum, Мир вам [1].

— И духови твоему.

Отец Матео встал и проводил старшего иезуита до двери.

Когда он вернулся уже один, Хиро спросил:

— Ты и правда собираешься отказаться от поиска убийцы Сабура?

— Отец Вилела попросил об этом, а Акира потребовал.

Хиро нахмурился.

— Ты слишком легко сдался. Ты заявляешь, что веришь в истину любой ценой, но сдаешься без боя.

Акира решит, что он был прав, а ты ошибался, и не только насчет равенства, но и насчет всего остального.

Отец Матео встретил взгляд Хиро со спокойной решимостью.

— Я принял правильное решение. Акира ошибается, но он родился и вырос, веря, что стоит гораздо выше простолюдинов. Для него это тоже истина, а не просто мнение. Я могу оспаривать его убеждения, но не изменю их.

— Отец Вилела прав... я должен найти другой способ.

— Есть одна важная причина, по которой ты должен продолжить расследование, — сказал Хиро. — Если люди господина Оды — шпионы, их визит может привести к нападению... и не только на сегунат. Я не смогу защитить тебя должным образом, если продолжу расследование, а ты нет.

Отец Матео улыбнулся.

— Я не отказывался от расследования. Если ты помнишь, я лишь сказал, что не вернусь в сегунат.

Хиро внимательно посмотрел на священника. Отец Вилела, возможно, и выглядит как самурай, но отец Матео думает как синоби.

Через кухонную дверь к озу приблизилась Ана. Котенок Хиро, Гато, шлепал за ней по пятам. Служанка подошла к очагу и сняла с цепи чайник. Погрузившись в раздумья, отец Матео ее, похоже, не заметил.

Хиро посмотрел на Ану:

— Метла с одного раза разбила губу Казу или вам пришлось предпринять несколько попыток?

— Хм. — Она выпрямилась, держа в руках чайник. — Думаешь, я не могу с одного удара разбить губу?

— Вы ударили Казу? — в голосе отца Матео сквозил ужас.

— Он сказал, если я этого не сделаю, сёгун подумает, что вы его прячете. — Ана поглядела на Хиро. — Почему ты позволил этой пьяной свинье отсыпаться здесь? Ты же знаешь, в этом доме алкоголь под запретом!

— Но ведь он же не приносил его с собой.

Хиро вспомнил, какой запах исходил от одежды Казу, и пожалел, что упомянул об этом.

— Но... вы ударили его? — повторил вопрос отец Матео.

Ана уперлась свободной рукой в бедро.

— Я не позволю ленивым дружкам Хиро навлечь беду на этот дом. Где-то бродит все время, заваливается сюда пьяным, прячется от ответственности! Этот ленивый бездельник заслуживает гораздо большего, чем получил от меня! Хорошие сыновья остаются дома и заботятся о родителях. Позорный пьяный загул...

Она исчезла на кухне, все еще бормоча что-то о безответственных детях, бросивших своих престарелых родителей ради развратной и никчемной жизни в городе.

Хиро услышал, как отворилась входная дверь. Он удивленно обернулся, но испытал облегчение, увидев Луиса. До этого момента Хиро считал, что торговец еще спит.

— Добрый вечер Луис, — поклонился отец Матео.

— Не такой уж и добрый. — Луис помахал в воздухе рукой. — Мерзкий дождь и невыносимый самурай. — Он подошел к очагу, не поклонившись в ответ на приветствие иезуита. Опустившись на пол в положение хозяина, он прокричал: — Ана, еды! И чай принеси!

Он посмотрел на отца Матео:

— Мне придется ехать за грузом в Оцу. Сегунат не выдает пропуска для доставщиков, чтобы они могли перевезти оружие в город, даже несмотря на то, что оно предназначено для сёгуна.

— Почему? — спросил отец Матео.

— Какой-то вспыльчивый самурай прикончил чиновника в сегунате, поэтому в бакуфу не будут выдавать пропуска, пока убийцу не поймут.

— Как правило, пропуска выдает магистрат, а не сёгун, — сказал Хиро.

— Это не касается огнестрельного оружия, — отрезал Луис.

— Я так и думал, — сказал Хиро. — Но не станет же сёгун прекращать снабжение Киото из-за какого-то убийства.

— Запрет касается только новых разрешений, — продолжил негодовать Луис, — и только насчет оружия. Это не распространяется на другие виды товаров или, например, еду, если я правильно понимаю. Я могу привезти оружие сюда сам, просто не могу нанять японца, чтобы он перевез его из Оцу.

Типичный самурайский бред.

— Это не из-за убийства. — Хиро рассказал про скорый приезд делегации господина Оды. — Сёгун просто не хочет, чтобы воины Оды тайком протащили в Киото оружие.

Это объяснение лишь сильнее разозлило Луиса.

— Бессмысленная трата времени, — проворчал он. — Это же оружие сёгуна, оно в маркированных ящиках! Но сейчас я вынужден закрывать склад, ехать в Оцу и везти товар самостоятельно... а ведь цена уже установлена, и я не могу даже предъявить претензии за доставленные мне неудобства.

Хиро подозревал, что в этом и есть проблема. Луис просто хотел заработать побольше денег.

— Но ты можешь привезти оружие в город? — поинтересовался отец Матео.

Луис кивнул.

— И полиции лучше даже не пытаться его конфисковать. Идет расследование убийства или нет, я получу деньги за эти ружья.

— Я бы на этот счет не переживал, — сказал Хиро. — Полиция Киото убийство не расследует.

Луис повернулся к отцу Матео.

— Откуда ему об этом известно?

— Мы с Хиро большую часть дня провели в сегунате, — сказал отец Матео.

— Вы расследуете это убийство? — Луис побагровел. — Вы чем вообще думаете? В последний раз вы чуть жизни не лишились.

[1] Евангелие от Луки, 24.36: Stetit Jesus in medio eorum et dicit eis: Pax vobis. "Иисус стал посреди них и сказал им: Мир вам". Литургический возглас священника, на который верующие отвечают: "Et cum spiritu tuo" ("И духови твоему").

Глава 23

— Отец Вилела попросил нас помочь сёгуну, — сказал отец Матео. — Я не мог отказаться.

— Но теперь он дал отцу Матео указание бросить расследование, — добавил Хиро.

Луис покачал головой.

— Иезуиты... почти такие же непонятные, как и японцы.

Ана внесла в комнату поднос с супом и маринованными овощами. Поставив его перед Луисом, она спросила:

— Отец Матео, может быть, вам тоже принести еды?

— Да, пожалуйста. — Иезуит опустился на колени рядом с Луисом. В отличие от торговца, отец Матео постоянно тренировался в умении сидеть так же, как японцы. — Хиро, ты к нам присоединишься?

— Нет, спасибо.

Синоби открыл дверь своей комнаты. Когда щель стала достаточно большой, чтобы Гато смогла в нее проскользнуть, кошка не замедлила воспользоваться этой возможностью.

Хиро покачал головой и последовал за котенком. Задвигая дверь позади себя, он услышал, как Луис сказал отцу Матео:

— В Оцу поеду завтра утром. Останусь там на ночь и вернусь шестнадцатого, надеюсь, хотя бы к полудню...

Дверь зарылась, Хиро перестал прислушиваться. Дальнейшие слова торговца были не интересны.

Гато добежала до середины комнаты и плюхнулась на бок. Она вытянулась дугой, растопылив когти. Потянувшись, кошка снова приняла вертикальное положение и посмотрела на Хиро.

Он щелкнул пальцами. Кошка подскочила и устремилась к нему. Хиро погладил ее по шёрстке, мурлыканье Гато было похоже на землетрясение. Синоби улыбнулся. По крайней мере, комната от её урчания трястись не будет.

Когда Гато слезла с рук, синоби сменил свое серое кимоно на темно-синий сюрко и черные брюки хакама. Он опустил сюриkeny во внутренний карман куртки и обмотал оби вокруг талии. Проведя рукой по волосам, Хиро решил развязать тенмагэ. Из-за утренней спешки, в которой ему пришлось одеваться, при повороте головы кожаный ремешок сильно сдавливал волосы.

Хиро убрал внешнюю перевязь, которая крепила узел, но оставил внутреннюю на месте. Перевязать внешний узел без посторонней помощи было довольно трудно.

Он несколько раз пробежал расческой по волосам, пока промасленный хвост не стал свисать до пояса ровно. Потом Хиро положил гребень и накрутил волосы на руки, приготовившись опустить их двойным слоем на макушке. Большинство самураев пользовались услугами парикмахера, да и Хиро ими не гнушался, но накручивать узел самостоятельно его вынудили обстоятельства.

Нападение произошло сзади и без всякого предупреждения.

Дюжина крошечных кинжалов впились в плечо и спину Хиро. Он хрюкнул от неожиданности и боли и попытался обернуться, но от этого движения когти Гато только глубже вошли в его плоть. Свободной лапой она ударила его по руке и вцепилась в хвост, который болтался у Хиро на голове.

— Ой!

Хиро схватил Гато в попытке оторвать ее от себя прежде, чем она полностью испортит ему прическу. Синоби почувствовал, что ее когти разжались, когда она заскользила по промасленным прядям, но продолжала при этом яростно цепляться за него, соскальзывая на пол.

Хиро развернулся, чтобы предотвратить второе нападение, но кошечка оказалась быстрее. Она запрыгнула ему на спину, и снова ее острые иголки-когти впились ему в кожу.

Когда Хиро наконец удалось схватить котенка, та замурлыкала, а рот ее был полон промасленных волос.

— Прекрати!

Хиро сгреб лапы Гато в одну руку, а второй попытался извлечь перевозбужденного котенка из волос. Когда ему это удалось, Гато обхватила лапками его запястье и сомкнула крошечные зубки на большом пальце. Зеленые глаза сверкали от восторга. Задними лапами она пинала рукав Хиро. Ее урчание становилось все громче.

— Нет!

Хиро оторвал кошечку от запястья и поставил на пол. Гато тут же завалилась на бок, растопылив лапы и желая продолжить поединок.

Хиро искал, чем бы ее отвлечь.

В мусорном ведре рядом со столом лежал кусочек пергамента. Он схватил его и скатал в шарик.

Гато мяукнула и вскочила на лапы.

Хиро бросил бумагу на пол. Гато, громко урча, бросилась за ней и накинулась на шарик, как только тот упал вниз. Котенок вместе с пергаментом перекувыркнулся на полу и остановился. Гато зажала бумагу передними лапами и с удовольствием принялась рвать захваченную добычу.

Хиро воспользовался возможностью, чтобы поправить свой тенмагэ. К тому моменту, когда он закончил, Гато разодрала пергамент на мелкие кусочки и принялась его поедать.

Синоби подхватил обрывки и выбросил их в мусорную корзину, представив гнев Аны, если Гато раскидает бумагу по чистому полу. Кошку служанка точно в этом обвинять не станет. Ана полагала, что Гато, как и отец Матео, не может вести себя неправильно. Вся вина за то, что котенок наелся бумаги, будет возложена на Хиро.

Он засунул мечи за оби и вышел из комнаты, в то время как Гато свернулась клубочком, решив вздремнуть.

Когда Хиро пересекал общую комнату, отец Матео спросил:

— Присоединишься?

Иезуит с Луисом сидели у очага, наслаждаясь чаем. От него шел приятный дорогой аромат; вне всяких сомнений чай, икебанча, был из личных запасов Луиса.

— Нет, благодарю, — ответил Хиро. — Мне нужно что-то покрепче, чем чай.

Улыбка отца Матео испарилась.

— Пойдешь к Гиндзиро?

Хиро проигнорировал столь знакомое и очевидное неодобрение.

— Желаете пойти со мной?

— У меня служба через час. Остаться не хочешь?

— В другой раз.

Хиро избегал проповедей так же старательно, как священник избегал сакэ.

* * *

Хиро подошел к дороге Марутамати, когда облака в темнеющем небе из серых стали черными. В вечернем воздухе пахло землей и тлеющими жаровнями, и, хотя на данный момент дождь прекратился, сезон дождей определенно начался.

Ворота тории на входе в храм Окадзаки светились красным от жаровен, установленных у их основания. Запах едкого дыма, поднимающийся от углей, напоминал Хиро ад. Синоби не был уверен, что верует в пылающую яму христианского бога или в многослойную буддийскую преисподнюю, где зло встречается с причудливым многообразием наказаний. Он более беспокоился о том, как живым избежать мучений, выпавших на их долю... и был уверен, что отец Матео думает о том же.

Хиро перешел реку Камо и направился вдоль берега дальше на юг. Идя по дороге, синоби думал о том, что ему удалось узнать насчет убийства Сабуро.

Состояние тела указывало на то, что убийство произошло около полуночи. Но к этому часу все посетители должны были покинуть сегунат. Казу и Озуру, как и Джин, признались, что оставались на работе, когда ворота уже были закрыты, но ни один из них в убийстве не признался.

Сабуро свой меч так и не достал, а это говорит о том, что он знал убийцу и позднее появление того на пороге кабинета вопросов у него не вызвало.

И все эти обстоятельства складывались не в пользу Казу.

Хиро надеялся, что Гиндзиро, а, возможно, и Сукэ смогут заполнить пробелы вечера Казу. Если же нет, синоби придется поверить Казу на слово и основываться на выводах, сделанных из его рассказа. Несмотря на то, что Хиро доверял Казу больше всех на свете, нелюбовь синоби к предположениям распространялась гораздо глубже, чем вера в дружбу.

Глава 24

Когда Хиро подошел к сакэварне Гиндзиро, гул мужских голосов возвестил о том, что вечерняя толпа уже собралась. Большинство посетителей были знакомы друг с другом, и Хиро не был исключением. Один самурай поприветствовал его, следом за ним поздоровались и остальные. Синоби ответил вежливой, если не искренней, улыбкой.

Сукэ, как обычно, сидел в дальнем от стойки углу, но был настолько поглощен своей бутылкой сакэ, что не заметил появления Хиро.

Синоби почувствовал облегчение от того, что Казу здесь не было. Гиндзиро будет говорить более открыто в отсутствие молодого человека.

К сожалению, сакэвара на месте тоже не было.

За прилавком в ожидании посетителей в одиночестве стояла дочь Гиндзиро, Томико. На ней было надето фиолетовое кимоно с повторяющимся рисунком бабмбука и листьев паловнии. Стелющиеся рукава выдавали незамужний статус, что было весьма необычно для двадцатилетней девушки. И хотя внешность Томико была не из тех, что цепляет взгляд на улице, всё же её неброская красота предназначалась тем, что предпочитает живой цветок искусственному.

Когда Хиро приблизился, Томико подняла голову. Её глаза загорелись, и она улыбнулась, когда узнала его, однако при этом бросила взгляд ему за плечо. Ему даже не нужно было гадать, кого она ожидала там увидеть. К чести девушки, её улыбка не дрогнула, когда она увидела, что Хиро пришел один.

Синоби протянул через стойку свой меч. Томико приняла его обеими руками. Девушка поклонилась.

— Добрый вечер, Мацуи-сан. Могу я предложить вам бутылочку сакэ?

— Спасибо, — ответил Хиро, — но не сегодня. Я очень надеялся переговорить с твоим отцом.

Она снова поклонилась, на этот раз в знак согласия.

— Пожалуйста, подождите. Я его позову.

Хиро вспомнил, как трепетали занавеси во время его визита в полдень. Он бросил взгляд через прилавок. Остальные посетители уже вернулись к своим беседам.

— Прежде чем ты уйдешь, — тихо сказал Хиро, — может быть, ты ответишь на несколько вопросов? Ты видела Казу прошлой ночью?

Щеки девушки заалели, она опустила взгляд на столешницу.

— Да, Ито-сан был здесь.

— Во сколько он появился?

Хиро надеялся, что чувства Томико к Казу скорее помогут, а не введут в заблуждение.

Прежде чем ответить, она подняла глаза.

— После заката. Не помню точное время, но было уже темно. Он появился как-то внезапно. Простите, что не могу сказать более точно.

Ответ совпадал с ответом её отца и Казу. Гораздо важнее было то, что она смотрела синоби в глаза и не выказывала никакого смущения, отвечая на вопрос.

— А ты помнишь, во сколько он ушел? — поинтересовался Хиро.

Она посмотрела на прилавок.

— Он был здесь, когда я уходила спать. — Томико прикусила нижнюю губку. — Он в добром здравии?

— Казу в полном порядке, — ответил Хиро. — Уверен, он по достоинству оценит твое беспокойство.

Томико кивнула. Румянец вернулся.

Хиро было немного жаль девушку. Она была не первой, кто влюбился в эффектного Казу, и дела её здесь обстояли не лучше, чем у остальных, хотя синоби подозревал, Томико в курсе, что шансов у неё нет. Ни один самурай не женится на дочери торговца. Если Томико все понимала правильно, Ито Казу был для неё недостижим.

Раздвинулись норэн, и в зал из кухни вышел Гиндзиро. Он поклонился Хиро и с улыбкой распрямился.

— Спасибо, Томико, — сказал он. — Можешь вернуться к матери.

Девушка посмотрела на Хиро так, словно хотела добавить что-то еще. Но передумала и, поклонившись, ушла.

Когда Томико исчезла за занавеской, Гиндзиро тихо спросил:

— Ито-сан нужна помощь?

Гиндзиро очень давно имел дела с сакэ и теми, кто его пил, чтобы носом чуют неприятности.

— Не думаю, — ответил Хиро, — но я хотел бы знать точно, во сколько вчера он ушел отсюда.

— За полчаса до того, как храмовые колокола прозвонили полночь.

— До полуночи, — повторил Хиро.

— Мне сказать, что он ушел раньше? — спросил Гиндзиро. — Мне не понравился твой самурай-спутник. Он похож на человека, который лишь пытается найти того, кого можно обвинить. Я слышал насчет убийства в сегунате и не хочу, чтобы у Казу были неприятности. Он имеет к этому отношение?

— Откуда ты прознал об убийстве? — спросил Хиро.

Сакэвар покачал головой.

— Я не раскрою тебе своих источников, итак уже выставил Ито-сан не в лучшем свете перед этой выпендривающейся обезьяной из сегуната.

Гиндзиро тут же продолжил:

— Прежде, чем ты спросишь, я не знаю, кто убил служащего, и впутываться во всё это не намерен. Что там Ито-сан натворил — или не натворил — за пределами моего магазина, меня не касается.

— Зачем ты мне об этом говоришь? — поинтересовался Хиро. — Ведь я могу доставить Казу неприятности точно так же, как и человек из сегуната.

Губы торговца изогнула понимающая улыбка.

— Не можешь. Я знаю людей так же хорошо, как и свои бутылки, ты не способен на предательство.

Хиро приподнял бровь, но тему сменил.

— Ты уверен, что Казу ушел до полуночи?

— Моя жена ложится спать, когда колокола бьют полночь, — ответил Гиндзиро. — За полчаса до этого я объявляю, что закуски больше подаваться не будут. Казу ушел сразу, как только я это сказал. Насчет времени я уверен.

— Еще один, последний, вопрос, — сказал Хиро.

— Казу не был пьян, — сказал Гиндзиро, предвосхищая вопрос.

Слова торговца камнем упали на сердце Хиро. Казу ушел из магазина, чтобы убить Сабуру, и он не сказал Хиро правды.

Синоби сжал челюсть, пытаясь побороть неожиданную и непрощенную ярость, поднимавшуюся в груди. До убийства Сабуры ему не было дела (такова жизнь синоби), но ложь Казу поставила под угрозу миссию, а это было серьезным преступлением как против Хиро, так и против рю.

— Мои ответы тебя расстроили? — Гиндзио посмотрел на Хиро через прилавок, обеспокоенный его молчанием.

Синоби выдавил из себя улыбку.

— Нет. Я ценю твою помощь и осмотрительность. Не стоит переживать насчет Казу. Его сегодня ночью ограбили, возле реки, но сам он не пострадал.

Гиндзиро нахмурился и принялся протирать прилавок полотенцем.

— Полиции следует патрулировать реку по ночам. Воры совсем осмелели.

— Отчаяние всегда граничит с дерзостью. — Выговорив эти слова, Хиро почувствовал, что гнев испарился, уступив место внезапному ознобу. Если Казу убил Сабуру по приказу Хаттори Ханзо, школа может потребовать ликвидировать всех, кто подозревает его в преступлении. Казу знал, что Хиро и отец Матео раскрыли убийство Акеши, и мог заподозрить, что сёгун и в этот раз попросил их содействия. Казу мог молить о помощи с целью сбить их со следа.

Но Хиро на это не купился, и если его присутствие станет угрозой для Казу... синоби придется противостоять смертоносной силе. Хиро сражался лучше Казу, но тот прекрасно знал, что слабое место Хиро — иезуитский священник.

Хиро хотелось бы верить, что душевное родство (и дружба) остановят руку Казу, но мастер-синоби был слишком хорошо обучен, чтобы тешить себя надеждами. Казу убьет отца Матео, если того потребует его задание.

А Хиро оставил иезуита без присмотра.

Он поспешил домой, пытаясь не сорваться на бег, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания. А Хиро очень хотелось бежать, но он все-таки предпочел идти быстрым шагом. Остановливаясь лишь за тем, чтобы отвечать на подозрительные вопросы полицейского, значит напрасно тратить время.

Хиро позволил себе припустить бегом, когда миновал храм Окадзаки. Его гэта хлюпали по мокрым улицам, и вся одежда оказалась забрызгана грязью, но вопрос чистоты сейчас волновал его меньше всего.

До этого всего раз в жизни Хиро так отчаянно хотел ошибиться. Но этого не случилось. И в этот раз жизнь, поставленная на кон, была гораздо важнее собственной жизни Хиро.

Глава 25

Когда Хиро приблизился к дому иезуита, до него донеслись причитания. Он замер, внутри все похолодело и вспучилось, как грязь под его деревянными сандалиями.

В тишине среди этих причитаний послышался знакомый голос, поющий на японском. Как и всегда, Хиро подумал о том, как же в такой скорбной музыке может присутствовать столь хвалебный текст.

Синоби наклонился вперед, слегка обессилев от облегчения. Дыхание успокоилось, мысли обрели ясность. Он обругал себя за то, что поддался необоснованной тревоге. Отсутствие логики в мыслях обычно приводит к провалу так же верно, как и клинок убийцы.

Хиро проскользнул через ворота в садовой стене и вошел в свою комнату через веранду. Он решил не рассказывать отцу Матео о том, что Казу солгал. По крайней мере до тех пор, пока не узнает, с какой целью тот это сделал, и не удостоверится, что иезуиту ничего не грозит. К счастью, во время богослужения священника все равно отвлечь было невозможно.

Несколькими минутами позже Хиро вышел из дома в специальных штанах с завязками на лодыжках, сюрко цвета ночи и с куском материи, закрывающим лицо.

Он подтянулся на влажной крыше веранды и, забравшись на солому, пробрался по деревянной балке до конька. Бормотания и фальшивое пение, доносившиеся снизу, перекрывали любой производимый им шум. Оседлав перекладину, Хиро бросил взгляд на пасмурное небо, надеясь, что к ночи дождь закончится.

Внутри дома тихие причитания переросли в довольно громкое бормотание. Главная входная дверь открылась, выпуская на улицу прихожан. В сгущающейся темноте их покачивающиеся фонарики были похожи на светлячков.

Хиро лег на балку. В такие пасмурные сумерки, да в отсутствие луны только сова смогла бы увидеть синоби, примостившегося на крыше, но Хиро не хотел рисковать. Не стоило.

На улице раздался грозный лай, напугавший горожан. Женщины сбились в группку, словно это помогло бы отразить нападение. От страха закричал ребенок. Лай стал громче, и Хиро уже приготовился увидеть огромную соседскую акиту, несущуюся на дорогу. Прежде страшный зверь выбегал всегда, но хозяин успевал одернуть собаку, пока та не причинила вреда.

На этот раз собака не появилась.

Спустя какое-то время, женщины похихикали и разошлись. Лай затих, и на улице установилась тишина. Акита гавкнула в последний раз и замолчала.

Хиро позволил себе немного позавидовать собаке. У акиты мир делился на друзей и врагов, и грань между ними была достаточно четкой.

* * *

Рассвет застал Хиро на крыше, влажной от дождя, который опустошил тучи и позволил восходящему солнцу расправить в небе золотые косы. Синоби зевнул и потянул затекшие мышцы. Он устал, но был доволен. Даже если Казу виновен, ему придется вернуться на работу, чтобы соблюсти приличия, а это значило, что до вечера отец Матео будет в безопасности.

Хиро соскользнул со своего насеста в дом. Он скинул промокшую одежду и прилег на фuton, чтобы поспать. Почти сразу к нему присоединилась Гато, и синоби заснул под урчание котенка.

Час спустя утренняя молитва отца Матео пробудила Хиро ото сна, после которого усталость поубавилась, а вот беспокойство осталось. Пропуская завтрак и объяснения, Хиро надел серое кимоно и покинул дом через веранду.

Когда ворота сегуната распахнулись, Хиро был тут как тут. Но прежде чем охрана успела поинтересоваться, что его сюда привело, он увидел на дороге знакомую фигуру.

— Прошу прощения, — сказал Хиро недоуменным охранникам, — я уже нашел того, кто мне нужен.

Он развернулся и направился к Казу с такой скоростью, которая позволила бы как можно дальше отойти от ворот, чтобы стража не смогла услышать разговор.

Казу его заметил и остановился, чтобы поклониться.

— Ты уже поел? — спросил Хиро. — Я знаю неподалеку хорошее место, где продают лапшу.

— А есть вообще в Киото такие места, о которых ты не знаешь? — улыбнулся Казу. — Я не могу.

Опоздаю на работу.

— Опоздаешь сильнее, если я обвиню тебя в убийстве Сабуро.

Глаза Казу распахнулись, а потом превратились в узкие щелочки.

— Я же сказал, что не делал этого.

— Ты солгал.

На лице Казу не дрогнул ни один мускул.

— Ты ушел от Гинзиро до полуночи, — сказал Хиро. — У тебя была куча времени, чтобы убить Сабуро.

— Ты проверял мои слова? — Левая рука Казу сжалась в кулак. — Ты мне не поверил.

— И не зря, — ответил Хиро. — Ты не сказал мне правды.

С этими словами он направился прочь от ворот. Как Хиро и ожидал, Казу последовал за ним. Хиро настроженно наблюдал за юным синоби. Он сомневался, что Казу станет рисковать и нападать на глазах у охраны, но мудрый человек никогда ничего не упустит из вида.

Когда они почти добрались до конца квартала, Хиро спросил:

— Ты думал, что я не смогу понять, что ты убийца? Или ты думал, что слишком умен, чтобы быть пойманным?

— Я не убивал Сабуро, — сквозь стиснутые зубы выдавил Казу. — Клянусь своей честью.

Хиро едва сдержал едкое замечание про честь лжецов. Некоторые слова ни один мужчина не потерпит, не ввязавшись в драку.

— Где ты был две ночи назад?

— Как я тебе и говорил, у Гиндзиро, — ответил Казу. — Спроси у Дена, мальчишки из конюшни. Когда я вернулся, он был в саду, что за пределами особняка.

— Ты же заявлял, что тебя никто не видел, — сказал Хиро. — Кроме того, Дена не было в городе.

— Он был в городе, — ответил Казу. — Когда я проскользнул обратно через стену, то видел его в саду к северо-востоку от кухни, недалеко от бакуфу. Он тоже меня заметил и поклонился, так что я притворился, что вышел прогуляться.

Поэтому я и сказал, что никто не видел, как я перелезал через стену.

Слова Казу звучали довольно убедительно, но с версией конюха не совпадали.

Хиро вспомнил про шрамы у себя на плече и бедре — цена еще одного доверия.

— Конюшни находятся в противоположной стороне от сегуната, — сказал Хиро. — Если Ден был в Киото, что противоречит словам Масао, что же тогда он делал так далеко от своего места?

— Похоже, плакал, — сказал Казу.

Слуги мужского пола не плачут.

Хиро покачал головой:

— Масао сказал, что Ден уехал из города.

Мужчины дошли до юго-восточного угла поместья. Казу посмотрел направо, на дорогу, которая тянулась вдоль южной стены сегуната.

— Мы должны спросить у Масао, почему он соврал.

— Я так и сделаю, — отозвался Хиро, — но никакого "мы" не существует.

— Ты мне не доверяешь.

Хиро посмотрел на Казу без каких-либо эмоций.

— Твое присутствие может его напугать и сподвигнуть на другую ложь. Кроме того, я хочу, чтобы ты помог мне несколько иначе.

— Значит теперь помощь лжеца тебе все-таки нужна? — спросил Казу.

В тоне молодого человека Хиро услышал себя самого, но предпочел проигнорировать его слова.

— Из кабинета Сабуро после убийства исчезло расписание. Хисахидэ говорит, что его затребовал себе сёгун. Я хочу знать, правда ли это, и чего еще не хватает.

Было рискованно просить юношу о помощи, но Хиро не знал иного способа, которым можно было бы контролировать Казу, не обидев его.

— Я не верю рассказам Хисахидэ, — сказал Казу. — Сёгун бы пришел за расписанием лично. Он никому бы его не доверил... особенно Мацунаге Хисахидэ. — Казу оглянулся через плечо и тихо спросил: — А ты знаешь, почему Хисахидэ приехал в Киото?

Хиро покачал головой. Его назначение не требовало столь досконального изучения местной политики.

— Когда в прошлом году умер даймё Миёси Чоки, многие ожидали, что его друг детства, Мицунага Хисахидэ, станет его приемником в провинции Ямато.

— У даймё не было родственников? — поинтересовался Хиро.

— У него было три брата и сын, которые скончались до него при загадочных обстоятельствах.

— Их убил Хисахидэ?

— Подобного никто не осмелился даже предположить, — ответил Казу. — И на то были причины. Хисахидэ весьма опасный человек.

— После смерти Миёси Чоки выяснилось, что он тайно усыновил своего племянника и назвал его своим наследником. Но новый даймё всего лишь ребенок. Его регенты (доверенные из клана Миёси) моментально спровадили Хисахидэ в Киото.

— А сёгун знает об этом? — спросил Хиро, хоть и догадывался об ответе еще до того, как увидел утвердительный кивок Казу.

— Я разужнаю про учетную книгу, — сказал Казу.

— Приду к тебе, когда поговорю с Масао.

Глава 26

Казу повернулся ко входу в сегунат, а Хиро направился вдоль западной стены. Синоби не собирався отказывать своему урчащему желудку лишь потому, что Казу не хотел опоздать на работу.

Через полчаса, после плотного завтрака, Хиро вошел в сегунат через ворота конюшни, что располагались на западной стене. Он застал Масао подметающим двор.

— Доброе утро, — сказал Хиро. — Больше ничего не вспомнили о той ночи, когда был убит Асикага-сан?

Притворная улыбка конюха могла одурачить многих.

— Нечего вспоминать. Меня здесь не было, а Ден гостил у родственников, его не было в городе.

— Забавно, а один самурай утверждает, что вдел Дена здесь той ночью.

Улыбка Масао испарилась.

— Пожалуйста, пойдёмте со мной.

Хиро пошел за ним следом в конюшню. Длинное деревянное строение имело двойные двери с обоих торцов, чтобы лошадей было легче разводить по стойлам. По центру тянулся коридор, засыпанный соломой, в конце которого возвышался настил, служивший Масао и Дену спальным местом. Воздух внутри конюшни был свеж, но наполнен запахом лошадей, сена и дерева с кожей.

Масао прислонил метлу к стене и повернулся к Хиро с мрачным выражением лица, словно собираясь признаться в совершении преступления.

— Ден уехал из Киото той ночью, когда умер Асикага-сан.

— Почему же раньше вы говорили другое? — спросил Хиро.

— А почему люди врут? Испугался. Но Ден не убивал Асикагу Сабуро. — Масао махнул в сторону настила. — Пожалуйста, присаживайтесь, если хотите. Прошу прощения, но ничего лучше предложить не могу.

Синоби не пошевелился.

Масао кивнул, соглашаясь с тем, что Хиро останется стоять.

— Когда я вернулся после ужина, подумал, что застану Дена спящим, но он не спал и был напуган. Сказал, что повздорил с Асикага-сан из-за девушки. Я уже не единожды испытывал на себе тяжелый нрав Асикага-сан, поэтому решил отправить мальчишку подальше от города, пока не остынет гнев самурая.

— А девушка — это Джун, служанка? — поинтересовался Хиро.

Масао поднял руки, словно защищаясь.

— Уверю вас, их отношения совершенно невинны. Ден надеется жениться на Джун, когда придет время, хотя ей об этом ничего не говорил. Это просто было бы неуместно до окончания его обучения.

Хиро понимал беспокойство Масао, но считал, что к делу оно не относится.

— Ден объяснил причину?

Масао махнул на дверь конюшни.

— Он сказал, что забежала запыхавшаяся Джун и заявила, будто Асикага-сан её домогался. Ден спрятал девушку в пустом стойле. Когда появился Асикага-сан, Ден заверил его, что не видел её.

— В чем Асикага-сан засомневался.

Масао кивнул.

— Ден от своих слов не отказался, поэтому Асикага-сан ушел в ярости. Джун еще какое-то время пряталась в конюшне, а потом Ден проводил её обратно на кухню.

Было похоже, что по времени все совпадало и Дена в сегунате не было, как и утверждал Казу. Но это не доказывало его невинности, скорее говорило о том, что Хиро нужно продолжать свое расследование.

— Я должен поговорить с Деном, — сказал он.

— Зачем? — спросил Масао. — Я же все вам рассказал.

Хиро понимал, что беспокойство за юношу обеспечит ему содействие конюха.

— Я должен поговорить с ним лично, чтобы убедить сёгуна, что Ден не убивал Сабуро.

На лице Масао появилась искренняя улыбка.

— Он гостит у моего брата аптекаря в Оцу. Но, пожалуйста... не могли бы вы поговорить с Деном там, а не вызывать его в Киото? Я переживаю за его безопасность.

— Асикага Сабуро мерв, — сказал Хиро. — Не стоит переживать из-за того, что он может разозлиться.

Когда улыбка Масао дрогнула, Хиро добавил:

— У меня нет намерений обвинять в преступлении невинного юношу и уж тем более позволить сделать это кому-то еще.

* * *

Хиро покинул комплекс и вернулся к восточному входу по общественной дороге. Синоби гораздо быстрее мог бы добраться до офиса Казу по территории комплекса, но решил не рисковать, не имея сопровождения. Повышенный уровень опасности позволял страже задерживать и допрашивать незнакомцев, а Хиро хотел закончить свои дела и уехать в Оцу как можно быстрее.

Охрана сёгуна проводила Хиро в приемный зал бакуфу и отправила гонца к Казу. Комната размером в шесть матов была переполнена самураями, ожидающими аудиенции. Запах застарелого пота, исходящий от кимоно, перебивал аромат сандаловых фимиамов, курившихся в жаровне, располагавшейся у входа.

У двери стояла пара богато разодетых самураев. Когда Хиро вошел, один наклонился к другому и прошептал:

— Ронин.

Оба хмыкнули, словно учуяли какое-то зловоние.

Хиро проигнорировал их и продолжил ждать.

Прошло несколько минут. Один из самураев чихнул, по-видимому, из-за курящихся рядом фимиамов. Наконец явился Казу и повел Хиро обратно через множество комнат, устланных татами.

— Ты был прав, — сказал Казу, минув пустую комнату, — график охраны на этот месяц отсутствует.

— Сёгун забрал? — поинтересовался Хиро.

— Не знаю. — Казу выглядел смущенным. — Я не могу просто прийти к нему и задавать вопросы, не вызывая подозрений.

Хиро решил не говорить, что отказ Казу задавать вопросы тоже выглядит подозрительно.

Когда они добрались до последней комнаты рядом с кабинетом Сабуро, Хиро заметил Озуру, работающего над своей резьбой. Мастер стоял спиной к двери. Его резец и долото пели под аккомпанемент инструментов других рабочих.

Хиро наклонился к Казу:

— Мне нужно поговорить с плотником.

Озуру обернулся, и это удивило Хиро, считавшего, что говорил он довольно тихо, чтобы его не услышали.

Мастер-плотник поклонился. Его помощники заметили самурая и опустились на колени.

— Вставайте и продолжайте работать, — сказал Казу.

Помощники встали и вернулись к работе. Озуру ждал, подтвердив этим, что слышал слова синоби.

— Подожду тебя в кабинете, — сказал Казу и пошел дальше.

— Могу я вам чем-нибудь помочь? — спросил Озуру.

Хиро решил не тратить время на любезности.

— Две ночи назад через какие ворота вы уходили из сегуната?

Озуру улыбнулся.

— Слуги и ремесленники всегда пользуются воротами конюшни.

— Во сколько вы ушли?

— Около полуночи, — ответил Озуру. — Звонили колокола, когда я дошел до ворот своего дома.

— Кто выпустил вас?

Он бросил взгляд на брус, словно только и ждал возможности вернуться к работе.

— Мальчишка-конюх. Боюсь, имени его я не знаю.

— У меня еще один вопрос, — сказал Хиро. — Почему вы вчера ушли с работы?

— Сломал зубило. Пошел купить новое.

Словоохотливость Озуру показалась Хиро необычной. Немногие простолюдины проявляли подобное самообладание в разговоре с самураем. Однако Озуру работал в сегунате довольно давно, чтобы привыкнуть к разговорам с высокопоставленными людьми.

— Спасибо, — сказал Хиро. — Не буду больше отвлекать вас от работы.

Озуру поклонился и вернулся к своей резьбе, когда Хиро выходил из комнаты.

Синоби остановился в дверях на входе в кабинет Сабуро. Травяной аромат свежего татами пронизывал воздух, смешиваясь с резким запахом грушанки, исходящим от масла для волос Казу.

Кто-то заменил татами и соскреб с пола пятна крови. Новые бумажные панели сверкали на стене.

Казу опустился на колени рядом со столом, стоявшим справа от входа. Он махнул Хиро, приглашая того войти и закрыть седзи. Как только дверь была задвинута, Казу открыл лакированную шкатулку, примостившуюся на столе перед ним. Он достал свернутый пергамент и передал его Хиро.

— Ты должен это увидеть. Было спрятано в ящике Сабуро для писем.

Глава 27

Хиро развернул пергамент.

— Подписи нет.

— Читай, — сказал Казу. — Ты бы такое подписал?

Автор не стал тратить место на пустые слова. Даже приветствия были опущены.

"Наши друзья приедут восемнадцатого, как и планировалось. Убедись, что они получают доступ, а на дежурство заступят правильные люди. Полный расчет после завершения".

Хиро поднял взгляд.

— После завершения чего?

— Не знаю, — ответил Казу. — Предложение выглядит незаконченным, но я подозреваю, что это сделано намеренно. Автор не хотел, чтобы кто-нибудь, кроме Сабуро, понял, о чем идет речь.

Спустя мгновение, он добавил:

— Эмиссары господина Оды приедут восемнадцатого.

— Через два дня. — Хиро перевернул послание. С другой стороны было пусто. — Ты нашел это в ящике для писем Сабуро? Странно, что вчера никто его не обнаружил.

— Хисахидэ просто не знал, где искать. Сабуро держал в тайне местонахождение ящичка... даже от меня, ну, так он, по крайней мере, думал. Однако я обеспокоен этим письмом. Нет никаких сомнений, что оно подлинное. На пергаменте не видно никаких следов, а это значит, что шло оно не долго. Однако, если автор находится в Киото, он вообще мог ничего не писать, а прийти лично.

Хиро был согласен. Только дурак может полностью довериться письмам.

— Кроме того, — продолжил Казу, — это письмо в совокупности с пропавшей учетной книгой предполагает наличие заговора против сёгуна... но я не думаю, что Сабуро на такое бы пошел. Он жаден, но предателем не был.

— Возможно, кто-то сделал ему куда более выгодное предложение, — сказал Хиро.

— А ты вообще веришь, что господин Ода способен сдержать свое слово? — Казу покачал головой. — Сабуро был эгоистичен, но он прекрасно осознавал, откуда произрастает его власть.

— Сабуро часто получал личную корреспонденцию? — поинтересовался Хиро.

— Каждый день, — ответил Казу, — но большинство писем не носили никакого конфиденциального характера. Думаю, он просто сохранял приватность для вида.

Без всякого предупреждения входная дверь отъехала в сторону. В сопровождении Акиры в кабинет вошел Хисахидэ.

— Что это? — хмурым взглядом указал он на письмо в руках у Хиро.

Синоби протянул ему пергамент.

— Где вы это нашли? — требовательно спросил Хисахидэ. — От кого оно?

— Я обнаружил его сегодня утром в ящике для личных писем Асикага-сан, — ответил Казу.

Хисахидэ посмотрел на Акиру.

— Почему вы не нашли этого еще вчера?

Акира бросил взгляд на Казу.

— Что за ящик для писем?

— Тайный ящик для личной корреспонденции, — объяснил Казу. — Только я знал о нем.

Акира перевел взгляд на Хиро.

— И вы показали письмо ему? — спросил он обиженно.

— Прошу прощения, если допустил ошибку, — ответил Казу. — Вы сказали мне, что Мацуи Хиро расследует убийство. Мне показалось, что письмо имеет какое-то отношение к его изысканиям.

— Это достаточно хороший повод, чтобы запретить людям господина Оды вход в Киото? — спросил Хиро.

— Нет, если только не хотим его обидеть и развязать войну. — Хисахидэ повернулся к Акире. — Мне крайне необходимо огнестрельное оружие. Найди того торговца и привези ружья немедленно.

— Если вы говорите про португальца Луиса, — встрял Хиро, — то он сегодня утром уехал в Оцу.

Хисахидэ выглядел удивленным, но это выражение почти сразу испарилось. Хиро подозревал, что самурай знал не только о том, где Хиро живет, но и с кем делит кров.

— Когда он вернется? — поинтересовался Хисахидэ.

— Завтра, — ответил Хиро, — и привезет с собой ваше оружие.

— Остается менее суток, чтобы вооружить людей, — сказал Хисахидэ. — Акира, поезжай в Оцу и передай торговцу, что оружие мне необходимо получить немедленно. Воспользуйся пропуском из сегуната и скажи всей страже, чтобы на пропускных пунктах не чинили никаких препятствий.

— Я поеду с вами, — сказал Хиро. — У меня в Оцу есть дела.

— Пока убийца Сабуро не будет найден, никаких дел за пределами Киото у вас быть не может, — одернул его Хисахидэ.

— Мне нужно допросить Дена, младшего конюха, — ответил Хиро, — а он как раз и находится в Оцу.

— Но его не было здесь, когда убили Сабуро. Что он может знать? — спросил Акира.

— Он был здесь, — ответил Хиро. — У меня есть два свидетеля, которые видели его в ночь убийства.

— Я позволю вам покинуть город, но с одним условием, — сказал Хисахидэ. — Вы поедете вместе с Акирой и не отойдете от него ни на шаг. Попытайтесь сбежать — я убью иноземного священника.

Хиро вовсе не собирался оставлять отца Матео в заложниках, но, прежде чем он успел возразить, Хисахидэ продолжил:

— Прошу меня извинить. Я незамедлительно должен показать это сёгуну.

Он развернулся на пятках и вышел из комнаты.

— Идемте, — сказал Акира, — выезжаем немедленно.

Хиро нужна была минутка на раздумья.

— До Оцу далековато ехать. Я хотел бы посетить убогую.

Акира постарался скрыть свое отвращение, но у него это не вышло.

— Казу вас проводит и потом приведет в конюшню. Встретимся там.

* * *

Когда они приблизились к узкому строению, где располагался туалет, Казу спросил:

— Тебе и правда туда нужно или это просто предлог?

Хиро жестом показал Казу следовать за ним. Из овальных отверстий в полу поднимался резкий аммиачный запах (и не только он), говоря о том, что горшки внизу требуют чистки. Сквозь решетчатые окна просачивался свежий воздух, но его было недостаточно, чтобы запах можно было вынести.

— Куда ты направился после того, как ушел от Гиндзиро той ночью, когда убили Сабуро?

Казу поднес руку к носу.

— Именно здесь ты хотел меня об этом спросить? Ты думаешь, запах заставит меня рассказать что-то другое?

— Метод отвлечения может сработать лишь на тех, кто не был натренирован ему не поддаваться.

Хиро повернулся лицом к уборной. Он услышал, как Казу покинул помещение, но на этот счет не переживал. Молодой человек его подождет.

Выйдя из уборной, Хиро глубоко вдохнул воздух с ароматом дождя, чтобы проветрить легкие. Он зашагал в ногу с Казу, когда тот пошел прочь, увидев старшего синоби, вышедшего из уборной..

— Где ты провел те часы между магазином Гиндзиро и возвращением в сегунат?

Некоторое время Казу молчал, потом косо посмотрел на Хиро.

— Я не могу тебе сказать.

— Ты же понимаешь, что это значит?

— Это ничего не значит, — ответил Казу. — Я Сабуро не убивал.

— Ты так говоришь, но доказать не можешь.

Казу повернулся к Хиро.

— Ты ставишь под сомнение мое слово?

— Тебя учили умело лгать.

Хиро почувствовал, как растет его гнев по отношению к ответу Казу.

— Но не тебе.

— Любому, — отрезал Хиро. — Если только твоя учеба не имела успеха.

Синоби смотрел Казу в глаза, но следил за его малейшим движением. Он стоял неподвижно, чтобы не спровоцировать на нападение.

Казу нахмурился.

— Дружба — вот что не имело успеха.

Он развернулся и пошел по тропинке прочь.

Хиро молча поплелся следом. Синоби хотелось уладить эту ссору, но губы отказывались произносить слова примирения. Его недоверие к Казу зашло слишком далеко. К тому же он глубоко не одобрял того, что Казу подвергает риску жизнь отца Матео (и жизнь Хиро тоже), не рассказывая всей правды.

Хиро ненавидел чувство, что возникало, когда его использовали, а сейчас у него было именно такое ощущение.

Когда они дошли до конца конюшни, Казу на мгновение замер, но потом, не сказав ни слова, ушел.

Хиро заметил, что снаружи ждет Акира, и решил получить разрешение для отца Матео съездить с ними в Оцу. Синоби не намеревался оставлять иезуита в Киото вместе с Казу и Хисахидэ.

По мосту застучали копыта, и во двор на высоком гнедом коне въехал Ичиро.

Мальчик откинулся в седле, остановил коня и спешился.

— Масао, — крикнул он, — забери коня, я опаздываю!

Из конюшни появился Масао, поклонился и взял лошадь под уздцы.

Ичиро заметил Хиро.

— Доброе утро, Мацуи-сан, — с поклоном сказал он. — Вы уже поймали убийцу моего отца?

Хиро поклонился в ответ, словно разговаривал со взрослым.

— Пока нет, Асикага-сан, но найду.

— Вчера Казу был у нас. Спасибо, что сняли с него подозрения.

Хиро решил не упоминать о том, что пересмотрел свое отношение к возможной вине Казу.

— Благодарю вас, что заступились за него. Ваше мнение было весьма полезно.

— Это не просто мнение, — Ичиро распрямил плечи и выпятил подбородок. — Я знаю, что Казу не виновен.

— Приношу свои извинения, — ответил Хиро. — Спасибо, что поделились своим знанием.

Ичиро кивнул.

— Прошу меня извинить. Самурая не следует опаздывать на свои занятия. Опоздание свидетельствует о неуважении к учителю.

Высоко подняв голову, он направился к особняку. Походка мальчика была неспешной, отчего он выглядел куда благороднее, чем мужчины вдвое его старше.

Мальчик едва сошел со двора, когда Акира спросил:

— Чтобы покинуть Киото, вам нужно сначала спросить разрешение у священника?

— Я могу ходить и ездить, когда захочу, — ответил Хиро, — но...

— Знаете, вы служите не тому священнику, — сказал Акира. — Миссия отца Вилелы велика и почетна. Ваш отец Матео допускает серьезные ошибки.

— Неужели? — поинтересовался Хиро.

— Люди не равны между собой. Это не только глупое предположение, но и неуместное заявление в среде крестьян. Невежество простолюдинов ведет их к безрассудству, даже без привлечения иноземных священников.

— Уверю вас, он никому не желает вреда.

— А я уверю вас, его намерения не имеют значения. Из-за его упорства и повторения подобной ошибки последствия могут быть гораздо хуже, чем изгнание.

Из конюшни второй раз появился Масао, ведя двух лошадей.

Акира схватил вожжи коня покрупнее и вскочил в седло. Бросил взгляд вниз на Хиро.

— Вам не мешало бы найти работу в другом месте.

Охранники у ворот вскрикнули от удивления. Мимо них во двор проскользнул маленький мальчик.

За ребенком побежали два самурая в лакированных доспехах, но мальчишка ускользнул от них. Он устоял на Хиро, но замер, увидев Акиру и лошадей.

Тонкие руки ребенка вцепились в выцветшее кимоно, словно ткань способна защитить его от ярости самурая. Он босыми ступнями топтался по земле. Похоже, он даже не замечал, как грязь забивается ему между пальцев.

По всему телу Хиро распространился холод, как будто он с головой окунулся в ледяное озеро.

Мальчишка был ни кем иным, как единственным сыном соседа отца Матео.

— Стойте! — поднял руку синоби. — Я его знаю. Пусть говорит.

Вооруженный самурай помедлил и обменялся настороженным взглядом с другим.

Мальчишка наклонился вперед, пытаясь отдышаться.

Наконец он выпрямился.

— Хиро, идем скорее! Отец Матео умирает!

Глава 28

— Умирает? — Хиро не мог в это поверить. — Но почему?

— Собака Отосана сорвалась с цепи, — в голосе мальчишки сквозило отчаяние. — Она погналась за Аной. Отец Матео пытался помочь, но собака бросилась на него.

В голове Хиро крутилась тысяча вопросов: каким образом акита отвязалась, что она делала в доме и почему хозяин не заметил, что собака убежала, и не предотвратил нападение.

Но он не остановился, чтобы задать эти вопросы.

— Мне нужна эта лошадь. — Хиро забрал у Масао поводья и вскочил в седло.

Когда синоби осадил коня, Акира сказал:

— Можете его взять.

Хиро оглянулся, удивленный тем, что самурай не стал возражать.

— Возможно, ваш иезуит мне и не нравится, — сказал Акира, — но ни один человек чести не откажет в помощи. — Он кивнул. — Езжайте.

Хиро усадил соседского ребенка себе за спину. Почувствовав на своей талии обе руки мальчика, синоби приложился пятками по бокам коня.

— Я поеду в Оцу, — крикнул Акира, — и привезу Дена в Киото ближе к вечеру.

Хиро едва расслышал его слова за стуком конских копыт по деревянному мосту.

Всю дорогу до дома он гнал животное в галоп, распугивая прохожих. Из-под копыт летели комья грязи. На этот раз он не пытался остаться незамеченным. Если отец Матео умер, не имеет значения, увидит его кто-нибудь или нет.

Когда они добрались до дома иезуита, синоби опустил мальчишку на землю, спешился сам и отдал ему поводья.

— Иди в храм Окадзаки и попроси священника вернуть лошадь в сегунат.

Малиновые брызги на траве у веранды. Кровавые капли, образовавшие дорожку по всему крыльцу, и один кровавый след на пороге.

Идя по кровавой дорожке, Хиро пытался подсчитать, сколько крови потерял священник. Не так много, чтобы успеть умереть от её потери, но достаточно, чтобы Хиро забеспокоился, что опоздал.

След вел в прихожую, дальше в гостиную и уходил под дверь комнаты отца Матео. На деревянных сёдзи и бумажных панелях крови не было. Кто-то, возможно, Ана, помог иезуиту добраться до его комнаты.

Хиро положил руку на дверь, одновременно желая и не желая увидеть, что там за ней. Он сделал глубокий вдох и вошел.

От порога до центра комнаты весь татами был заляпан пятнами крови. Там же, на спешно расстеленном футоне, с закрытыми глазами лежал отец Матео. Его бесформенные, окровавленные руки покоились у него на животе. Алые пятна покрывали шею и переднюю часть его коричневого кимоно.

Его лицо побледнело. Он не шевелился.

— Матео! — Хиро поспешил к иезуиту.

Отец Матео открыл глаза.

— Я удержал собаку. — Он попытался улыбнуться, но не смог. Из кровавой раны у основания горла по шее стекала алая струйка.

— Ты быстро обернулся. — В комнату торопливо вошла Ана с горшком горячей воды в одной руке и лоскутом шелка кремового цвета в другой. — Таро, должно быть, отыскал тебя в сегунате.

Она сунула шелк в руки Хиро и поставила горшок рядом с отцом Матео.

Окровавленная шея иезуита и его разорванные руки дали Хиро понять, что воды будет недостаточно.

— Вскипяти еще и чайник, — сказал он. — Добавь туда щепотку соли. А когда понесешь его сюда, пожалуйста, захвати аптечку с полки, что стоит у моего стола.

Ана кивнула, спокойная как и всегда, но в её глазах Хиро увидел беспокойство.

Когда женщина вышла из комнаты, он встал на колени и пристальнее взгляделся в раны.

Из раны с левой стороны шеи отца Матео катились тяжелые капли. К счастью, кровотечение почти остановилось, хотя кожа на горле священника казалась изорванной в клочья.

На левой руке отца Матео виднелись проколы, сочившиеся смесью красной и розовой жидкостей. Окружающая плоть была разорвана и опухла, являя сломанные кости, измельченные, вероятно, силой укуса. Кровь покрывала руки, кое-где она все еще была красной, но в основном уже потемнела и свернулась.

Правая рука священника выглядела чуть лучше, но и то в сравнении с левой. Следы от зубов были мельче, да и рваных ран не было. Опухоль была менее заметной, но, пока синоби не промоет раны, он не сможет понять, какой урон нанесен.

Хиро потянулся было к левой руке священника, но замер. Окровавленные рукава и грудь отца Матео предполагали и другие травмы.

— Где еще она тебя покусала? — спросил Хиро.

Отец Матео начал поднимать руки, но остановился, поморщившись и дернувшись от боли. Он резко вздохнул от боли. Медленно выдохнув, но без дрожи, он сказал:

— Руки, левое плечо... шея. Могло быть и хуже.

Хиро кивнул.

— Надо тщательно их промыть. Будет больно.

— И так уже больно. — Иезуит закрыл глаза. — Делай, что должен.

Хиро отвернул рукав отца Матео, обнажая глубокие рваные раны на левой руке иезуита. Прокусы были не столь многочисленны, как на кистях, но выглядели глубже. Похоже, связки тоже были порваны. К счастью, кость оказалась нетронутой.

— Не думаю, что рука сломана, — сказал Хиро. — Можешь пошевелить пальцами?

Отец Матео открыл глаза.

— Это трудно, я и пробовать не хочу. Я попросил Ану послать за врачом, но она настояла на том, чтобы дожидаться тебя.

— И она права, — отозвался Хиро. — Я смогу обработать твои раны лучше любого врача в Киото. Это было частью моего обучения.

— Но откуда Ане об этом знать? Ты рассказал ей?..

Хиро покачал головой.

— Ана, как и все остальные, считает, что я ронин, но она видела аптечку и узнала некоторые целебные травы. Вероятно, Ана думает, если они у меня есть, значит я знаю, как ими пользоваться.

— А ты знаешь?

Хиро, глядя на священника, приподнял бровь.

— Большинство людей в твоём положении переживали бы за укусы, а не за способ лечения.

— Прошу прощения, но, если ты меня отравишь, укусы уже не будут иметь значения.

Синоби рассмеялся, несмотря на своё беспокойство.

— Я знаю, как использовать травы.

Сила духа иезуита впечатляла Хиро. Мало кто из самураев выдержал бы такую боль.

Он бросил взгляд на дверь и отчаянно захотел, чтобы Ана поторопилась. Ему нужна соленая вода и медикаменты, чтобы промыть раны до того, как в них попадет инфекция. Кровотечение остановилось, но только со временем можно будет сказать, много ли крови потерял священник.

— Можешь рассказать про нападение? — спросил Хиро.

Потеря крови могла затуманить восприятие потерпевшего. Хиро надеялся, что ответы помогут ему понять, в каком состоянии находится иезуит.

— Ана была снаружи, подметала ступени. Я услышал, как она разговаривает с соседским сыном, и вышел, чтобы пригласить его семью в воскресенье в церковь.

— Почему ты продолжаешь их приглашать? — спросил Хиро. — Они же никогда не приходят.

— Это мои соседи, — сказал отец Матео. — Я отношусь к ним так, как хотел бы, чтобы относились ко мне.

Хиро прикусил язык. Сейчас было не время спрашивать, понравилось бы священнику, если бы его преследовали навязчивыми приглашениями.

— Когда я открыл дверь, услышал, что Таро предупреждающе вскрикнул, — сказал отец Матео. — Во двор влетела собака, за которой волочилась оборванная веревка. Она бежала к Ане. Я крикнул, чтобы отвлечь собаку, и прыгнул с крыльца, чтобы защитить Ану.

— Ты кричал на собаку?

— Да. Португальская собака убежала бы.

Хиро покачал головой.

— Акита нападает, когда ей угрожают.

— Вот уж новость.

Хиро обрадовался этому сарказму.

Умирающий вряд ли смог бы шутить.

Глава 29

— Ты убил собаку? — поинтересовался Хиро.

— Нет, не убил. — В комнату вошла Ана с дымящейся кастрюлей и лакированной шкатулкой Хиро. Она поставила всё на пол и продолжила: — Собаку оттащил отец Таро.

— Он сегодня дома? — спросил Хиро.

— У него жена приболела. — Ана посмотрела на отца Матео. — Хорошо, что я утром купила рыбу. Отвар ему поможет.

— Согласен, — ответил Хиро.

Ана удивленно посмотрела на него, потом кивнула.

— Пойду варить бульон. Позови, если будет нужна моя помощь.

Она поспешила прочь и закрыла за собой дверь.

Хиро опустил полоску шелка в подсоленную воду. Судя по солоноватому запаху, поднимавшемуся из кастрюли, и обжигающему пальцы жару, Ана сделала все так, как и требовалось. Синоби отжал лишнюю воду и приложил тряпицу к шее иезуита.

Отец Матео втянул воздух сквозь зубы.

— Будет еще больнее, — предупредил Хиро. — Дать тебе что-нибудь прикусить?

Отец Матео приоткрыл глаза.

— И так справлюсь.

Кровь моментально пропитала тряпицу. Хиро бросил её в кастрюлю с несоленой водой и взял другую, опустив её предварительно в соленую воду. Синоби промыл раны иезуита, аккуратно, но твердо вытирая края и прокушенные места. Священник лишь вздрагивал, но не кричал.

Хиро помнил, сколько боли причиняла соленая вода его собственным ранам на внутренней стороне бедра и плече. Несмотря на прошедшие годы, все всплывало в памяти так живо — и мучительно, — словно случилось лишь вчера.

Он заставил себя вернуться в настоящее, не желая вспоминать о своих ранах и еще меньше думать о том, как он их получил.

К тому времени как Хиро закончил очищать раны иезуита, кровотечение остановилось. Из самых глубоких все еще сочилась сукровица, но Хиро знал, что скоро и она остановится.

Синоби бросил последний использованный лоскут в окровавленную воду и открыл крышку медицинской шкатулки. Пробежал по рядам бумажных пакетов, пока не нашел нужный.

Хиро достал его и сорвал печать, открывая кристаллический порошок. Воздух наполнил едкий запах.

— Что это? — Отец Матео открыл глаза.

— Камфара. — Хиро наклонил конверт, чтобы священник смог увидеть содержимое. Он постарался не обращать внимания на покалывание в своем чувствительном носу, которое всегда сопровождал запах этого вещества. — В небольших дозах она борется с инфекциями.

— От нее жжет?

— Немного, но жжение будет недолгим и немного успокоит боль.

Хиро решил не говорить, что в больших дозах камфара ядовита.

Он посыпал порошок раны отца Матео. Как и раньше, священник перенес это не сказав ни слова.

— Полагаю, ничего другого, чтобы унять боль, у тебя нет? — спросил отец Матео.

Хиро запечатал упаковку с камфарой и вернул её в аптечку.

— Сакэ помогает.

Отец Матео нахмурился.

Синоби сдержал улыбку. В вопросах морали иезуит был предсказуем.

Закончив промывать раны, Хиро порывшись в аптечке и достал завернутый в клочок бумаги предмет, размером и формой напоминающий боб.

— Это поможет. Попрошу Ану заварить тебе чай.

Отец Матео кивнул и закрыл глаза. Лицо расслабилось, и губы принялись шептать молитву.

По дому разнесся стук. Кто-то стоял у входной двери.

Отец Матео открыл глаза и приподнял голову, но Хиро положил руку ему на грудь.

— Ана ответит. Если ничего важного, я справлюсь. Тебе нужен покой.

Отец Матео, не споря, закрыл глаза.

Синоби подхватил аптечку и направился к двери. Когда он подошел, сиди раздвинулись. На пороге стояла Ана. Женщина поклонилась, что было ей не свойственно.

— Мацуи-сан, к вам посетитель, — сказала экономка.

Хиро дошел до двери и от удивления едва не выронил из рук аптечку.

На коленях перед очагом сидела Асикага Нецуко — жена Сабуро.

— Добрый день, госпожа Асикага. — Хиро засунул бумажку в рукав и отдал шкатулку с медикаментами Ане.

Экономка поклонилась и поспешно вышла из комнаты.

— Священника дома нет? — спросила Нецуко, когда Хиро преклонил колени рядом с ней.

— Приношу свои извинения, но сегодня он не может с вами встретиться.

Она посмотрела на пятна крови на полу и подняла на Хиро прямой взгляд, которого обычно женщины избегали.

В воздухе повис невысказанный вопрос.

Хиро кивнул.

— Произошел несчастный случай.

— Весьма прискорбно. — Нецуко вежливо кивнула. — Верю, что он поправится.

— Да.

Этикет мешал Нецуко задавать уточняющие вопросы, но Хиро чувствовал, что она и не хотела спрашивать. А еще он подозревал, что не отца Матео она пришла навестить.

— Могу я предложить вам чай? — спросил он.

Словно по команде, появилась Ана с подносом рисовых шариков, парой фарфоровых чашечек и дорогим чайником, который должен был преподноситься лишь для самых важных гостей отца Матео. За все те годы, что Хиро находился при священнике, он ни разу не видел, чтобы этим чайником пользовались.

Ана опустила на колени и поставила тарелку перед дамой. Наполнила чайник водой из котелка, висевшего над очагом, поклонилась и вышла, не сказав ни слова.

От чайника поднимался тончайший парок, наполняя воздух сладковатым ароматом дорогого чая из трав. Хиро постарался скрыть своё удивление. Вероятно, экономка узнала фамильный герб на кимоно Нецуко и совершила набег на личные запасы Луиса с икебанча наивысшего качества.

Ана относилась к Хиро осуждающе, но никогда не показала бы этого в присутствии гостей.

Нецуко наклонилась вперед и вдохнула аромат.

— Чай гекуро? — Женщина была под впечатлением. — И если не ошибаюсь, икебанча?

Распознавание чая по запаху стало популярной игрой среди состоятельных самураев. Хиро молча поблагодарил Ану за то, что она поддержала его реноме.

— Португальцы с почтением относятся к нашим обычаям, — сказал Хиро, намеренно смешивая культурный интерес отца Матео с пристрастием Луиса к дорогим вещам.

— Правда? — Нецуко одарила Хиро улыбкой, которая выглядела неподобающей для вдовы в отношении неженатого мужчины. — Однако ни один иностранец не знает о том, что самый вкусный чай получается из первых созревших листьев, если только кто-то знающий не рассказал об этом. Вы, возможно?

Хиро наполнил чашку для Нецуко и для себя, тем самым избегая необходимости отвечать на её комментарий. Глаза женщины распахнулись. Хозяин обычно сам наливал чай для гостя, но мужчины-самураи редко были столь любезны по отношению к женщине.

Она с благодарным поклоном приняла чашку и вдохнула чайный аромат.

Хиро поднял свою собственную и принялся изучающе разглядывать зеленоватую жидкость. Он сделал несколько крошечных глотков, наслаждаясь тончайшей сладостью и теплом, окутавшими его язык.

Нецуко тоже смаковала свой чай в тишине. Спустя несколько минут она поставила чашку на циновку.

Хиро потянулся к чайнику, чтобы наполнить её.

Пока исходящая паром жидкость перетекала в фарфоровую чашечку, Нецуко сказала:

— Мой муж не хранил мне верность, но смерти он не заслуживал.

Она говорила тихо, без каких-либо эмоций, словно они обсуждали погоду или чай.

Пока Хиро ставил чайник, Нецуко изучала его лицо.

— И вас нисколько не удивляет, что я знала о его неверности? — В ожидании ответа женщина слегка наклонила голову.

Выражение лица Хиро осталось невозмутимым.

— Я стараюсь не делать никаких предположений относительно жён других мужчин.

— Тогда, полагаю, вас не удивит и тот факт, что я одобряла его романы.

Глава 30

Хиро ждал от Нецуко объяснений.

В очередной раз она явно была удивлена отсутствию у него реакции.

— Вы не осуждаете меня за то, что я одобряла неверность мужа?

На этот раз пауза в её словах требовала ответа.

— У вас на это бесспорно были причины. — Хиро решил не высказывать никаких догадок, с которыми она могла бы согласиться и таким образом выдать их за правду.

— Я вышла замуж слишком юной, — сказала Нецуко, — но довольно зрелой, чтобы понимать, что родители моего будущего мужа выбрали меня не за внешность. — Она посмотрела на Хиро, словно разрешая тому оспорить её утверждение об отсутствии красоты.

Он промолчал.

Женщина кивнула, словно подтверждая, что испытание он выдержал.

— У моего мужа было положение в обществе и привлекательная внешность, но никто не назвал бы его гениальным. Его семья не брала во внимание мою внешность лишь по той причине, что я умна, а Сабуро не был мастером по части светских манер. Сначала он жаловался, как и любой другой молодой человек, которого лишили красивой супруги, но когда понял, насколько я могу быть ему полезна, мы достигли понимания.

Мы договорились, как только я рожу сына и он достигнет трехлетнего возраста, Сабуро сможет найти себе любовницу, и даже не одну, если пожелает. Я поставила лишь два условия. Первое — скрытность. Он не мог появляться с этими женщинами в обществе, обсуждать их с друзьями или каким-то другим образом позорить меня или сына. Во-вторых, я заставила его поклясться, что он никогда со мной не разведется, то есть его любовницы всегда будут знать свое место.

Слушая Нецуко, Хиро думал о Гато, играющей с жуками, что ловила во дворе. Ему было интересно, имела ли Нецуко такую же склонность убивать свою жертву, когда игра ей надоест.

Он вежливо улыбнулся.

— Ваши условия звучат разумно.

Нецуко разглядывала чашку.

— Думаю, многим это может показаться странным. — Женщина подняла взгляд. — Большинство мужчин считает, что жена не должна принимать никакого участия в их похождениях.

Хиро обратил внимание на двойной смысл в её словах и решил, что это было сделано специально.

— Мудрый человек не станет отвергать разумный совет, — возразил он, — независимо от того, кто его дает.

— А вы человек мудрый? — спросила она.

Вопрос застал Хиро врасплох.

Нацуко рассмеялась.

— А я все гадала, насколько далеко придется зайти, чтобы вас удивить.

Улыбка исчезла с её губ.

— Мой брак стал партнерством, основанным на выгоде и взаимном уважении. Я не любила мужа в том смысле, который вкладывают в это слово поэты, но наши отношения были приемлемыми и взаимовыгодными. По этой причине я считала свой брак удачным.

Женщина опустила пустую чашку на циновку.

— Я хочу, чтобы убийца моего мужа был наказан. Вернее, я хочу, чтобы она умерла.

— Она? — уточнил Хиро.

— Любовница моего мужа, — пояснила Нецуко. — Она убила его, потому что он отказался развестись со мной.

— Вы в этом уверены?

Наполняя чашку Нецуко, Хиро понял, что забыл попросить Ану дать отцу Матео обезболивающее. По этикету, он не мог оставить гостью одну, поэтому до возвращения служанки священнику придется потерпеть.

Нецуко с поклоном приподняла чашку. Она втянула в себя пар и принялась так непринужденно потягивать чай, будто они обсуждали какую-то сделку, а не убийство.

В конце концов она опустила чашку и продолжила:

— Сабуро обо всем мне рассказывал. Отношения начались совершенно невинно — настолько, насколько это уместно, — но девушка начала вести себя неразумно. Она хотела, чтобы Сабуро принадлежал только ей. Он не знал, как расстаться с ней, чтобы она не устроила какую-нибудь сцену, ведь у него не было намерений выполнять её требование.

Поэтому он попросил меня помочь ему порвать с ней всякие отношения.

— Ваш муж попросил вас покончить с его романом? — переспросил Хиро.

— А почему нет? Со всем остальным я же ему помогала. — Она сделала еще глоток. — В любой лжи есть крупица истины, поэтому мы решили, что его оправданием стану я. Сабуро сказал девчонке, что я о чем-то подозреваю и он не может рисковать и делать свой роман достоянием общественности. Он предложил ей денег или устроить её брак где-нибудь за пределами Киото.

— А она отказалась, — сказал Хиро.

— Она не просто отказалась, она его убила.

— Почему о своих подозрениях вы не рассказали Мицунаге Хисахидэ? — поинтересовался Хиро.

— Вы думаете, не рассказала?

— Если бы рассказали, я бы не понадобился.

— Хисахидэ не верит, что служанка могла убить самурая.

— Служанка? — переспросил Хиро.

Нецуко кивнула.

— Вкусы моего мужа не лучше, чем его нрав. Такие же малоприятные и плохо контролируемые. Уверена, вы уже встречались с этой девушкой. Её зовут Джун, и именно она столь удобно для себя обнаружила его тело. — Нецуко наклонила голову. — Судя по выражению вашего лица, она не призналась в интрижке.

— Да, — сказал Хиро. — А вы бы на её месте признались?

Нецуко улыбнулась.

— Я никогда бы не допустила, чтобы меня поймали на подобном месте.

Оговорилась или очередная игра слов? Хиро не смог для себя решить.

— Что заставило вас думать, что именно Джун убила Сабуру? — спросил он.

— Её требования и тот факт, что Сабуру закололи кинжалом. Мужчина воспользовался бы мечом.

— Но кинжал принадлежал Ито Казу, вы же сами это признали.

— И сожалею об этом обвинении. — Нецуко выпустила из правой руки чашку ровно на столько, чтобы потереть левое запястье. — Вчера я не очень хорошо соображала.

— И почему же теперь, когда вы решили обвинить в убийстве настоящего преступника, пришли ко мне, а не к Хисахидэ или сёгуну? — спросил Хиро.

Женщина глубоко вдохнула, а выдыхая, слегка опустила плечи.

— Иностранцы священники обладают некоторой свободой действий. Я подумала, возможно, поскольку вы работаете на одного из них...

Она замолчала, словно надеясь, что Хиро закончит её мысль.

Он не стал.

Прежде чем молчание стало неловким, Нецуко сказала:

— Я надеялась, вы накажете девчонку, не раскрыв того, что об этом вам рассказала я. Будущее Ичиро, как и моё собственное, зависит от того, знали мы о романе или нет. Скорбящая вдова получит помощь от клана супруга, но коварная женщина, которая потакала низменным инстинктам мужчины, станет лишь объектом презрения.

Я хочу, чтобы Джун заплатила за своё преступление, но страдать вкупе с ней не намерена.

Нецуко посмотрела на чай.

— Жаль. Совсем остыл.

Она поставила чашку на поднос и встала, показав, что разговор окончен.

Хиро проводил её до двери. К его удивлению, лошади во дворе не было.

Нецуко заметила, что он осматривает улицу.

— Я доехала до храма Окадзаки, а сюда пришла пешком. Никто не станет задавать вопросы, если женщине приспичит помолиться в подобное время.

Хиро нашёл её объяснение весьма занимательным. Для скорбящей вдовы всё было слишком тщательно продумано.

— Благодарю вас за визит. — Хиро поклонился — формальный жест, сопровождающий слова. — Я передам отцу Матео ваши лучшие пожелания.

— Спасибо за чай. — Она сошла с крыльца и скользнула в сандалии. — И благодарю вас заранее за вашу осмотрительность.

Хиро смотрел, как она уходит.

Когда женщина дошла до улицы, яростно залаяла соседская акита. Хиро напрягся, часть его хотела, чтобы собака выбежала за ограду. Он бы без сожаления её убил. Но пес не появился, а Нецуко всё удалялась, так ни разу и не оглянувшись.

Синоби развернулся и закрыл дверь. Отцу Матео по-прежнему нужно было дать обезболивающий чай.

Глава 31

Хиро застал Ану, очищающей чайник от нагара.

Он достал из рукава бумажный комочек и развернул его, открыв липкий кусок смолы. Отщипнув небольшую часть, он протянул его экономке.

— Пожалуйста, завари для отца Матео крепкий чай и брось это в заварник, — сказал он.

Ана отпрянула, словно он предложил ей взять ядовитого паука.

— Я не стану давать ему маковые слезы.

Хиро не думал, что она узнает опиум.

— Это успокоит его боль и поможет уснуть.

— Он даже сакэ не пьёт. — Ана нахмурилась. — Он сам попросил тебя?

— Хочешь, чтобы он страдал? — Хиро терял терпение. — Он не поправится, если не будет лежать и не позволит ранам затянуться. Это чуть замедлит сердцебиение и принесет сон. Один раз не вызовет постоянного пристрастия.

Последнее было ложью, но Хиро надеялся, что познания Аны не настолько глубоки. Привыкание с первого раза было довольно редким, так что Хиро решил, что польза перевешивает риск.

Из комнаты отца Матео донесся звук чихания и болезненный стон.

Ана бросила взгляд на дверь иезуита и протянула руку.

— Хорошо. — Она прищурилась, глядя на Хиро. — Но вся ответственность на тебе.

Она забрала кусочек смолы и поспешила на кухню.

— Хиро! — позвал отец Матео и снова чихнул.

Синоби отодвинул дверь, ведущую в комнату иезуита, и едва сдержал смех.

Отец Матео лежал на футоне, моргая слезящимися глазами. Он вытянул забинтованные руки вверх, чтобы держать их подальше от котенка, устроившегося у него на груди.

Гато наклонилась и лизнула иезуита в опухший нос.

— Хиро! Сними её с меня.

Отец Матео дунул кошке в мордочку, но Гато лишь прижала уши и сильнее впиалась когтями в его кимоно.

Хиро рассмеялся.

— Ничего смешного, — сказал отец Матео и в доказательство шмыгнул носом.

Хиро подошел и сгреб котенка.

— Ладно, Гато. Хватит.

Кошка боднула синоби лбом.

Хиро попятился от иезуита.

— Как она сюда пробралась?

— Понятия не имею. — Отец Матео вздрогнул, положив израненные руки обратно на грудь. — Я задремал. Когда проснулся, она уже была тут.

— Скорее всего наслаждалась теплом, — сказал Хиро.

— Совершенно точно заставила меня чихать.

— Нам не обязательно держать её у себя, — добавил Хиро. — Я могу подыскать ей другой дом.

— И расстроить Ану? — Отец Матео помотал головой. — Лучше буду чихать. Кроме того, мне нравится эта кошка, когда не сует мне в нос свою шерсть.

Иезуит вздохнул. Его губы дрогнули.

— Ты что-то говорил про лекарства. Они помогут от боли?

— Помогут. — Хиро дотронулся пальцами до пакетика, задумавшись, не стоило ли воспользоваться корой ивы или конским каштаном вместо более сильнодействующего опиума. Но ведь он дал священнику малую дозу, куда меньше той, которая одурманивает курильщика. Синоби решил понаблюдать за реакцией иезуита. Если опиум не принесет ему должного облегчения или наоборот подействует слишком сильно, в следующий раз он воспользуется другим средством.

Хиро отнес Гато в свою комнату, опустил на пол и задумался над визитом Нецуко. Обвинения женщины хоть и были разумны, но носили тревожный оттенок. Любовницы не убивают своих любовников. Вместо этого они их шантажируют или позорят. Хиро считал более вероятным, что Джун создала проблему случайно.

Любовь заставляет молодых людей совершать необдуманные поступки, а Ден был влюблен в Джун.

Но это не объясняло отказ Казу от разговора или то, чем плотник Озуру занимался той ночью. Хиро даже начал подозревать Нецуку. Её визит оставил больше вопросов, чем ответов. Возможно, разговор с Деном что-нибудь прояснит.

Хиро натянул пару старых хакама и выцветшую рубаху, схватил свои мечи и поспешил во двор. Он тренировался до тех пор, пока не начали гореть мышцы, а лоб не покрылся потом.

Закончив, Хиро взял из комнаты сменное кимоно и направился в общественную баню, стоящую вниз по дороге. Он выкупался и провел час в парной, направившись домой, когда небо изменилось с серого до угольного. Хиро спешил, намереваясь вернуться до полуночи — часа, когда работники сёгуната расходятся по домам или когда враждебный синоби может нанести визит священнику.

Хиро дошел до дома именно в тот час, в какой и планировал. Он открыл было рот, чтобы позвать Ану, но слова, словно сахар, растаяли на языке.

Напротив двери отца Матео стоял Казу.

— Ты что делаешь? — Рука Хиро взлетела на рукоять катаны. Клинок на половину выехал из ножен, когда Хиро замер, осознав, что на самом деле убьет любого — даже Казу, — чтобы спасти священника.

Казу повернулся.

— Тебя ищу. — Его губы изогнулись в очаровательной улыбке, которая с самого детства так пленяла женские сердца и смягчала мужские.

С Хиро этот номер больше не проходил.

— Это не моя комната, — сказал синоби, — и тебе это известно.

Он протиснулся мимо Казу и отодвинул дверь лишь на столько, чтобы увидеть отца Матео спокойно спящим. Хиро закрыл дверь и обернулся.

— Что ты здесь делаешь? Спрашиваю последний раз.

Улыбка Казу поблекла.

— Тебе не стоит вести себя как невоспитанный ронин.

— Немедленно отвечай на вопрос.

Казу сделал шаг назад.

— Я нашел доказательства. Подумал, ты захочешь послушать.

— Что такого важного, что не может подождать до завтра?

— Забудь. — Казу отвернулся.

— Ты уже здесь, — сказал Хиро. — Можешь остаться и рассказать.

Казу оглянулся. Хиро уже было решил, что молодой человек уйдет, но вместо того Казу прошествовал к очагу и опустился на колени с глухим стуком, от которого Хиро поморщился.

Синоби отринул свои эмоции, присоединившись к гостю. Враждебность не поможет узнать настоящих мотивов Казу.

— Чай будешь? — предложил Хиро.

— Нет, спасибо.

Поскольку в голове прояснилось, Хиро засомневался, что Казу явился навредить священнику. Однако у молодого человека все-таки не было причин входить в дом без приглашения.

Хиро решил опустить формальности.

— Что ты узнал в сегунате?

— Хисахидэ вернул учетную книгу, где пишется график дежурства личной охраны сёгуна, — сказал Казу. — Заявил, что сёгуну она больше не нужна. Объяснение мне показалось подозрительным, так что после его ухода я просмотрел расписание.

После смерти Сабуро оно было изменено.

Глава 32

— Изменено? — переспросил Хиро.

Казу кивнул:

— Та стража, что должна была дежурить в покоях сёгуна завтра, была заменена на запасную.

— На запасную? — переспросил Хиро.

— Да, — подтвердил Казу. — Охрана сегуната, но не те, кого назначил бы Сабуро.

— С чего ты так решил?

— У Сабуро была своя система. Но люди, которые должны дежурить завтра ночью, совсем не соответствуют этой системе.

— И ты решил, что изменения были сделаны не Сабуро? — спросил Хиро.

— Почерк похож, но не совсем. Я не уверен.

— А мог сёгун внести изменения в расписание? — спросил Хиро. — То письмо, которое ты обнаружил, предполагает заговор, а смена стражи может помешать покушению.

— Возможно, — сказал Казу, — но почему завтра ночью? Люди господина Оды не приедут до утра.

— А стража заменена на все время визита послов? — спросил Хиро.

Казу опустил глаза в пол.

— Я не посмотрел. Я так удивился этим изменениям, что поспешил сюда, чтобы рассказать тебе.

— Будет лучше, если ты вернешься и проверишь, — сказал Хиро, — если только ты не притащил книгу с расписанием с собой.

Казу встревоженно вскинул голову.

— Конечно нет. Сёгун убил бы меня, если бы я вынес её за пределы здания... и это не фигура речи. В любом случае, сегодня я проверить не смогу. Они закрыли все ворота, и никто не может ни выйти, ни пойти без веского основания. В свете последних событий я не готов рисковать и пробираться через стену.

Он бросил взгляд на дверь отца Матео.

— Что случилось со священником? Он всегда ложится спать так рано?

— Сегодня днем на него напала соседская собака.

Казу чуть наклонился вперед.

— Раны серьезные?

Беспокойство сдавило грудь Хиро.

— Слишком рано судить.

— Надеюсь, он поправится. — Казу встал и поклонился. — Очень страшно терять брата.

Прежде чем Хиро успел встать, молодой человек вышел из комнаты. Синоби услышал, как открылась и закрылась входная дверь.

Синоби всю ночь провел без сна, прислушиваясь к возможному вторжению. Он сомневался, что Казу вернется, но мысли все равно не давали ему уснуть. Он несколько раз, как и Ана, ходил в комнату отца Матео. Хиро хотелось бы, чтобы иезуит тоже бодрствовал, несмотря на то, что священнику нужен был отдых. Синоби никак не мог перестать думать об убийстве, и ему хотелось, чтобы отец Матео тоже принял участие в этих размышлениях.

Незадолго до рассвета Хиро прилег на futon и провалился в беспокойный сон. После пробуждения он чувствовал себя измученным и совершенно не отдохнувшим. По непонятной причине синоби ощутил боль в колене, пока не понял, что на ноге спала Гато.

Он переложил котенка на futon. Гато зевнула и потянулась, прежде чем свернуться в клубочек и снова закрыть глаза.

На веранде Хиро опустился на колени и медитировал до тех пор, пока разум не прояснился. Потом он вернулся в комнату, надел своё пепельно-серое кимоно и закрепил за obi мечи.

Завершив приготовления, он отправился к Ане.

Хиро застал экономку подметающей пол. Когда он подошел, Ана подняла на него взгляд и приложила палец к губам, предупреждая, что отец Матео спит.

Хиро кивнул и прошептал:

— Как он?

— Я на рассвете погрела ему еще того чая, что ты дал.

— Значит он закончился? — спросил Хиро.

— Осталось еще на чашку или две.

— Дай ему, когда проснется. И как можно больше бульона, но без риса, если только он его сам не попросит.

— Хм, ты считаешь, я никогда не ухаживала за раненым?

Хиро улыбнулся.

— Если отец Матео будет спрашивать, я вернусь к полудню.

Входная дверь скрипнула, и раздались тяжелые шаги. Хиро обернулся, но без тревоги. Только шаги Луиса были похожи на поступь пьяного медведя.

На пороге появился португалец. Его лицо покраснелось и блестело от пота, несмотря на пасмурное утро.

Луис увидел Хиро и вскинул руку к груди.

— Не надо так подкрадываться!

— Я даже не пошевелился, — ответил Хиро.

— Ну, тогда создавай побольше шума. А то так до смерти кого-нибудь напугаешь.

— А тебе нужно создавать его поменьше. — Хиро махнул на дверь и понизив голос сказал: — Отец Матео отдыхает.

— В такой час? — нахмурился торговец, хотя Хиро заметил, что тише он говорить не стал.

— Как прошла поездка в Оцу? — поинтересовался Хиро.

— Печально, — сердито ответил Луис. — У меня едва хватало времени на еду, к тому же весьма скудную. Хотя оружие я привез. Сейчас слуги разгружают его на склад. До завтра люди господина Оды не появятся, так что господину Мицунаге придется признать тот факт, что я уложился в срок.

— Мицунага-сан не даймё, — сказал Хиро.

— Всякий самурай мнит себя господином. Если он мне платит, я в придачу буду его так и называть, — чопорно ответил Луис.

— Миёси Акиру по дороге встретил? — спросил Хиро.

Луис пухлой рукой отер пот со лба.

— Ты откуда знаешь? Он обогнал меня вчера днем по дороге в Оцу. Остановился ненадолго, чтобы приказать мне не оставаться там на ночь... а потом поскакал прочь, даже не дождавшись моего ответа! Какой-то нервный. Обращался ко мне, как будто я слуга какой.

Торговец открыл было рот, чтобы продолжить, но у Хиро не было никакого желания слушать его обличительные речи.

— Мицунага-сан приказал ему найти тебя, — сказал Хиро, — и как можно скорее вернуться в Киото.

— Ну, он этот приказ воспринял довольно серьезно, — ответил Луис. — К тому времени, когда я приехал в Оцу, его уже и след простыл.

— Послов господина Оды видел? — поинтересовался Хиро.

— Они еще не доехали до Оцу. По словам трактирщика, их гонцы еще не появлялись.

— Ты спрашивал? — выказал удивление Хиро.

— Конечно, спрашивал, — хохотнул Луис. — Мне не хотелось, чтобы какой-нибудь слишком усердный самурай попытался захватить оружие, предназначенное для сёгуна.

Хиро задумался над полученными новостями. Часто путешествующие самураи отправляли вперед себя гонцов, чтобы те зарезервировали достаточно мест на постоянных дворах. Если гонцы господина Оды еще не добрались до Оцу, значит сама процессия находится в нескольких днях пути от Киото.

Луис огляделся.

— Ты не ответил на мой вопрос. Почему отец Матео отдыхает в такой час? Он заболел?

— На него напала соседская собака, — ответил Хиро. — Он поправится, но ему нужен покой.

— Я знал, что это чудовище нападет на кого-нибудь, — нахмурился Луис. — Ты убил её?

— Меня не было рядом.

Луис отключил верхнюю губу, обнажая зубы.

— И это тебя остановило? Я думал, вы самураи понимаете толк в возмездии.

— Возмездие — это ответ на противоправные действия со стороны человека, — ответил Хиро. — Самурай не бросает вызов собаке.

— Её владелец должен заплатить компенсацию.

— С этим делом отец Матео разберется сам, когда поправится, — сказал Хиро, зная, что священник никогда не потребует и не возьмет никаких денег.

— Ты меня извини, — сказал Луис, — но у меня есть еще пара часов, чтобы поспать перед встречей с господином Мицунагой.

Он посмотрел на Ану, словно только сейчас заметил её присутствие.

— До полудня меня не беспокоить.

Когда торговец доковылял до своей комнаты, Хиро вышел из дома и поспешил в сёгунат.

Судя по словам Луиса, Акира с Деном вернулись в Киото прошлой ночью. Мальчишка, вероятно, совсем не спал, но Хиро не терпелось выслушать его версию произошедшего в ночь гибели Сабура. Главное, что ему нужно было выяснить, могла ли любовь превратить юношу в убийцу.

Глава 33

Толпа самураев в полных доспехах выстроилась на деревянном мосту, ведущему к сёгунату. Сначала могло показаться, что они, как и другие просители, ждут своей очереди, но когда Хиро присмотрелся, стало понятно, что воины стоят лицом на улицу, а не к воротам.

Самурайская стража вместо своей обычной декоративной одежды была облачена в боевые доспехи. На каждом был надет шлем, а на некоторых — сарубо — доспехи на щеках, защищающие нижнюю челюсть.

Хиро почувствовал напряженность, висящую в воздухе, словно стражники ожидали, что в любой момент улицы заполнят орды нападающих. Вероятно, люди господина Оды проехали мимо Оцу и прибыли в Киото раньше времени.

Синоби чуть притормозил и подошел к воротам небрежной походкой, чтобы дать самураям время заметить его приближение.

— Стоять! — приказал стражник. — Ближе не подходить. Назовите свое имя и дело.

Хиро остановился примерно в десяти футах от деревянного моста, ведущего к воротам, затем поклонился.

— Меня зовут Мацуи Хиро. Сёгун приказал мне расследовать убийство Асикаги Сабура. Я пришел, чтобы продолжить свою работу.

— Подойдите, — сказал стражник.

Хиро дошел до края моста. Когда он приблизился на расстояние, с которого было вполне удобно разговаривать, стражник продолжил:

— Быстро же курьер до вас добрался.

— Кто-то отправлял послание? — спросил Хиро.

— Полчаса назад, — ответил самурай. — Послания я не видел, но, учитывая произошедшее самоубийство, полагаю, в нем была просьба о вашем присутствии.

Покалывание пробежало вниз по позвоночнику Хиро и поселилось где-то в животе. Он ненавидел, когда ситуация заставляла его врасплох, особенно если от неё веяло опасностью.

— Боюсь, я разминутся с курьером, — сказал Хиро.

Самураи часто использовали самоубийство в качестве искупления за какое-нибудь гнусное преступление. Однако Казу прошлым вечером не выглядел склонным к суициду. Женщины иногда тоже убивали себя по причине несчастной любви, но, даже почти не зная Джун, Хиро сомневался, что это она. Он не понимал, кто и зачем покончил жизнь самоубийством.

Текли секунды. Хиро хотелось бы, чтобы стражник все объяснил и избавил его от неприятных вопросов.

Тот в свою очередь разглядывал улицу.

— Вероятно, курьер не увидел вас на дороге. — Было похоже на то, что он не знает, что делать дальше.

— Могу я увидеться с Миёси Акирой? — спросил Хиро.

— Поскольку вы участвуете в расследовании, не думаю, что вам нужно ждать Миёси-сан. — Стражник кивнул одному из напарников. — Пожалуйста, проводи Мацуи-сан в конюшню.

— В конюшню?

— Да, — ответил стражник. — Я бы объяснил, но это не мое дело.

Хиро последовал за вторым стражником, молча проклиная его за неспешность.

Вероятно, это либо Масао, либо Ден. Ни один самурай не убил бы себя в конюшне, а смерть простолудина объяснила бы неспешность сопровождающего. Хиро постарался не гадать, кто из мужчин покончил собой. Он предпочел подождать и увидеть все самому.

* * *

У входа в конюшню стояли вооруженные самураи. Они переминались с ноги на ногу, словно желая поскорее уйти с места происшествия. Хиро находил забавным тот факт, что некоторые самураи чувствовали себя неуютно рядом с трупом.

Пересекая двор, синоби поднял взгляд на небо. Грозовые тучи заволокли небо и на завтра обещали принести дождь. Хиро почти чувствовал запах капель, готовящихся пролиться на землю.

Из конюшни вышел Акира и поклонился:

— Доброе утро. Вижу, вы получили мое сообщение.

Хиро поклонился в ответ.

— Боюсь, это не так. Вероятно, я разминусь с курьером. Я шел, чтобы поговорить с Деном.

— К сожалению, теперь это невозможно. — Акира махнул, приглашая Хиро следовать за ним, и повернулся к конюшне.

Переступив порог, синоби увидел тело, свисающее со стропил.

Он шею трупа вверх бежала веревка, цепляясь за потолочную балку у края возвышения, где обычно спали Масао с Деном. Тело болталось у самого края платформы. Оно казалось безвольным, но уже начало твердеть.

Труп принадлежал юноше лет двадцати или около того. Волосы парня были коротко острижены, а на переносице виднелся шрам. Хиро очень четко его увидел. Он выделялся, бледный и блестящий, на фоне серого цвета, в который окрасился сам нос.

В дальнем конце деревянной платформы сидел Масао. Он обхватил голову руками, а плечи его поникли, хоть и не дрожали. Когда Хиро вошел, Масао поднял взгляд. В покрасневших глазах конюха Хиро увидел отчаяние.

Однако у Масао хватило сил встать и поклониться.

Хиро перевел взгляд с конюха на висящее тело, которое медленно вращалось на веревке. Он втянул воздух, но пахло только лошадьми, сеном и кожей. Труп еще не начал разлагаться.

— Это Ден? — спросил Хиро.

Масао сжал челюсти и кивнул. Он тяжело сглотнул, но ничего не сказал. Потом умоляюще посмотрел на Акиру.

— Пожалуйста, Миёси-сан, могу я его снять?

— Нет, — ответил Акира. — Мацуи-сан, я бы хотел, чтобы вы подтвердили, что это самоубийство.

Хиро перевел взгляд с самурая на труп.

— А этому требуется подтверждение?

— Формальность, конечно, — согласился Акира, — но раз уж вы здесь, было бы крайне невежливо ставить в этом деле точку без вас.

Хиро отступил к двери и окинул взглядом всю сцену.

На полу конюшни под странным углом лежали три тюка сена. Мальчишка, вероятно, свалил его на платформу, забрался сверху, чтобы закрепить веревку, потом пинком отбросил тюки, чтобы завершить начатое.

Хиро мысленно замерил высоту и расстояние. Учítывая рост Дена и высоту стропил, три тюка были в самый раз. Представшая сцена действительно была похожа на самоубийство.

— Где вы были, когда это случилось? — спросил Хиро у Масао.

— Спал. — Масао указал на футо́н, лежащий в центре платформы. Гора смятых одеял была отброшена в сторону.

Рядом с одним футоном лежал второй, аккуратно заправленный. Вероятно, он принадлежал Дену.

— Я обычно не сплю очень крепко, — сказал Масао, — но мы допоздна пили с Деном чай, когда он вернулся из Оцу.

У футонов, подтверждая его слова, стоял чайник и две чашки.

Хиро поднялся на возвышение, чтобы осмотреть тело. Ветка была завязана на шее Дена простым узлом. Других видимых повреждений на парне не было. Его пальцы стали такого же землисто-серого цвета, что нос и уши. Хиро отметил эту особенность. Большинство трупов становились синеватого или фиолетового оттенка, но никак не черного.

— Он говорил что-нибудь, что могло бы сказать о его планах? — спросил Хиро, не отрывая глаз от трупа.

— Нет. Я и понятия не имел... — Его голос оборвался, но он начал сначала. — Я бы его остановил. Клянусь.

— Уверен, он об этом знал, — вставил Акира, — поэтому не оставил тебе ни единого шанса.

— Но зачем ему это делать? — спросил Хиро. Обернувшись, он увидел ответ на свой вопрос.

На задней части балки, где была привязана веревка, виднелись написанные углем буквы. От входа в конюшню надпись видна не была, но она стала последним, что видел Ден перед своей смертью.

Акира указал на надпись.

— Его признание говорит само за себя.

Глава 34

"Не вините Масао, — было написано на столбе. — Я действовал в одиночку".

Вторая строка была написана более толстыми мазками, словно автор черпал силу в первой.

"Я убил Сабу́ро, чтобы спасти сёгуна, и убил себя, чтобы очистить свою грешную душу".

Хиро молча дважды прочитал признание. Он не видел необходимости мучить Масао, произнося эти слова вслух.

У основания столба лежала обожженная палочка, предположительно отброшенная туда после использования.

Акира указал на столб.

— Видите? "Я убил Сабу́ро..." Это признание.

— Ден умел писать? — спросил Хиро.

Масао кивнул.

— Это его почерк.

Хиро изучающе разглядывал написанное.

— Все слова написаны им?

Масао уставился в пол.

— Да, каждое слово.

— Эта формулировка подтверждает угрозу из письма, адресованного Сабу́ро, — сказал Акира, — если только было не два заговора, что маловероятно.

— Согласен, — ответил Хиро. — Но откуда Ден мог узнать о заговоре, угрожающем сёгуну?

Это признание выглядело очень удобным, учитывая изменившееся расписание стражи, о которой прошлой ночью говорил Казу. К сожалению, Хиро до сих пор не знал, кто внес эти изменения и зачем.

— Вы же видели письмо, — сказал Акира. — Сабу́ро было нужно, чтобы его неназванные "друзья" как-то проникли в комплекс. Вероятно, он приказал Дену открыть ворота.

— Такое невозможно, — вмешался Масао. — Ден был верным слугой сёгуна.

— Похоже на то, — Хиро показал на слова.

— Но Сабу́ро об этом не знал, — сказал Акира. — Возможно, Ден сделал вид, что сотрудничает с ним, выполняя приказ, а потом убил Сабу́ро, чтобы предотвратить заговор.

— Почему же он не покончил собой в ночь убийства? — спросил Хиро. — И зачем было использовать кинжал Казу? Большинство убийц не станут надеяться на то, что найдут оружие на месте преступления.

— На второй вопрос у меня ответа нет, — сказал Акира, — но с первым все просто. Ден не думал, что кто-нибудь станет его подозревать. Он выдумал ссору с Сабуро, которая помогла ему убедить Масао помочь ему сбежать, чтобы выглядеть при этом жертвой. Это был предлог, чтобы уехать из Киото.

Когда я привез его из Оцу обратно, он понял, что мы можем узнать правду и покончил собой, чтобы избежать наказания.

Хиро посмотрел на тело.

— Не самый впечатляющий способ.

Масао покачал головой.

— Я в это не верю. Ден обязательно рассказал бы мне про заговор, и вчера, как мне кажется, он, наоборот, стремился поговорить с Мацуи-сан.

— Притворство, — сказал Акира. — Он знал, что вы вмешаетесь, если узнаете правду.

Масао снова покачал головой, но спорить не стал. Будучи простолюдином, он не имел права противоречить самураю.

— Нужно снять парня, — сказал Хиро. — Не стоит позорить его тело, оставляя вот так висеть.

— Он останется там. — Акира направился к выходу. — Убийца заслуживает бесчестия.

С легким шипением катана Хиро вышла из ножен и просвистела в воздухе, перерубив веревку. Тело Дена упало на пол.

Тихо вскрикнув, Масао опустился на колени.

Хиро увидел, как развернулся Акира, и услышал шепот самурайского клинка. Синоби вскинул меч и заблокировал удар, который неминуемо его убил бы.

Сталь встретилась со сталью, раздался звон.

Акира отскочил, готовый заблокировать возможный удар, но Хиро не стал нападать. Синоби замер, высоко подняв меч и настороженно следя за движениями соперника. Он не думал, что его поступок приведет к подобным действиям Акиры, но понимал, что, обнажив меч за спиной самурая, может спровоцировать бой.

Хиро не желал Акире смерти. Если было бы наоборот, удар, предназначавшийся веревке, рассёк бы самураю шею.

Но Акира этого не знал.

В конюшне стало темно. Через дверной проем, держа в руках мечи, но не вмешиваясь, вошли стражники.

Катана Акиры дрогнула. Плечи самурая поднимались и опускались, а глаза были широко распахнуты.

Хиро ждал не шевелясь.

Спустя почти минуту Акира опустил меч.

— Как вы смеете не подчиняться моему приказу?!

— Я вам не слуга и не раб, — ответил Хиро. — И позорным приказам подчиняться не буду.

— Вы позорите себя, защищая убийцу, — сказал Акира.

Одним движением Хиро выпрямился и убрал меч в ножны.

— Самурай должен проявлять уважение и милосердие по отношению к слабым, особенно перед лицом смерти. — На этот раз синоби даже не потрудился скрыть своего презрения.

Масао опустился на колени рядом с телом Дена, широко распахнув глаза и открыв от удивления рот.

Стражники у дверей переглянулись, а потом посмотрели на Акиру. Мгновение спустя они убрали мечи в ножны и вышли из конюшни.

Акира покраснел. Потом зачехлил катану и выпятил подбородок.

— На этот раз я закрою глаза на вашу дерзость, но не думайте, что сможете снова ослушаться меня без каких-либо последствий.

Хиро кивнул лишь слегка, чтобы выказать своему противнику только каплю уважения. Синоби высказал свое мнение. Дальнейшее унижение Акиры приведет лишь к неприятностям.

Акира выпятил грудь.

— Хисахидэ захочет услышать ваше мнение насчет самоубийства. Идите за мной.

Хиро надеялся поговорить с Масао наедине, но не нашел ни одного разумного предлога отказать Акире. Да и одного взгляда на конюха было достаточно, чтобы понять, что время для беседы сейчас неподходящее. Масао склонился над телом Дена, его потряхивало от усилий скрыть свое горе.

Следом за Акирой Хиро покинул конюшню.

— Никому не трогать тело до тех пор, пока я не прикажу, — сказал Акира, проходя мимо стражи.

Мужчины кивнули в знак согласия и продолжили свою вахту у ворот конюшни.

Акира повел Хиро через комплекс по направлению к тренировочной площадке для самураев. Приблизившись, синоби различил характерный для боккена стук и увидел Хисахидэ, держащего в руках деревянный мечи и стоящего лицом к лицу с таким огромным самураем, каких Хиро с роду не видел. На обоих были мешковатые хакама и стеганные куртки с символом дома Миёси. Они были единственными, кто тренировался. Причиной тому был ранний час и пасмурная погода.

Акира с Хиро остановились на некотором расстоянии, чтобы дождаться, когда Хисахидэ закончит свой поединок.

Синоби нашел занимательным тот факт, что Хисахидэ вместо настоящего меча выбрал боккен. Самураи часто предпочитали деревянный меч для одиночных тренировок, но в паре предпочитали сталь. Когда схватка продолжилась, выбор Хисахидэ стал понятен.

Огромный самурай двигался с поразительной скоростью. Его меч рубил боккен Хисахидэ с такой силой, при которой большинство мужчин уже рухнули бы на колени.

К удивлению Хиро, Хисахидэ двигался еще быстрее. Он блокировал удар великана и обрушился на него шквалом жесточайших ударов. Здоровяк попятился. Но вместо того, чтобы нападать дальше, Хисахидэ отступил.

Удивленный таким маневром, гигант приостановился. Он шагнул вперед, подняв меч для очередного удара.

Ловушку он заметил почти одновременно с Хиро, но было уже слишком поздно, чтобы её избежать.

Хисахидэ отпрыгнул в сторону и ткнул деревянным мечом сопернику в живот. Здоровяк хрюкнул. Если бы мечи были настоящие, эта рана его бы убила.

Хисахидэ убрал меч и поклонился. Противник вернул поклон, но куда более глубоко.

Хисахидэ повернулся к Акире, когда здоровяк покинул двор.

Обменявшись приветствиями, Хисахидэ спросил у Хиро:

— В конюшне были?

— Был, — ответил вместо синоби Акира, — и согласен, что мальчишка покончил собой.

Хисахидэ покачал головой.

— Выражение его лица говорит об обратном.

Глава 35

— Всё выглядит как самоубийство, — сказал Хиро, — но я не уверен. У юноши не было причин покончить с собой.

— У нас есть его признание в письменной форме, — вставил Акира. — Он знал, что мы можем его поймать.

— Прежде чем сделать окончательные выводы, я бы хотел завершить расследование, — сказал Хиро.

— При любых других обстоятельствах я бы согласился, — ответил Хисахидэ, — но у нас нет времени на расследование. Люди господина Оды могут появиться в любой момент, а сёгун настаивает на том, чтобы мы решили этот вопрос до того, как они приедут в Киото.

— У меня появились новые доказательства, — сказал Хиро. — Они говорят о том, что убийца мог действовать не один. — Хиро проследил за реакцией Хисахидэ.

— Еще один заговорщик? — нахмурился Хисахидэ. — Имя знаете?

— Любовница Сабура, Джун.

Изменения, внесенные в расписание стражи, предполагали, что-либо Казу, либо Хисахидэ также причастны к происходящему, но Хиро прекрасно понимал, что одних обвинений недостаточно.

— Служанка? — рассмеялся Акира. — Да вы шутите.

— Нет, я говорю серьезно, хотя пока доказательств у меня нет.

— Откуда вы узнали? — Хисахидэ постучал деревянным мечом по ладони.

— Госпожа Нецуко, супруга Сабура, — ответил Хиро. — Я думаю, она знает много больше, но мне нужно опросить служанку, чтобы заслужить её доверие.

— Джун правда была любовницей Сабура? — поморщился Акира. — У неё же морда как у собаки, да и манеры такие же.

— Она симпатичнее госпожи Нецуко, — сказал Хисахидэ, потом помолчал, словно ожидая, что остальные засмеются.

Они не стали.

— Вы видели тело Сабура, — сказал Хисахидэ. — Ни одна женщина не смогла бы нанести таких ранений. Кроме того, женщина не настолько глупа, чтобы ввязываться в рукопашный бой с самураем.

Хиро думал иначе, но начав спор с Хисахидэ, он вряд ли смог бы его переубедить.

— Масао утверждает, что парень был влюблен в Джун, — сказал Акира. — Как думаете, была ли его ревность сильной настолько, чтобы убить Сабуро?

— Мне нужно больше времени на расследование, — сказал Хиро. — Факты противоречивы. Если Ден убил Сабуро из-за Джун, зачем оставлять сообщение об обратном? Знала ли любовница Сабуро о заговоре? И что еще знает леди Асикага.

Пока мы не узнаем больше, сёгун в опасности.

— Обезглавив змею, мы убьем ее тело, — сказал Хисахидэ. — Без Сабуро люди господина Оды не смогут проникнуть в сегунат. Заговор потерпит крах. Сёгун вне опасности.

— Вы готовы поставить на кон его жизнь, основываясь на своем мнении? — спросил Хиро.

Смерть сёгуна повергнет Киото в хаос. Даймё вступят в сражение за права на сегунат. Господин Ода нападет на город, и все в столице будут в опасности. Пока отец Матео не поправится достаточно, чтобы сбежать, Хиро должен сохранить сёгуну жизнь, как и иезуиту.

— У меня есть оружие португальца, — сказал Хисахидэ. — У господина Оды его нет. Я утроил охрану у ворот и расставил людей на стенах. Сёгун в безопасности.

"Только если ты не убийца, — подумал Хиро. — А это значит, что никто не стоит между тобой и сёгуном."

Прежде чем он успел возразить, Хисахидэ продолжил:

— Мальчишка сознался, что убил Сабуро, чтобы спасти сёгуна. Вопрос решен.

— Ни один самурай не станет полагаться на конюха, — сказал Хиро, — даже если предположить, что признание написал сам Ден. Но что, если он его не писал, а его заставили это сделать?

Хиро вдруг понял, почему сомневается в достоверности признания. К сожалению, ему нужна была помощь Казу, чтобы подтвердить свои подозрения, что это самоубийство на самом деле было вторым убийством.

Акира насмешливо фыркнул.

— А что, если Масао и Ден — синоби, и у них был приказ убить сёгуна и обвинить в этом Сабуро? Эта версия не глупее вашей.

— Акира прав, — сказал Хисахидэ. — Масао служит сёгуну много лет. У него нет причин лгать. Его слова и улики подтверждают, что убийца Ден. Так что, насколько мне известно, убийца найден. Расследование завершено.

В опустившейся тишине Хиро понял, что в пустом дворе не было ни одного свидетеля их разговора. Он вспомнил предупреждение Казу насчет гонца Миёси и требование Хисахидэ найти убийцу в срок любой ценой. Спор с Хисахидэ может закончиться для Хиро плохо, даже не смотря на то, виновен самурай или нет.

— Вы правы, — согласился Хиро. — Признание прозвучало довольно ясно, да и Масао подтвердил, что это почерк Дена.

— Значит мы единодушны — расследование окончено. — Хисахидэ, казалось, успокоился. — Вы свободны от обязательств. Сёгун ценит вашу службу, как и я.

Хиро поклонился, но должного облегчения не почувствовал. Причина крылась в том, что расследование не было завершено.

Сёгун поверит, что убийца найден. Казу наказан не будет. Да и отец Матео с Хиро уже в безопасности. По крайней мере пока. Но Хиро намеревался рискнуть всем этим, втайне продолжив своё расследование. Его мало волновало, кто претендовал на титул сёгуна, важнее всего было не допустить войны в Киото до тех пор, пока священник не оправится достаточно, чтобы сбежать из города.

— Вы найдете дорогу до выхода? — спросил Хисахидэ. — У нас с Акирой есть поручение за пределами сегуната.

— Если вы не против, — сказал Хиро, — я хотел бы сказать Казу, что убийца уже найден. Уверен, он будет рад услышать, что больше не является подозреваемым.

— Не возражаю, — ответил Хисахидэ. — Вы сами сориентируетесь или мне кликнуть стражника, чтобы он вас проводил?

— Спасибо, — сказал Хиро. — Я знаю дорогу.

До конюшни он дошел вместе с Хисахидэ и Акирой, а потом пошел один по тропинке, ведущей к вакуфу. Срезав через сад, синоби намеревался обойти приемную и войти в здание через дверь, ведущую в кухню.

Дойдя до задворков, Хиро увидел кимоно со знакомыми знаками различия кухонного работника. Удача улыбнулась Хиро, улыбнулся и он.

Синоби зашагал быстрее, чтобы перехватить Джун во дворе.

— Доброе утро. — Он поклонился. — Сегодня чувствуете себя лучше?

Джун вздрогнула, но быстро взяла себя в руки. Она поклонилась, сложив перед собой руки.

— Да, спасибо, уже лучше.

Она выпрямилась и скромно уставилась на свои руки.

— Я надеялся встретиться с вами, — сказал Хиро. — Интересно, слишком ли это было огорчительно — обнаружить Асикагу-сан лежащим лицом в луже крови?

Джун слегка подалась назад, словно опешив от столь красочного комментария Хиро. Улыбка девушки дрогнула.

— Это было просто ужасно. Никогда прежде не видела мертвого человека.

— Да, действительно ужасно, — сказал Хиро, — особенно учитывая ваши отношения.

— Прошу прощения. — Улыбка Джун вернулась на место. — Боюсь, я вас не понимаю.

— Думаю, понимаете. Вы соврали мне насчет вашей связи с Асикага-сан.

Джун поднесла руку к губам. Потом медленно убрала и покачала головой.

— Нет...

Хиро заговорил тише, чтобы угроза в голосе прозвучала значимее:

— Немедленно рассказывайте мне правду или я скажу Хисахидэ-сан, что вы убили Сабуро из-за любовной ссоры.

Глаза Джун стали размером с блюдца.

— Нет. Это не так. Я не...

— Может, вы не убивали. А может, убили. Как думаете, кому из нас поверит Хисахидэ?

Джун посмотрела вокруг, словно надеясь, что кто-нибудь придет ей на помощь.

Но во дворе было пусто.

— Я была любовницей Сабуро, — призналась она, — но я его не убивала. Это сделала его жена, Нецуко.

Глава 36

— Занятное обвинение, — сказал Хиро, — учитывая ваше предыдущее заявление.

И даже более того, учитывая признание Дена.

— А почему я должна была вам что-то говорить? — поинтересовалась Джун. — Жена Сабуро будет все отрицать, так что слово служанки против слова самурая. Никто не поверит. Но что более важно, я вообще не смогу выйти замуж. — Она уперлась взглядом в землю. — Никто не захочет носить запятнанное кимоно.

— Почему рассказали сейчас?

— Вам было известно про роман, — ответила она. — Ложь уже не сможет сохранить его в тайне.

— Что заставляет вас думать, будто это Нецуко убила мужа? — спросил Хиро.

— Ни у кого больше не было причин желать ему смерти.

— Вообще-то, женщины предпочитают, чтобы их мужья были живы, — возразил Хиро. — Зачем леди Нецуко желать обратного?

— Она ревновала, ведь Сабуро меня любил. Приказала ему бросить меня, а он притворился, что так и сделает, но тайно планировал развестись с ней и жениться на мне. — Нижняя губка Джун задрожала. — Должно быть, он все ей рассказал.

— Откуда вы взяли, что Сабуро решил на вас жениться?

— Он сам мне сказал. Перед смертью.

— Так, возможно, именно вам он врал, — предположил Хиро. — Возможно, он все-таки любил Нецуку.

— Никто не способен полюбить такую ужасную женщину. — Глаза Джун наполнились слезами. — Она не была ему настоящей женой. Заставляла его спать в отдельной комнате и заявляла, что все лавры его успеха принадлежат ей. Сабуро говорил, что я единственная из женщин, кто делает его счастливым.

— Поэтому вы сбежали от него той ночью, когда он погиб? — спросил Хиро. — Почему же тогда попросили Дена спрятать вас?

Джун отвела глаза.

— Просто Сабуро нравилась эта игра. Он как будто преследовал меня, ловил и... — Она скромно замолчала, но Хиро отметил отсутствие румянца на её щеках.

— Той ночью он вас так и не поймал, — сказал синоби.

— Я думала, что Масао забрал Дена с собой и в конюшне никого нет, — сказала Джун. — Хотела привести туда Сабуро... думала, перемены ему понравятся.

Она вскинула руки ко рту, словно ей стыдно за сказанное, но в очередной раз щеки её даже не порозовели.

Хиро ощутил искру зарождающегося гнева. Притворная невинность Джун обманула его поначалу, но дальнейших манипуляций он не потерпит.

— Перестань делать вид, что смущаешься, — рявкнул синоби, радуясь тому, что статус самурая позволяет ему проявлять гнев при разговорах со слугами. — Если ты умеешь играть в подобные игры, значит у тебя хватит смелости смотреть на меня, когда о них рассказываешь.

Скромность Джун исчезла, словно камень, брошенный в реку. Она подняла голову и опустила руки по бокам.

— Так-то лучше. — Гнев Хиро слегка отступил. — Почему вы позволили Дену спрятать вас вместо того, чтобы сказать правду?

— Я не хотела его обманывать, — сказала она.

— Вы делали это достаточно часто, если даже Масао поверил.

Джун покачала головой.

— Вы не понимаете. Ден был моим другом. До того момента, как я поняла, что он чувствует ко мне нечто большее... Он был милым. Я не хотела делать ему больно. Но много лет назад я решила, что никогда не стану женой простолюдина.

— Нет, вместо этого вы стали шлюхой самурая. — Хиро надеялся, что злость заставит девушку сказать правду. Разозленным людям очень трудно придумывать ложь.

— Я не шлюха. — Щеки Джун покрылись красными пятнами. — Сабуро собирался на мне жениться.

— Как вы собирались замуж за Дена? — Хиро помедлил, ожидая, когда слова впитаются. — Что случилось после того, как Ден с Сабуро повздорили?

— Сабуро ушел. Несколько минут спустя Ден проводил меня на кухню. Я надеялась, что Сабуро там меня и отыщет, но этого не случилось. Я уснула в комнате для слуг.

Утром вспомнила про поднос с едой и пошла его забрать. — Она прикусила нижнюю губу. — Тогда я его и нашла.

— И тогда заметили свою заколку в его крови, — сказал Хиро, — хотя думали, что никто её не заметит.

— Это не так. — Джун встретила взглядом и покачала головой. — Сначала я её вообще не увидела. Наверное, он вытащил её, когда гонялся за мной предыдущим вечером.

— Какие доказательства у вас есть против госпожи Нецуко?

— А кому еще это было нужно? — Вопрос прозвучал правдоподобно.

— Ден любил вас, — сказал Хиро. — Вы же заставили его думать, что Сабуро собирается причинить вам боль.

— Ден бы и мухи не обидел.

— Его признание говорит об обратном.

— Признание? — Лоб девушки покрылся морщинками изумления. — О чем вы говорите?

Хиро нашел её неведение любопытным.

— Ден покончил собой и оставил сообщение, где признается в убийстве.

Джун сделала шаг назад, качая головой.

— Это невозможно. Когда? Прошлой ночью с ним все было в порядке. Я видела его...

— Вы прошлой ночью виделись с Деном?

— После того как он вернулся из Оцу. Было уже поздно. Миеси-сан зашел на кухню и приказал мне отнести поднос в конюшню Дену. Ничего особенного, только рис и чай, хотя Ден, похоже, был и этому рад.

— Последняя пища. Он повесился ночью.

Девушка покачала головой.

— Он бы не стал этого делать. В этом нет никакого смысла.

— Как и в вашем обвинении в сторону госпожи Асикага.

— Может, все-таки Ден это сделал, — сказала Джун.

Хиро нашел забавным, что она так быстро переменяла свое мнение после того, как поняла, что те двое, которые могли подтвердить её действия в ночь убийства, мертвы.

— Я сказала вам правду. Вы должны мне верить.

Она бросила взгляд на здание бакуфу за его спиной.

— Вы все расскажете Хисахидэ?

— Имеете в виду, скажу ли я ему, что вы мне солгали? Или вы обеспокоены тем, что я раскрою ваш роман?

— Я потеряла единственного мужчину, которого любила, — сказала она. — Если не возражаете, я бы не хотела еще потерять работу и жизнь.

— Если вы рассказали мне правду, у вас нет причин для беспокойства, — сказал Хиро.

Она поклонилась.

Хиро развернулся, выскользнул из сандалий и вошел в здание.

Добравшись до приемной Сабуро (теперь это был кабинет Казу, по крайней мере на какое-то время), он отодвинул дверь и зашел внутрь, ощутив знакомый запах грушевого масла.

Казу поднял взгляд от стола, приветственно улыбаясь, но его улыбка исчезла, когда он увидел вошедшего Хиро.

— Не ожидал увидеть тебя сегодня утром.

— Ты позвал меня сюда, чтобы показать улики. — Хиро закрыл за собой дверь. — И у меня есть еще один вопрос. Конюх, Ден, повесился прошлой ночью.

Казу кивнул, но не улыбнулся.

— Я слышал новости. Стражники сказали, что он сознался в убийстве Сабуро.

— Хисахидэ прекратил расследование, — сказал Хиро.

— Но ты не согласен с его решением. — Казу покраснел. — Ты все еще считаешь, что это сделал я. Если бы я убил Сабуро, чего я не делал, ты правда думаешь, я убил бы невинного мальчишку, чтобы скрыть свое преступление? Хисахидэ закончил расследование, а это гораздо подозрительнее, чем все то, что сделал я.

Хиро был с этим согласен. К сожалению, в невиновности Казу он убежден не был. Хиро подозревал ложь в его словах, но Казу хорошо её замаскировал, поэтому, если он заподозрит, что Хиро ему не доверяет, это может основательно подорвать их взаимоотношения. Если только ложь Казу этого уже не сделала.

Синоби очень хотелось, чтобы рядом оказался отец Матео. Иезуиту бы удалось всё объяснить так, чтобы Казу понял. Но священник был ранен, а словарный запас Хиро подвел его.

И вся вина полностью лежала на Казу.

Гнев снова вспыхнул внутри Хиро.

— Если ты не хочешь, чтобы я тебя подозревал, рассказывай, где был в ночь убийства Сабуро.

Глава 37

— Я не могу тебе об этом рассказать. — Казу сжал челюсти.

— Не можешь или не хочешь? — спросил Хиро.

— В данном случае это одно и то же. — Казу вызывающе посмотрел на Хиро.

Хиро узнал этот взгляд. Он был именно таким же, когда восьмилетний Казу терпеливо выносил побои палкой, которая должна была оказаться на спине Хиро. Тогда Казу так ни в чем и не признался, как ни старалась бамбуковая трость переломить его позвоночник.

От этого воспоминания гнев Хиро испарился, и он задумался: а не покрывает ли Казу кого-то?

— А что насчет вчерашней ночи? — спросил он. — Где ты был, когда Ден вернулся из Оцу?

— Дома, спал, — ответил Казу. — Ушел сразу после разговора с тобой.

Хиро посмотрел на листы пергамента, лежащие на рабочем столе Казу. Крошечные иероглифы устремились вниз в идеально стройных вертикальных линиях. Каллиграфия Казу выдавала в нем умного и образованного человека. Никто в Ига и совсем мало кто в Киото мог сравниться с ним во владении кистью. Слова срывались с её кончиков так же легко, как снежинки с неба, а это давало повод недооценивать ту силу руки, что их выводила.

— Не стоит сравнивать мои записи с посланием Дена, — сказал Казу. — У меня гораздо лучше получается подделывать почерк, чем у тебя распознавать подделку.

Хиро нахмурился.

— Я думал не об этом.

— Может, тогда поделишься, о чем говорит тебе твоя интуиция?

— Как много тебе известно насчет признания Дена?

— Лишь то, что он его написал. Самого послания я не видел.

— Там был один изъясн, который может показаться тебе интересным. В сообщении было две строки с разным написанием, словно их оставили два разных человека. Первая строка оправдывает Масао, а во второй содержится признание в убийстве.

Казу подался вперед, проявив заинтересованность, несмотря на обиду.

— Какой кистью написано?

— Не кистью, — ответил Хиро, — обугленной деревянной палочкой. Она лежала рядом на полу под оставленным сообщением.

— Значит было довольно легко добавить еще одну строку, — сказал Казу. — В какой из них буквы были написаны неаккуратно? Ден был не очень образованным юношей. У него не доставало точности.

— Буквы во второй строке кажутся крупнее, — сказал Хиро, — и чуть небрежнее написаны, но ненамного. Если кто-то что-то добавил в послание, он — или она — попытался имитировать почерк автора.

— А что сказал Масао?

— Заявил, что все написано рукой Дена.

Казу покачал головой.

— Значит именно Масао и внес добавление.

— Не обязательно, но похоже на то.

— Чтобы это установить, тебе моя помощь была не нужна, — сказал Казу. — Зачем явился вместо того, чтобы допрашивать Масао?

Хиро косо посмотрел на Казу.

— Хисахидэ считает, что вопрос закрыт. Вообще-то, он приказал мне покинуть сегунат.

— Но ты этого не сделал. Пришел сюда.

— Хисахидэ разрешил мне прийти и сказать, что тебя больше никто не подозревает.

Казу криво улыбнулся.

— Хотелось бы мне, чтобы ты так и поступил... чтобы подчинился приказу Хисахидэ и пошел домой. Однако, ты так не сделал. Не сдаешься до победы.

— Дело не в победе, — сказал Хиро. — Если убийца работает на господина Оду, сегун все еще в опасности...

— С каких пор ты начал проявлять заботу о сёгуне? — поинтересовался Казу.

— Я думаю о том, как бы господин Ода не начал войну в Киото. — Беспокойство об отце Матео тугим узлом стянуло внутренности.

— Никакой войны не будет, — сказал Казу. — Сёгун в безопасности. Хисахидэ удвоил стражу и планирует увеличить её еще.

— А тебя это не беспокоит? — спросил Хиро. — Тем более после того, как он внес изменения в расписание.

— Хисахидэ этого не делал. Сравнив почерки, я понял, это не он. — Казу покраснел. — Изменения были внесены самим сёгуном. Прости... Я должен был узнать его почерк, но сёгун никогда прежде не писал в журналах Сабура. К тому же эти изменения так сильно меня поразили, что я даже подумать не мог на руку сёгуна Асикаги.

— Ты уверен? — уточнил Хиро.

Казу кивнул.

— Прости. Мне не следовало тебя во все это втягивать. Хочешь провожу тебя до ворот?

— Не стоит отвлекаться от работы. Дойду сам.

Хиро поклонился и вышел, радуясь, что Казу за ним не идет.

У синоби не было намерений покидать комплекс.

Задвинув за собой дверь, Хиро услышал характерный стук стамески. Он поспешил на звук.

Хиро был уверен, что Озуру знал несколько больше о той ночи, когда убили Сабура, чем рассказал, а смерть конюха стала поводом возобновить разговор.

Синоби приостановился у входа в большую приемную и вдохнул насыщенный аромат кедра и свежей сосны. В другом конце комнаты спиной к Хиро стоял Озуру. Других плотников синоби не видел. Новые опорные балки были установлены и частично покрыты потолочными рейками. С южной стороны работа была не закончена, вероятно, там предполагалась установка резной ширмы.

Сама она лежала напротив на деревянных козлах. Именно над ней склонился Озуру, сосредоточившись на работе. Он стучал по стамеске деревянным молотком, а нежные кусочки дерева откалывались от ширмы и падали на пол с шорохом опавших листьев.

Хиро вошел в комнату. Не успел он дойти до Озуру, как плотник обернулся и поклонился. Синоби постарался скрыть свое удивление тем, что тот расслышал его шаги.

— Доброе утро, Мацуи-сан, — сказал Озуру. — У вас ко мне появились еще вопросы?

— Хотел поинтересоваться насчет резьбы, — сказал Хиро. Не совсем то, о чем синоби хотел спросить, но это первое пришло ему в голову, когда он оправился от удивления.

— Об этом? — Озуру проследил глазами за взглядом Хиро, нацеленном на резьбу из дерева. — Мне следовало закончить её несколько дней назад, но стража больше не позволяет мне работать допоздна. Приказано, как и всем, уходить после заката.

Он обвел рукой пустую комнату.

— Поэтому сегодня нет моих помощников. Мне нужно немного поработать в тишине.

Хиро бросил взгляд на мозолистые руки плотника.

— А вы любите свою работу.

— Дерево разговаривает со мной, — улыбнулся Озуру. — Наверное, для самурая это звучит странно.

— Мой отец писал пейзажи. — Это было правдой. — Он говорил, что чернила могут говорить с тем, кто готов слушать.

Озуру кивнул.

— Очень похоже на слова мастера... как и самурая. — Он стряхнул торчащие из резьбы щепки.

— Он часто говорил, что рисование напоминает ему о хрупкости жизни.

Озуру понимающе посмотрел на Хиро.

— Я слышал о самоубийстве молодого конюха. Пожалуйста, простите меня за прямоту. Я очень ценю вашу вежливость, но сёгун накажет меня, если я сегодня не закончу свою работу. Еще раз прошу прощения, но если у вас есть ко мне вопросы, пожалуйста, задавайте их прямо.

— Ночью, когда погиб Сабуру, из комплекса вас выпустил Ден, — сказал Хиро.

— Все верно, — сказал Озуру.

— Перед самоубийством юноша признался в убийстве Асикаги Сабуру.

Озуру бросил взгляд Хиро за спину, потом оглянулся сам, словно проверяя, что никто не вошел в комнату, и тихо сказал:

— Мне все равно, в чем он там признался. Мальчишка самурая не убивал.

Глава 38

— Почему вы решили, что Ден не убивал Асикагу Сабуру? — спросил Хиро.

— Потому что Асикага-сан был жив, когда мальчишка той ночью уходил от него, — ответил Озуру.

— Ден был в кабинете Асикаги Сабуру? Во сколько? Почему вы раньше об этом не упоминали?

Плотник не выказал никаких эмоций.

— Я не думал, что меня касается хронология действий Асикага-сан в ту ночь, когда его убили.

— Я сделаю так, чтобы это вас коснулось, — сказал Хиро, обратив внимание на необычную формулировку фразы Озуру. — Расскажите все, о чем слышали и что видели той ночью.

И можете работать, пока говорите.

Озуру с ленцой провел большим пальцем по рукояти долота.

— После моего... разговора... с Асикага-сан, я вернулся к работе и постарался производить как можно меньше шума. Надеюсь, что Асикага-сан уедет домой и оставит меня в покое.

Примерно через два часа после заката до меня донеслись голоса из кабинета Сабуру-сан. Он с кем-то спорил.

— С кем? — спросил Хиро.

Озуру покачал головой, устанавливая стамеску и примериваясь к ней молотком.

— Не знаю. Асикага-сан был единственным, кто кричал. Спор длился две или три минуты. После этого я ничего больше не слышал. Почти все к тому времени уже ушли.

Спустя час мимо прошел Миёси-сан, похоже, направляясь на кухню.

Озуру постучал молотком по стамеске, отправив на пол очередные деревянные хлопья.

— Миёси Акира? — уточнил Хиро. — Он был здесь?

— Да. Со мной он не разговаривал. Сомневаюсь, что он вообще заметил моё присутствие. — Озуру взмахнул молотком. — Если я не произвожу ни звука, большинство самураев вообще меня не замечают.

— Некоторое время спустя мимо пронеслась служанка, а за ней Асикага-сан. — Озуру покачал головой. — Мужчина в его возрасте не может компрометировать свое достоинство, гоняясь за глупыми девицами.

Он замолчал, будто ожидая, что Хиро отчитает его за столь неуместное замечание.

— Что было потом? — спросил синоби.

— Какое-то время спустя я услышал, как Асикага-сан вернулся, ругаясь себе под нос. — Озуру пробежал пальцем по резьбе, проверяя шероховатости. — Я спрятался за ширмой. Не знаю, что его расстроило, но мне не хотелось, чтобы на меня накричали второй раз за вечер.

— Во сколько это было?

— Через четыре часа после заката? — Ответ прозвучал скорее как вопрос. — Может, чуть раньше. Я поработал еще и только потом понял, что уже очень поздно. Прямо перед уходом я услышал чьи-то шаги со стороны кабинета Асикага-сан, но очень тихие, как будто кто-то не хотел, чтобы его услышали. И я опять спрятался за ширмой... мне хватает ума не попадаться на глаза, когда не надо.

Это был молодой конюх, и он тихо плакал. Прошел мимо комнаты и исчез.

— Почему вы уверены, что он плакал? — спросил Хиро.

Озуру показал на котлы у двери.

— Когда работаю, всегда зажигаю огонь. Вот и увидел, что глаза у него блестят.

— Что дальше?

— Я выждал несколько минут и пошел домой. Конюх открыл мне ворота. Я не сказал, что видел его в здании.

— Он мог вернуться в кабинет Сабуру после того, как вы ушли, — сказал Хиро.

— Нет, — ответил Озуру, — он был подавлен, а не разозлен. Полагаю, он увидел нечто, чего не хотел, но случившегося уже было не изменить.

— Как думаете, что он видел? — Хиро было интересно, знает ли плотник про Джун и Сабуру.

— Ходили слухи, что парнишка был влюблен в любовницу Асикага-сан, — сказал Озуру. — Такая влюбленность никогда хорошо не заканчивается. Мне кажется, той ночью она прошла.

— Это очень веский мотив для убийства.

— Для самурая, возможно. Но не для конюха.

Хиро поблагодарил Озуру и поспешил в конюшню. Ему нужно было поговорить еще кое с кем, и он надеялся успеть это сделать до того, как вернется Хисахидэ.

* * *

Хиро застал Масао стоящим на коленях рядом с телом Дена. Юный конюх лежал на спине, руки были вытянуты вдоль тела, одежда расправлена, словно он спит.

Хиро опять обратил внимание на необычные темные пятна на носу и пальцах трупа. Он сделал глубокой вдох, но не почувствовал ничего, кроме обычного запаха конюшни.

Масао обернулся на звук шагов. Встал и поклонился. Выпрямившись, он бросил взгляд за спину Хиро, словно желая убедиться, что тот пришел один.

— Спасибо. — Масао показал на тело юноши. — Вы и не представляете, как много для меня значит то, что вы его сняли.

— Ден знал, что он ваш сын? — спросил Хиро.

Пораженный Масао отступил на шаг назад.

— Он не был... — Его плечи поникли. — Он был моим племянником. Как вы догадались?

— Ваше поведение до его гибели предполагало, что вы родственники, — сказал Хиро. — А ваше горе это подтвердило.

— Он никогда не знал. — Масао покачал головой. — Я хотел ему рассказать, очень много раз хотел, но моя сестра взяла с меня обещание не говорить. Она не хотела, чтобы он знал, что его мать была проституткой.

Хиро не стал спрашивать, почему сестра Масао работала в увеселительном квартале. Вопрос был неуместным, а ответ довольно простым, чтобы и самому догадаться. Порой родители продавали своих дочерей, когда не могли их содержать, особенно если год был неурожайным и они не могли погасить свои долги. Но какие-то девушки шли туда добровольно, надеясь на удачу, хотя, судя по комментариям Масао, его сестра была не из последних.

— И Ден никогда не спрашивал?

— Он считал себя сиротой.

Хиро посмотрел на тело.

— Его мать знает, что он умер?

— Еще нет. — Масао сжал челюсть и покачал головой. — Он был её единственным ребенком.

Хиро перевел взгляд с юноши на нацарапанное углем послание.

— Когда он научился писать? Кто его научил?

— Я, — ответил Масао, — деревянными палочками и щепками. Когда урок заканчивался, мы их сжигали.

— Зачем прятать улики? — поинтересовался Хиро. — Простолюдинам разрешается читать и писать.

— Мы не скрывали, хоть и немногие об этом знали. Только дурак хвастается своими умениями, которые превышают его статус.

Хиро понимал ценность знаний, хранимых в тайне. Глядя на буквы, нацарапанные на колонне, он не сомневался, что послание было написано двумя людьми. И он подозревал, что оба до сих пор находятся в конюшне.

— Мне кажется, спор Дена с Асикага-сан был куда сильнее, чем он вам рассказал, — надеясь на результат, пошел окольным путем Хиро. — То, что вы описали, вряд ли потянет на убийство.

— Я рассказал все, что знал, — ответил Масао, — хотя Асикага-сан был не очень приятным человеком, когда злился. Возможно, Ден убил его в целях самозащиты.

Хиро показал на послание.

— Мне это не кажется описанием самозащиты. Ден был вспыльчивым?

— Обычно нет, — ответил Масао.

— Даже из-за Джун? Она отвечала ему взаимностью?

Масао посмотрел на тело Дена, но тут же отвел взгляд.

— Она была добра к нему, хотя и не могу сказать, что знала его достаточно хорошо, чтобы понять, что чувствует к нему. Ден был не из тех, кто станет говорить о своих чувствах, пока все сам не поймет. К тому же он знал, что не может жениться до тех пор, пока не закончит обучение.

Хиро подумал о ранах отца Матео и скором возвращении Хисахидэ. Синоби не мог позволить себе медлить. Пришло время заставить старшего конюха проявить себя.

Он ступил на деревянный помост, взял чайник и приоткрыл крышечку. Затхлый запах использованных чайных листьев вкупе со сладковатым ароматом совершенно точно сказал синоби о том, как умер Ден.

— Скажите, а что бы вы стали делать, если бы опиум его не прикончил?

Глава 39

— Опиум? — Масао выглядел испуганным. — О чем вы говорите? Это же просто чай.

Хиро наклонил чайник. На дне еще оставалось примерно на дюйм чая, но когда он стек вбок, на фарфоре показалось темно-коричневое пятно. По мере того как опиум все больше оставался на открытом воздухе, приторный запах становился насыщеннее.

— В чае опиум, — подтвердил Хиро. — Весьма ненадежный способ убийства, если ты не можешь заставить жертву его выпить. А вы единственный, кто был здесь с Деном прошлым вечером.

Хиро не верил, что Масао убил племянника, но предпочитал основываться на фактах, а не предположениях.

— Где бы я мог взять опиум? — спросил Масао.

— У вас брат работает аптекарем, — ответил Хиро. — Вы запаслись опиумом в ночь убийства Сабуро или заставили Дена везти свою смерть из Оцу?

— Если бы вы не были самураем, я бы вас убил. Ден был мне почти как сын, которого у меня никогда не было. — Масао посмотрел на тело племянника. — Почему вы подумали про яд? Мне кажется, что он просто повесился.

Хиро поставил чайник. Он хотел, чтобы во время объяснения его руки были свободны на случай, если придется доставать меч.

— Цвет его носа и рук говорит об удушении, но не через повешение. На горле нет никаких признаков. Ден был мертв, когда его засунули в петлю. Вопрос в том, не вы ли завязали веревку вокруг его шеи? Масао сжал кулаки.

— Обвините меня еще раз, и я вас убью невзирая на статус.

— Когда вы дописали признание? — спросил Хиро.

Масао разжал кулаки и посмотрел на колонну.

— Я не дописывал. — Спустя мгновение, он признался: — Я дописал первое предложение... то, которое обо мне. Когда я проснулся и увидел слова на колонне, испугался, что сёгун обвинит меня в том, что Ден оказался втянут в преступление.

— И вы уверены, что часть с признанием написал сам Ден?

— Я так подумал... — Масао снова посмотрел на колонну. — Но если он был убит... Я решил, что признание выглядит странным, потому что Ден был напуган. По правде говоря, на почерк Дена это совсем не похоже, однако я боялся в этом признаться. Мудрый человек не станет спорить с самураем.

Конюх повернулся к Хиро.

— Я не понимаю. Я же тоже пил этот чай. Почему я остался жив?

— Вы гораздо крупнее Дена. Как много вы выпили? — спросил Хиро.

— Чуть-чуть, может, полчашки. — Масао показал на чайные чашки размером с яйцо, стоящие возле чайника. — Пил в основном для того, чтобы просто составить Дену компанию, пока он ел.

— Смертельную дозу вы не приняли, хотя кто-то наверняка этого хотел. — Хиро взял в руки чайник и принялся к содержимому. — Если бы вы его допили, тоже умерли бы. Сладковатый привкус не заметили?

— Ден любил, когда чай был сладковатый. Джун иногда тайком приносила ему такой. Я за обедом пил саке... поэтому ничего не заметил.

— Кто бы ни убил Дена, он намеревался прикончить и вас. Так что, если вы знаете что-то, что поможет установить личность убийцы, предлагаю рассказать об этом незамедлительно.

Масао, похоже, отвечать не собирался.

Хиро поставил чайник и поднялся на помост. Посмотрел на тело Дена, прекрасно понимая, что старый конюх проследит за его взглядом.

Смерть сделала Дена совсем юным.

Хиро очень хотелось бы знать, был ли Ден участником заговора или просто стал невинной жертвой.

— Тем вечером, проводив Джун на кухню, Ден в конюшню не вернулся, — медленно проговорил Масао. — Он спрятался во дворе, чтобы убедиться, что Аскага-сан не побеспокоит девушку снова. Но Джун не осталась на кухне. Она отправилась в особняк, в кабинет Асикаги-сан. Ден пошел следом и стал подслушивать под дверь.

— Могу догадаться, что он услышал, — сказал Хиро.

Глаза Масао покраснели от невыплаканных слез.

— Это просто раздавило его. Он сказал, что ходил несколько часов по округе, всё плакал. — Конюх покачал головой. — Поэтому я сразу поверил в самоубийство, в то, что Ден сам написал признание, несмотря на то, что почерк не обычный. Я отослал его из города из-за ссоры, но когда на следующее утро услышал про убийство, задумался, не Ден ли убил Асикагу-сан.

Прошлой ночью, когда Ден вернулся, он все отрицал. Но когда я увидел его утром... и это признание...

Масао, не в силах закончить, сжал челюсти.

Хиро решил не усугублять горе конюха новыми обвинениями. Он не исключал участие Масао в заговоре против сёгуна и не желал говорить что-либо, что могло бы помочь противнику кем бы тот ни был. Хиро ощутил вспышку мрачного веселья. Инстинктивно, он рассматривал убийцу с точки зрения синоби, который обязательно убьет виновного.

Ключ к расследованию будет найден гораздо раньше, чем мишень поймет, что за ней идет охота.

* * *

Направившись домой, Хиро надеялся, что отец Матео отдохнул достаточно, чтобы обсудить ход расследования. Ему была нужна интуиция иезуита.

На террасе синоби застал Ану, отмывающую с пола кровь. Она подняла на него взгляд.

— Хм. Решил все-таки вернуться? — Женщина махнула на дом. — Отцу Матео нужна твоя помощь.

Иезуит лежал на своем футоне в том же окровавленном кимоно, что и вчера. Хиро молча выругал себя за то, что не помог священнику переодеться. В любом японском доме эта обязанность была возложена на экономку, но синоби совершенно забыл, что иезуит не позволит женщине увидеть себя обнаженным.

Когда Хиро вошел в комнату, отец Матео выдавил улыбку.

— Я рад, что ты вернулся. Боюсь, что раны начали гноиться.

Синоби глубоко втянул носом воздух, пытаясь почуять запах инфекции. Но уловил лишь аромат целебных трав и сладость зеленого чая с опиумной ноткой, что мысленно вернуло его к трупу в конюшне сёгуна.

Сзади к нему приблизились легкие шаги.

— Ана, — не оборачиваясь сказал Хиро, — мне нужна соленая вода, чистые бинты и моя аптечка.

Кимоно экономки зашелестело, когда Ана почти неслышно удалилась. Потребности любимого священника заставляли молчать даже её язвительный язык.

Хиро опустился на колени рядом с отцом Матео и принялся осматривать рану на шее. Иезуит чуть повернул голову, отчего кожа растянулась и корочка на ране треснула. Выступила кровь. Отец Матео вздрогнул, и капли крови потекли по шее.

— Не натягивай, — сказал Хиро. — Раны снова откроются.

— Думаю, уже открылись, — сказал отец Матео, когда его лицо снова обратилось к потолку.

Хиро обратил внимание, что кожа вокруг раны нормального здорового оттенка.

— По крайней мере на шее инфекции нет. Если постараться, чтобы рана там не кровила, то даже шрама не останется. — Хиро улыбнулся. — Хотя, с другой стороны, многие женщины считают, что шрамы украшают мужчину.

— Постараюсь запомнить. — Отец Матео прикрыл глаза. — Я больше переживаю за руки. Несмотря на твой лечебный чай, они болят сильнее, чем, как мне кажется, должны.

Хиро размотал бинты на левой руке священника, которая казалась вдвое больше обычного размера. Следы укусов выглядели более воспаленными, чем вчера, но гноя Хиро не увидел. Раны были затянуты бледной тонкой кожей. Травы Хиро и отсутствие доступа воздуха не позволили коростам сильно засохнуть, но ткань при этом выглядела здоровой.

Отец Матео открыл глаза.

— Попала инфекция?

Хиро покачал головой.

— Пока нет.

Он разбинтовал правую руку. Она казалась менее опухшей, чем левая, но чувствовалось, что кожа вокруг укусов горячая на ощупь.

Отец Матео медленно выдохнул.

— Она выглядит лучше левой. Может быть, инфекции и нет совсем.

Хиро подумал над тем, чтобы соврать, но вспомнил о своем обещании не обманывать священника.

— Эта рука меня как раз и беспокоит. Мне нужно удалить коросты и промыть рану под ними. Будет больно, но это единственное, что может предотвратить инфекцию.

— Боль меня не убьет, — сказал отец Матео. — А вот инфекция может. Делай, что считаешь нужным.

Глава 40

Когда Ана принесла воду и остальные вещи, Хиро открыл аптечку и достал пакетик с опиумом.

Отец Матео покачал головой.

— Не надо.

— Это успокоит боль, — сказал Хиро.

— Я могу потерпеть. Облегчение не стоит риска.

Хиро приподнял сверток.

— Ты знаешь, что это?

— Я останавливался в Макао по пути в Японию. — Отец Матео бросил взгляд на конвертик. — Видел, что опиум делает с людьми. Так что я бы предпочел боль привыканию.

Хиро убрал пакетик и достал пару других. Он показал их священнику.

— Сушеная ива и конский каштан. Не так эффективны, но и не вызывают привыкания.

Синоби протянул пакетики Ане.

— По шепотке в каждый чайник с чаем и добавь сахар, чтобы уменьшить горечь. Пакетики оставь себе. Он будет принимать эти средства несколько дней, но не чаще чем раз в четыре часа.

Ана кивнула и вышла из комнаты.

Хиро добавил антисептик в воду и подержал конец чистой ткани над паром. Как он и надеялся, вода была очень горячей.

Хиро поднес ткань к ранам, и отец Матео закрыл глаза и сжал зубы в ожидании боли. Синоби восхитился силой воли священника.

Хиро вдохнул пар, поднимавшийся от бинта, который он приложил к правой руке. Но почувствовал лишь соль и запах лекарств с металлическим привкусом крови.

Он сделал еще вдох, пытаясь учуять сладковатый запах гниения. Но ничего не услышал. Если инфекция и попала в рану, то заражение еще пока не началось.

Хиро на время приложил ткань к ране, чтобы размягчить коросты, дабы было легче их убрать и протереть кожу вокруг. Отец Матео вздрогнул, но не промолвил и слова.

Покрасневшая плоть под корками выглядела воспаленной, но не зараженной. Синоби смочил тряпочку в воде и прижал шелк к ране. Дыхание отца Матео выровнялось.

Секунду или две Хиро к нему приглядывался, удивленный тем, что иезуиту знакома техника дыхания по укрощению боли. Он промыл последние раны и оставшимся шелком перебинтовал священнику руки.

Когда Хиро завязал последний узелок, отец Матео открыл глаза.

— Ты нашел убийцу Асикаги Сабуро? — поинтересовался иезуит. — Я бы очень хотел тебе помочь вместо того, чтобы просто лежать здесь.

— Мне пригодилась бы твоя помощь, — ответил Хиро. — Мне кажется, преступник снова убил.

— Что? — Отец Матео попытался сесть, но без помощи рук у него ничего не вышло. — Что случилось?

Хиро сложил одеяло у деревянной спинки и помог иезуиту принять сидячее положение. Потом рассказал про "самоубийство" и кратко пересказал свои диалоги с Озуру и Джун.

Отец Матео посмотрел на Хиро с благодарностью.

— Спасибо. Сидеть очень удобно. — Он нахмурился. — Если Ден мертв, он не сможет сказать о том, что видел в ночь убийства. Это подозрительно и говорит скорее о том, что его убили, а не о том, что он покончил собой. Кроме того, если Ден хотел бы себя убить, он не стал бы подсыпать яд в чай.

Хиро задумался, и эта оплошность удивила его.

— Предположим на мгновение, что Масао его выпил, — продолжил отец Матео. — Мы знаем, кто заваривал чай?

— В конюшню его принесла Джун.

— Что подтверждает правдоподобность подозрений леди Нецуко. — Отец Матео улыбнулся в ответ на удивление Хиро. — Бумажные стены и открытые стропила не оставляют места для приватности. Вчера, перед тем как уснуть, я слышал часть разговора.

— Но где бы служанка могла достать опиум? — спросил Хиро. — К тому же, он мало известен в качестве отравляющего вещества.

— Любому аптекарю известны его свойства, — сказал отец Матео. — А если он в курсе, то покупателю это совсем не обязательно. Гораздо важнее вопрос, достаточно ли девушка сильна, чтобы подвесить тело. Из того, что видел я, сильно сомневаюсь.

— Значит она принесла яд по чьему-то приказу, — сказал Хиро. — Но кто это был? И кто написал признание в убийстве?

— Я знаю, ты не рассматриваешь Масао в качестве подозреваемого, но он достаточно силен, чтобы подвесить тело, и спокойно мог бы подсыпать яд в чай так, чтобы Ден не увидел. У нас есть только его слова, что он сам пил чай, но он уже соврал нам чуть раньше.

— Масао дядя Дена, — сказал Хиро. — Его горе было неподдельным.

— Мне бы хотелось верить, что это всё меняет, — сказал отец Матео, — но если Масао участвует в заговоре Сабуро... или даже пытается его предотвратить... ему нужен кто-то, кто бы взял вину на себя.

Глаза иезуита распахнулись.

— Что, если Сабуро вовлек Дена в свой заговор? Масао мог убить их обоих, чтобы спасти сёгуна.

— Возможно, — сказал Хиро, — но как-то сложно, особенно учитывая, что мы даже не знаем, в чем именно состоит заговор. Сначала я предпочел бы ответить на вопросы попроще.

— Например, про женскую ревность? — поинтересовался иезуит.

— Именно.

— Вопрос также в том, кто именно из женщин. — Отец Матео потер руки о колени. — И Джун, и Нецуко обвиняют друг друга, и в словах каждой есть крупинцы истины.

— Никто не видел Нецуко в сёгунате той ночью, когда умер её муж, — сказал Хиро. — Это, в совокупности с отравленным чаем, бросает подозрения на Джун. К тому же служанка солгала нам, а вот Нецуко нет.

— Мы в этом точно уверены? — спросил отец Матео. — Что, если Сабуро все-таки собирался развестись с женой и жениться на Джун, а Нецуко об этом узнала? Она могла пообещать Дену награду за то, что он убьет её мужа.

— Но это не объясняет убийство Дена, — сказал Хиро.

— Ты предполагаешь, что одно связано с другим.

— Их связывают улики, — продолжил Хиро, — и я не верю в то, что Нецуко убила Дена.

— Джун недостаточно сильна, чтобы подвесить тело, — сказал отец Матео. — Если женщина в этом и участвует, то только в сговоре с кем-то еще.

— Мне нужно еще раз поговорить с Нецуко, — сказал Хиро.

— Хотел бы я пойти с тобой.

Хиро улыбнулся.

— Нужно дать твоим укусам время затянуться.

— Если на некоторое время исключить женщин, кого, кроме Масао, мы еще подозреваем?

— Какое-то время я подозревал Хисахидэ. — Хиро рассказал про книгу с расписанием, включая признание Казу, что изменения внес сам сёгун. — Так что пока двое: Озуру и Масао.

— Есть еще один, про которого ты забыл, — сказал отец Матео.

Хиро знал, кого священник собирался назвать, и ему очень не хотелось соглашаться с иезуитом.

Глава 41

Хиро не стал ждать, когда отец Матео назовет имя.

— Ты говоришь о Казу.

— Прости, я знаю, что он твой друг.

— Верно, — согласился Хиро, — и я очень надеюсь, что он не соврал.

Вернулась Ана с чайником в руках. Она опустилась на колени, чтобы налить иезуиту чай, и Хиро услышал запах икебанчая. Травянистый аромат почти скрывал горечь порошка из ивовой коры. Хиро надеялся, что дорогой чай замаскирует горьковатый лекарственный привкус, хоть и не уловил никакого намека на подсластитель.

Запах лекарств стал еще отчетливее, когда Ана наполнила дымящейся жидкостью фарфоровую чашку размером с яйцо.

Отец Матео нахмурился.

— Ана, воровать нехорошо... даже у Луиса. Это его чай.

— Хм. — Ана поднесла чашку к губам иезуита. — Он не запрещал.

Хиро решил не говорить, что отсутствие запрета не является разрешением.

Отец Матео сделал глоток. Потом поморщился.

— Ужасный вкус.

Глаза Аны распахнулись. Она схватила чайник и помчалась на кухню.

— Она забыла про сахар, — хихикнул Хиро.

— Ничего смешного, — отозвался отец Матео. — Вкус у него просто мерзкий.

Хиро постарался задушить в себе смех.

Ана вернулась в комнату, неся поднос со сладкими рисовыми шариками.

— Это прогонит горечь.

Хиро потянулся к подносу, но Ана убрала его из зоны досягаемости синоби.

— Хм. Не для тебя. Ты смеялся.

Она поставила поднос на пол рядом с иезуитом.

— Чай принесу сразу же, как закипит вода. Вам не придется пить его теплым из-за моей ошибки. —

Она сердито глянула на Хиро и вышла из комнаты.

Синоби пожал плечами.

— Думаю, что отправлю леди Нецуко сообщение.

— И она с тобой встретится? — Отец Матео поднес шарик ко рту, что с забинтованными руками было сделать непросто. — Ты говорил, что Хисахидэ поставил точку в расследовании.

— Кажется, Нецуко совершенно точно уверена, что Джун замешана в убийстве Сабуро, — сказал Хиро. — Если она не согласится с тем, что Ден действовал в одиночку, думаю, она будет рада моему приходу.

— А если она примет решение Хисахидэ? — спросил отец Матео.

— Пока Нецуко верит, что я подозреваю Джун, думаю, она со мной встретится.

Хиро вернулся в свою комнату и написал короткую записку леди Асикага. Он обдумал ее дважды, прежде чем остановиться на окончательном варианте, который и начертал на пергаменте. Когда письмо было закончено и чернила высохли, он дал сыну соседа медную монетку, чтобы тот доставил послание по месту назначения.

В ожидании ответа синоби в очередной раз прошел по уликам.

Письмо к Сабуро говорило про заговор против сёгуна, как и признание Дена. Измененное расписание было признаком того, что сёгун что-то заподозрил, хотя точно Хиро не мог сказать, было ли это сделано, исходя из точного знания, или просто из предосторожности. К сожалению, он также не знал, действительно ли записи изменил сёгун или Казу солгал на этот счет.

Хотелось бы ему знать, кого защищает Казу.

Едва закончив эту мысль, Хиро проварился в сон.

Две ночи без сна, наконец, взяли своё.

* * *

Из сна Хиро вырвал стук в дверь. Он оторвал голову от стола и вытер ниточку слюны. Встал и расправил кимоно. Леди Асикага могла ответить на его письмо личным присутствием.

Мгновение спустя Хиро услышал, как открылась входная дверь и Ана пробормотала приветствие.

Синоби пересек комнату и открыл дверь как раз тогда, когда Асикага Ичиро говорил экономке:

— Я пришел поговорить с Мацуи Хиро.

Хиро вышел в гостиную и поклонился, когда Ана пустила Ичиро в дом.

Ичиро вернул поклон, достаточно глубокий, чтобы признавать синоби за равного. Учитывая принадлежность юноши к клану сёгуна, для Хиро подобный знак уважения выглядел удивительным.

— Пожалуйста, садитесь. — Хиро показал в сторону очага.

Ана поклонилась и направилась на кухню, без всяких сомнений намереваясь совершить третий за день набег на запасы Луиса.

Ичиро бросил взгляд на очаг, но покачал головой.

— Может быть, вы со мной пройдётесь?

Хиро постарался скрыть свое удивление на столь взрослое построение фразы. Что бы юноша ни собирался сказать, он хотел, чтобы никто его не услышал.

— Не возражаете? — уточнил Ичиро. — Сейчас дождь не идет. Во всяком случае, не сильно.

— Я ничего не имею против легкого дождика. — Хиро жестом показал на дверь и проследовал за Ичиро к выходу.

Синоби ступил с крыльца и скользнул в сандалии. Ичиро последовало его примеру, и они направились по гравийной тропинке к дороге. Хиро прислушался, не залает ли соседская собака, но всё было тихо. Вероятно, жена уже пришла в себя и муж смог вернуться к работе.

Хиро с Ичиро шли по дороге Марутамати к реке. По небу бежали облака, через которые то здесь, то там просвечивала голубизна, словно буря не могла решить, остаться или двигаться дальше.

Хиро молчал. Ичиро заговорит, когда будет готов.

У храма Окадзаки из жаровен, стоящих по обе стороны от ворот, исходил приторный запах ладана от сандалового дерева.

Хиро постарался задушить рвущийся кашель.

— Вам не нравится запах ладана, — Ичиро улыбнулся. — Мне тоже. — Его улыбка исчезла. — Мама любит. Все время его жжет в надежде, что Kami почувствуют запах и откликнутся на её молитвы.

— О чем молится ваша мать? — спросил Хиро.

— О том же, о чем и всегда: за отца. Только теперь она возносит молитву за его душу.

Когда они дошли до реки, Ичиро свернул на тропинку, которая шла вдоль восточного берега. Хиро молча следовал за юным самураем.

Мост остался позади, и Ичиро сказал:

— Мицунага Хисахидэ говорит, что Ден, молодой конюх, убил моего отца, но действовал при этом в одиночку. Вы этому верите?

— А вы? — поинтересовался Хиро.

— Я видел ваше сообщение. Зачем вы хотите встретиться с моей матерью?

— Она просила меня держать её в курсе, — ответил Хиро, решив не продолжать отвечать вопросом на вопрос.

— Я вам не верю, — Ичиро остановился. — Самурай не отчитывается перед женщиной. Кроме того, расследование закончено, и вы освобождены от служения. Мицунага в своем сообщении это тоже отметил.

— Верно, но я не знал, что Мицунага-сан отправил послание вашей семье. Я просто хотел рассказать вашей матери о том, что расследование завершено.

— Вы обманываете. — Несмотря на невысокий рост, Ичиро каждым своим дюймом выглядел самураем. — Не надо опекать меня, потому что я молод. Я всё же наследник своего отца.

Он помолчал.

— Если только любовница моего отца не родила еще одного.

— Мне об этом ничего не известно. — Это, по крайней мере, было правдой.

— Но вам известно, что у отца была любовница. — Ичиро внимательно вглядывался в лицо синоби. Хиро было интересно, что именно юноша пытался там увидеть.

Он приподнял бровь, но промолчал.

— Моя мать знала, — сказал Ичиро. — Мне она рассказала только после смерти отца. Любовницу зовут Джун, она служанка в сегунате. Мать говорит, что это она убила отца.

Хиро растерянно заморгал. Прежде, чем он успел ответить, Ичиро продолжил:

— Но я не думаю, что это она убила. Думаю, это дело рук матери.

Глава 42

— По какой причине вы подозреваете свою мать? — спросил Хиро.

— Я не думаю, что она сама держала кинжал, — ответил Ичиро, — но она слишком быстро засомневалась в виновности Казу, словно знала, что его винить не стоит. А еще она не верит в признание Дена. Она попросила гонца от Хисахидэ дважды его перечитать.

Чуть позже, когда я попросил объяснить, почему она не верит, она вообще отказалась обсуждать эту тему. На неё это не похоже. Мне кажется, она знает, кто убил моего отца. — Ичиро бросил взгляд на реку. — Но если она этого не признает, не значит ли, что она замешана в преступлении?

Прежде чем Хиро успел что-то сказать, за их спинами по мосту застучали копыта. Удивленный синоби обернулся.

На всаднике была темно-синяя туника с гербом дома Асикага. Жеребец был облачен в доспехи сёгуна. Самурай как можно ниже склонился к холке лошади, все сильнее подгоняя животное. Мгновение спустя конь и всадники исчезли из вида, помчавшись дальше по дороге Марутамати по направлению к храму Окадзаки... и дому иезуита.

Хиро направился к мосту.

— Куда вы идете? — поинтересовался Ичиро.

— Тот всадник направляется к дому отца Матео.

Ичиро поспешил догнать синоби.

— Почему вы так решили?

— Ни один самурай не будет скакать так быстро, не имея на то причины, а единственный дом после храма Окадзаки, который может представлять интерес, — это дом священника.

* * *

Как и предполагал Хиро, лошадь курьера стояла на улице перед домом отца Матео. Самурая рядом не было, он, вероятно, находился внутри, оставив коня одного. Поводья свободно лежали на земле. Хиро слышал о лошадях, которые стояли не привязанными, но раньше такого не видел. Он задался вопросом, не Масао ли так натренировал животное.

Хиро поспешно прошел мимо лошади по направлению к дому. Ичиро следовал за ним по пятам. Прежде чем Хиро успел дойти до дома, дверь распахнулась.

На пороге появилась Ана, за спиной которой маячил гонец из сёгуната. Экономка показала на Хиро.

— Вот он Мацуи Хиро, — сказала она. — Я же говорила вам, что его здесь нет.

Гонец вышел на веранду и поклонился. Выпрямившись, он заметил герб на одежде Ичиро и поклонился еще раз, только ниже.

— Чем я могу вам помочь? — спросил Хиро.

Посыльный выпрямился.

— Мицунага Хисахидэ требует вашего немедленного присутствия в сегунате.

— Выхожу сию минуту, — ответил Хиро.

Курьер обулся, снова поклонился и поспешил к своей лошади. Хиро проследил за тем, как он запрыгнул в седло и галопом поскакал прочь по улице.

— Я иду с тобой, — стоя в дверях, сказал отец Матео.

Хиро обернулся и увидел иезуита рядом с Аной.

— Нет, — сказал Хиро. — Ты еще не поправился. Кроме того, ты, похоже, забыл, что отец Вилела запретил тебе появляться в сегунате.

— Только на время расследования, — не согласился отец Матео. — Но, если я не ошибаюсь, Хисахидэ пришел сегодня утром к выводу, что оно завершено.

— Сомневаюсь, что Миёси Акира сочтет это убедительным, — сказал Хиро.

— Мне все равно, что он будет думать. — Отец Матео шагнул с порога и обулся. — О тонкостях мы можем поспорить и позже. Я иду с тобой.

Хиро посмотрел на Ану в поисках поддержки, но экономка уже зашла в дом и закрыла дверь.

Отец Матео направился в сторону дороги.

— Я бы хотел продолжить наш разговор, — обратился Хиро к Ичиро. — Могу я отправить вам сообщение, когда закончу с делами в сегунате?

Ичиро зашагал в ногу с Хиро.

— Я пойду в сегунат вместе с вами.

— Хисахидэ может не пустить вас на встречу, — сказал Хиро.

Ичиро улыбнулся.

— Если встреча касается смерти моего отца, у него нет прав не пускать меня — наследника, который носит имя Асикага. Если придется, я напомним про своё положение.

* * *

В сегунате стража пропустила Хиро и остальных, не задавая вопросов. Гонец провел их прямо в кабинет Сабуро, где за столом хозяина восседал Хисахидэ.

Перед столом, спиной ко входу, на коленях сидели мужчина и женщина. Хиро не видел их лиц, но сразу узнал.

Масао и Джун.

Конюх сидел, повесив голову и опустив руки вдоль тела. Его плечи были опущены, мужчина не обернулся, когда Хиро с остальными вошли в комнату.

Хисахидэ перевел взгляд с Хиро на юношу и священника. В его глазах сформировался вопрос.

Синоби поклонился.

— Мы пришли как только смогли.

— Поспешность подразумевает под собой спутников? — спросил Хисахидэ.

Отец Матео поклонился.

— Мацуи Хиро служит мне. Принимая во внимание, что чуть ранее вы освободили его от службы, а сейчас снова вызвали, я обеспокоен тем, что его служба могла быть неудовлетворительной.

Хиро покосился на священника. Он всегда удивлялся, когда иезуит врал.

— Нет необходимости извиняться, — ответил Хисахидэ. — Уверю вас, деятельность Мацуи-сан была весьма приемлемой. Миёси Акира сказал бы вам то же самое, но сейчас он отлучился по другому делу. — Он обратил свой взор на Ичиро. — Здесь не место для ребенка.

— В данном случае я не ребенок, — отозвался Ичиро. — Ваш вызов предполагает новую информацию о смерти моего отца. Я пришел в качестве наследника и заявляю о праве на месть его убийце.

Джун оглянулась на Ичиро, потом взглянула на Масао. Конюх продолжал смотреть в пол.

— Вы все верно предположили, — сказал Хисахидэ. — Я узнал, что Ден не убивал Асикагу Сабуро. Это сделал конюх.

— Я никого не убивал. — Масао произнес это без всяких эмоций, словно понимая, что слова не произведут никакого эффекта.

Хисахидэ наставил палец на Масао, но смотрел при этом на Хиро.

— Как видите, у меня проблема. Он не сознается, несмотря на доказательства. Сёгун велел мне добиться признания... учитывая наше предыдущее убеждение в виновности Дена, было бы крайне неловко казнить невинного.

После долгой паузы, Хисахидэ повторил:

— Крайне неловко.

— Вы хотите, чтобы я помог вам получить признание? — уточнил Хиро.

— Масао заявляет, что вы можете подтвердить его невинность, — сказал Хисахидэ. — Он признается, что изменил признание мальчишки, но говорит, что никого не убивал.

— Именно так он мне и сказал. Почему вы думаете, что он обманывает?

Хисахидэ показал на Джун.

— Служанка видела его у кабинета Сабуро до или, возможно, после убийства. Масао убил Сабуро и воспользовался самоубийством своего ученика.

Джун умоляюще посмотрела на Хиро.

— Это правда. Я видела, как он крадучись шел мимо здания в то время, когда убили Асикага-сан. Я боялась признаться... после Дена... думала, что Масао и меня убьет.

Конюх с отвращением посмотрел на Джун.

— Она лжет. Она меня не видела. Меня там не было.

Глава 43

Масао продолжил:

— Я ужинал со своим кузеном, когда погиб Асикага-сан.

— Если ты невиновен, зачем сделал приписку к признанию младшего конюха? — требовательно спросил Хисахидэ.

— Я сказал вам правду, я сделал это, чтобы заявить о своей невинности, — ответил Масао. — Если я что-то и дописал, это не делает из меня убийцу.

— Зачем вам вообще понадобилось что-то дописывать? — спросил Хиро. — Невинный человек в себе уверен.

— Я испугался. — Масао посмотрел на Хиро. — Увидев Дена и его признание на столбе, я беспокоился, что ответственность возложат на меня. Ведь Ден был моим учеником. — В голосе конюха

появились умоляющие нотки. — Пошлите кого-нибудь в Оцу. Мой кузен работает там аптекарем. Он подтвердит, что я был с ним, когда убили Асикага-сан.

— Это лишь подтвердит, что он совет в твою пользу, — сказал Хисахидэ. — Сознавайся! Не позорь себя ложью.

— Это был он. — Джун ткнула в Масао пальцем. — Я его видела.

— Ты уверена, что видела именно Масао? — уточнил Хиро.

Джун кивнула. Щеки девушки вспыхнули.

— С чего мне убивать Асикага-сан? — Масао перевел взгляд с Хиро на Хисахидэ. — Я работаю здесь уже тридцать лет. Зачем мне менять преданность и безупречную репутацию на смертный приговор?

— Ты только что ответил на свой вопрос, — сказал Хисахидэ. — Твоя преданность обернулась твоим падением.

Масао растерянно отпрянул.

Хисахидэ взял со стола пергамент и протянул его вперед, хотя Хиро сомневался, что с такого расстояния Масао сможет разобрать, что там написано.

— Это письмо свидетельствует о наличии заговора против сёгуна, — сказал Хисахидэ. — А еще это говорит о том, что у Сабура был сообщник, кто-то, кто способен запустить внутрь комплекса убийц, посланных господином Одой.

Сначала я решил, что это кто-то из стражи, но потом понял, что охрана здесь вообще не причем. Кто как не конюх, ответственный за ворота, подходит на эту роль лучше всего?

Хисахидэ уставился на Масао, словно ожидая, что его слова сподвигнут того на признание.

Масао промолчал.

— Ты предатель, — сказал Хисахидэ, — но что гораздо хуже, ты трус. Ты узнал, что твой ученик вступил в сговор с Асикага Сабура, но не доложил о преступлении. Боялся, что мы возложим ответственность на тебя, поэтому убил Сабура и заставил ученика уехать из Киото.

Когда мы привезли юношу обратно, ты приказал ему покончить собой, прежде чем мы сможем предъявить вам обвинения в преступлении.

Объяснения Хисахидэ соответствовали уликам, но не полностью, с точки зрения Хиро в них содержалось слишком много допущений. К тому же на них совершенно не ложился почерк, но Хиро решил об этом не упоминать, по крайней мере сейчас.

— Все было совершенно не так, — сказал Масао. — Да, я дописал признание, но в остальном ни слова правды. О заговоре я доложил бы немедленно.

— Если Сабура убил не ты, тогда кто? — требовательно спросил Хисахидэ.

— Не знаю, — покачал головой Масао. Его плечи поникли. — Может быть, Ден.

— Это каким же трусом надо быть, чтобы обвинить ребенка в преступлении? — В голосе Хисахидэ прозвучало отвращение. — Его вина с тебя обвинения не снимет. Он был твоим учеником. По закону ты несешь за него ответственность.

Масао глубоко вздохнул.

— Это правда.

Хисахидэ торжествующе выпятил подбородок.

— Ну наконец-то признал вину. — Он хлопнул в ладоши. В двери появились два стражника.

Хисахидэ кивнул на Масао.

— Заприте этого убийцу в кухонной подсобке, поставьте охрану, пока сёгун не решит, какой способ смерти лучше всего подходит для таких трусов.

Масао встал и проследовал за стражей на выход.

Отец Матео открыл было рот, но первым заговорил Хиро:

— Как вы планируете оградить сёгунат от убийц господина Оды?

Синоби поймал взгляд отца Матео и слегка качнул головой, надеясь, что священник поймет, что сейчас не время для споров. Ярость самурая вспыхивает как огонь, сжигая все на своем пути.

— Стража сёгуна встретит людей господина Оды у городских ворот, — ответил Хисахидэ. — Мы не можем запретить посольству въехать в Киото, но сёгун в силах приставить к людям господина Оды эскорт. Я удвоил стражу у ворот комплекса и разместил лучников на всех башнях. Еще закупил у португальцев две сотни нового огнестрельного оружия и остаток дня проведу за подготовкой своих людей к защите комплекса. Учитывая опасность и заговор Сабура, сёгун попросил поддержки у лояльного клана Миёси.

— Могут ли люди за один день научиться обращаться с пищалями? — спросил Хиро.

— Они этому уже обучались, просто у меня не хватало оружия на всех. В данной ситуации сёгун решил покрыть все издержки.

Он посмотрел на Джун.

— Можешь идти.

Она поспешно встала, поклонилась Хисахидэ и быстро вышла.

Хиро проследил за ней взглядом.

— Уверены, что она говорит правду? Она уже несколько раз меняла показания.

— Как и конюх, — сказал Хисахидэ. — Из этих двоих у девушки меньше причин говорить неправду.

Согласно уликам, она не может быть убийцей.

Хиро решил ничего не говорить про почерк, заколку для волос и чай. Он уже видел, какие выводы делает Хисахидэ, основываясь лишь на предположениях, и не хотел подвергать опасности кого-либо еще... включая себя и священника.

— Когда сёгун казнит Масао? — спросил отец Матео.

Хисахидэ выглядел удивленным.

— Вы хотите присутствовать на его казни?

— В моей стране осужденным на смерть разрешают перед казнью поговорить со священником.

— Я советую вам больше не вмешиваться в это дело, — сказал Хисахидэ. — Сёгун казнит Масао публично во время присутствия в городе послов, чтобы показать господину Оде, что рыба всегда попадает в сеть.

* * *

Выйдя из сёгуната, отец Матео предложил Ичиро проводить его домой. К удивлению Хиро, юноша согласился.

— Я думал, буду чувствовать себя лучше, когда узнаю, кто убил моего отца, — сказал Ичиро, когда они повернули на юг, — но это не так. Это делает из меня слабака?

— Это делает из вас человека. — Отец Матео ободряюще положил руку на плечо Ичиро.

Хиро внутренне съежился из-за подобного нарушения этикета. Самурай не позволяет дотрагиваться до себя без разрешения. Если только не собирается ввязаться в битву.

Ичиро повернулся к отцу Матео и улыбнулся. Сын Сабуро может выглядеть и действовать как самурай, но все же пока он всего лишь ребенок.

Улыбка исчезла, когда глаза Ичиро покраснели. Он сжал челюсти и постарался не заплакать.

— Хотелось бы мне, чтобы это был не Масао, — наконец сказал он. — Я думал, что он мой друг. Но в конце концов... в конце концов, это не моя мать.

Отец Матео вопросительно посмотрел на Хиро.

Хиро в ответ покачал головой. Они могли обсудить это несколько позже. Синоби надеялся, священник не станет успокаивать юношу. Самураи не плачут на людях, Ичиро нужно собраться силами, чтобы восстановить над собой контроль.

Глава 44

На перекрестке дороги Марутамати, Ичиро поклонился Хиро и отцу Матео.

— Благодарю вас, что составили мне компанию, — сказал он. — И прошу меня извинить, но отсюда я хотел бы пойти один.

Они поклонились в ответ, и Ичиро направился на запад.

Отец Матео повернул на восток по направлению к дому, и Хиро зашагал рядом с ним.

— Думаешь, Масао и правда убил Асикагу Сабуро? — спросил иезуит как только Ичиро отошел подальше.

— Если бы я знал, — ответил Хиро.

— Похоже, объяснение Хисахидэ соответствует фактам.

Хиро на нос упала капля дождя, и он поднял взгляд на аспидного цвета небо. Видимо, гроза все-таки решила остаться.

— Думаю, это слишком удобно, что Джун внезапно проявила храбрость и обвинила Масао как раз тогда, когда все обвинения должны были пасть на Дена.

— Ты говорил, что она не любила Дена.

— Верно, — согласился Хиро, — но люди начнут задаваться вопросом, зачем молодому конюху убивать самурая, а это вытащит интрижку Сабуро на всеобщее обозрение.

— И разрушит все шансы Джун стать невестой самурая, — закончил священник.

Хиро кивнул.

— Масао, возможно, и виновен, но осуждать его, основываясь на лжи, я не намерен.

— У нас все еще есть несколько часов, чтобы найти убийцу, — сказал отец Матео.

Хиро покачал головой.

— Все кончено. Приезд людей господина Оды поставит город в состояние боевой готовности.

Торчащий гвоздь будет забит, независимо от того, виновен он или нет. А мы не станем рисковать своими жизнями, чтобы спасти человека, который может оказаться действительно виновным.

— Но он может оказаться и невиновным.

Хиро предпочел промолчать. В противном случае все могло перерасти в спор, и ему не хотелось, чтобы иезуит выиграл.

* * *

Когда они дошли до дома, запах земли и дождя уже наполнил воздух. Капли начали барабанить по дороге.

Отец Матео шагнул на крыльцо, но загородил дверь, чтобы Хиро не смог войти.

— Еще ничего не кончено, — сказал иезуит. — Осуждение Масао означает, что Казу невиновен, по крайней мере в глазах закона. Он все время твердил о том, что ни в чем не виноват, и хотя я и подозревал его, но сейчас думаю иначе. Мне кажется, что и ты тоже. Если это так, ты обязан ради Казу... и себя самого... постараться восстановить вашу дружбу.

Хиро промолчал.

— Не надо так сверкать глазами, — сказал отец Матео. — Ты знаешь, что я прав.

— Я даже не знаю, где его искать. — Хиро попытался обойти священника, но отец Матео отступил к двери.

— Уже почти вечер, — сказал он. — Тебе прекрасно известно, куда Казу ходит после работы.

— Завтра, — сказал Хиро.

— Примирение похоже на рисовые шарики, которые со временем теряют свои вкусовые качества.

— А тебе разве не все равно? — поинтересовался Хиро. — Он не твой друг.

— Нет, он твой друг... а ты мой, так что давай, вперед.

Хиро разочарованно вздохнул, но обулся и зашагал по дороге Марутамати. Дождь усилился, и дорогу развезло. Тучи все сгущались, обещая к вечеру ливень.

Хиро хотелось возвращаться домой под дождем лишь немногим меньше, чем разговаривать с Казу. Он даже не знал, почему вообще согласился выполнить просьбу отца Матео. Возможно потому, что, потеряв одного друга, не хотел вызывать еще и гнев иезуита.

Хиро дошел до реки Камо, перебрался через мост и повернул на юг по дороге, бегущей вдоль берега реки, над которой нависали крыши двухэтажных домов, дающие хоть какое-то укрытие от дождя. Между домами на голову и лицо падали холодные, освежающие, но не очень приятные дождевые капли.

Хиро пошел быстрее в сторону делового района. На дороге Сандзё он заметил, что кто-то рыбачит под мостом. В обычной ситуации Хиро не обратил бы на человека внимания, но что-то в силуэте показалось ему знакомым. Синоби приостановился, когда скрытая в тени фигура повернулась лицом к дороге.

Это был Ичиро.

Юноша махнул и подвинулся, освобождая место под мостом для Хиро. В тот момент тучи обрушили на землю настоящий потоп, поэтому Хиро изменил свои планы и присоединился к сыну Сабуро, чтобы переждать дождь.

Наклонившись, чтобы забраться под мост, Хиро заметил, что улыбка Ичиро была какой-то нервной. Мальчишка заерзал, и леска в воде дернулась.

— Хороший день для рыбалки, — сказал Хиро, чтобы юноша почувствовал себя непринужденно. — В дождь рыба лучше клюет.

— А вы откуда знаете? — с широко распахнутыми глазами спросил Ичиро. — Отец говорил, что подобное занятие не подходит для самурая.

— Но вы все равно рыбачите, — сказал Хиро. Он задумался, а ходил ли вообще Ичиро домой.

— Полагаю, отпираться не стоит. — Ичиро подергал удочку. — Я храню её под мостом и, когда могу улизнуть, хожу на рыбалку... как правило, по ночам, когда все думает, что я сплю. Пару удочек я потерял, думаю, их у меня украли. И мне кажется, что этой тоже кто-то пользуется, но я лучше буду делить её с кем-то, чем стану выносить побои за непослушание.

Хотя моему отцу теперь будет трудно меня наказать.

Возникло неловкое молчание.

— Мой брат любил рыбачить, когда мы были маленькими, — сказал Хиро.

От удивления у Ичиро отвисла челюсть. Захлопнув рот он спросил:

— Он до сих пор ходит на рыбалку?

— У него сейчас почти нет на это времени, но сомневаюсь, что он перерос это увлечение. Хиро посмотрел туда, где леска соприкасалась с водой. От прямой линии расходились концентрические круги, но сразу терялись в бурной реке.

— Вы идете к Гиндзиро? — спросил Ичиро.

— Откуда вы знаете про Гиндзиро?

Ичиро улыбнулся.

— Казу туда ходит. Меня с собой не берет. Говорит, что я еще слишком юн для сакэ.

Хиро улыбнулся в ответ на подобную простоту.

— И Казу прав.

В попытке скрыть разочарование, улыбка у Ичиро вышла однобокой. Он посмотрел на реку.

— Я рад, что вы мне поверили, когда я говорил о невинности Казу.

— Хорошо, что вы так в него верили, — сказал Хиро.

— Я вам уже говорил, что это не просто вера. Это факт. Казу этого сделать не мог.

Такого Ичиро раньше не говорил.

— Почему вы так уверены в невинности Казу?

— Этого я вам сказать не могу. — Ичиро уставился на леску. — Я попаду в неприятности... как и Казу.

Глава 45

Хиро сомневался, что все было так очевидно, но все же спросил:

— Казу рыбачил вместе с вами, когда вашего отца убили?

— Казу ничего не знает про рыбалку. Я хотел ему рассказать, но боялся, что он расскажет отцу. —

Ичиро посмотрел на руки. — Последний раз, когда отец меня поймал, он бил меня удочкой до тех пор, пока она не сломалась. С тех пор я оставлял их у реки.

— Но вы рыбачили в ночь смерти отца.

Ичиро кивнул.

— Мама отправилась спать после того, как прозвонили колокола, спустя три часа после заката. Я подождал еще час, чтобы убедиться, что она уснула.

— И вы не переживали насчет того, что отец может вернуться как раз в это время?

— Отец редко ночевал дома. — Ичиро подергал удочку и сменил тему. — Я люблю рыбачить под мостом. Фонари сверху позволяют видеть рыбу ночью, а посетители Понто-тё слишком пьяны, чтобы меня заметить.

— А что делаете с уловом? — поинтересовался Хиро.

— На дороге Сандзё есть торговец лапшой, который покупает, если рыба достаточно большая.

Хиро понимал, о ком идет речь. Торговец хвастался, что рыба у него всегда свежа, только что выловленная из реки Камо. Все это время синоби считал его вруном.

— И он покупает у самурая? — спросил Хиро.

— Я обычно не таскаю мечи на рыбалку.

Хиро посмотрел на самурайский узел из волос на голове Ичиро и задумался, что он вообще знает о поведении этого юноши. Торговец прекрасно знал, с кем имеет дело, просто предпочел не акцентировать на этом внимание — и не без причины. Хиро сомневался, что мальчишка, который врал насчет рыбалки, заботился о выгодной сделке.

— Сегодня я на рыбалку не собирался, — сказал Ичиро. — Но подумал, что она сможет меня отвлечь, но не получилось.

— Поскольку с расследованием покончено, вы можете объяснить, почему Казу невиновен? Я не расскажу ни вашей матери, ни Хисахидэ.

Ичиро задумался.

— Расскажу, если пообещаете, что девушка не попадет в неприятности.

Хиро вопросительно приподнял бровь.

— Какая еще девушка?

— Та, которую Казу привел на мост в ночь убийства отца.

Парочки частенько гуляли под луной у реки Камо. Несмотря на романтику, это место было довольно публичным, чтобы сохранить девичью честь, при условии, что рядом была компаньонка и прогулка длилась не допоздна.

Хиро подозревал, что Казу со своей спутницей эти правила нарушили.

— Она хорошенькая, молодая и, однозначно, не проститутка, — сказал Ичиро. — Но и не из семьи самураев. Она больше похожа на дочку ремесленника.

— Имя её знаете? — спросил Хиро, хотя уже догадывался, о ком идет речь.

Ичиро вскинул голову и посмотрел на нижнюю часть моста. Дерево было затянато паутиной и заселено остатками птичьих гнезд. Над головой по бревнам стучал дождь.

— Томико, — ответил Ичиро. — Томико, я уверен. — Он улыбнулся Хиро. — Казу попытался её поцеловать, но она ему не позволила.

— Как долго они пробыли на мосту?

— Они гуляли по мосту и берегу около часа, может, чуть дольше. — Ичиро показал на дорожку. — Я уже начал волноваться, что они не уйдут. Если бы моя мать проснулась и обнаружила, что я исчез, то позвала бы стражу, и меня бы потом ждали крупные неприятности.

— Но она не проснулась, — сказал Хиро.

— Она даже не знала, что я уходил из дома. — Ичиро подергал удочку. — Хисахидэ сказал, что отца убили вскоре после полуночи. Но Казу был здесь по крайней мере еще час. Он не мог убить.

Ичиро вытянул леску. На крючке висел червяк, белый и распухший от пребывания в воде.

— Что-то рыба сегодня не клюёт. Пойду, пожалуй, домой.

Он аккуратно замотал леску вокруг удочки. Добравшись до крючка, юноша снял червяка и бросил его в воду.

— Вы же никому не расскажете? — спросил Ичиро, пряча удочку между сваями. — Не хочу, чтобы у девушки Казу возникли неприятности. Похоже, она очень милая и не сделала ничего плохого.

Кроме того, что влюбилась в Казу.

Вслух же он сказал:

— Сделаю все возможное, чтобы у неё не было неприятностей.

Ичиро улыбнулся и следом за Хиро вышел из-под моста. Дождь ослаб, превратившись в морось. Хиро смотрел, как Ичиро уходит по тропинке. Когда юноша исчез за деревьями, синоби направился на запад по дороге Сендзё к сакэварне Гиндзиро.

По дороге его охватило чувство разочарования. Он выбрал заведение Гиндзиро, чтобы оно служило безопасным местом встречи в случае такой необходимости, но тайная интрижка Казу с дочерью хозяина ставила его под угрозу, как и честь самой Томико.

Нарушение дисциплины разозлило синоби, но отсутствие у Казу уважения к чувствам Томико, вызвало у него ярость. Мужчина, играющий с чувствами женщин, как раз и был одной из причин, почему последним нельзя доверять.

Через пару кварталов Хиро повернул на юг в сторону торгового района. Магазины сакэ и чайные дома расположились вдоль улицы, их открытые витрины купали грязную улицу в манящем свете и влекущих запахах.

Торговец лапшой, которого искал Хиро, поставил свою жаровню на восточной стороне улицы рядом с дорогим Сандзё. Покрытый лаком зонтик защищал от дождя как самого торговца, так и его огонь. Когда Хиро приблизился, мужчина призывно прокричал:

— Лапша с рыбой! Лучшая в Киото! Рыба только что выловленная из реки Камо! Все что нужно для такого дня!

Синоби не упустил полного надежды взгляда торговца. В дождливые вечера ради еды останавливались только постоянные клиенты.

Дым от огня попал Хиро в глаза. За более острым запахом дымка и дождя он уловил рыбный аромат. Рот наполнился слюной, предвкушая угощение. Как обычно, синоби заказал самую большую миску.

— Дополнительно лука насыпать? — с щербатой улыбкой спросил торговец.

Хиро кивнул и передал мужчине медную монету в обмен на полную миску и деревянные палочки. Обычно он отходил, чтобы на него не шел дым, но сегодня зонтик был хоть каким-то укрытием от дождя. Синоби стоял под ним и наслаждался лапшой.

Казалось, совсем немного времени прошло, а палочки уже заскребли по дну опустевшей миски.

— Еще одну? — с надеждой в голосе спросил продавец.

Хиро покачал головой, но достал вторую монету.

— Где вы берете свою рыбу?

Торговец бросил взгляд на кипящий котел, стоящий над жаровней, переступил с ноги на ногу.

— У другого торговца, как и все.

— Тогда как вы можете быть уверены, что она из реки Камо? — поинтересовался Хиро.

— Она самая свежая. В Киото лучше не найти!

— Я думаю, вы скупаете её у юного самурая. Не каждый день, но всякий раз, когда он её продает, — тихим голосом сказал Хиро.

Глаза торговца распахнулись.

— Ваш сын?

Прежде чем Хиро успел ответить, торговец рухнул на колени прямо посреди грязной улицы.

— Прошу прощения, господин. Я буду платить ему впредь по справедливости. Я понятия не имел, что он самурай. Клянусь, это просто досадная ошибка!

Хиро открыл было рот, чтобы поправить торговца, но решил этого не делать. Человек, который использует детей, не заслуживает, чтобы с ним были вежливы. Вместо этого синоби отдал ему чашку и вторую монету и зашагал по дороге дальше. До магазинчика Гиндзиро он добрался до заката, хотя тучи так и не позволили увидеть вечернего неба.

В сакэварне было пусто. Суке лежал в своем привычном углу, похрапывая в недрах испачканной и порванной рясы. Возможно, еще было рано и поэтому за прилавком стояла Томико.

Хиро вошел в магазин, достал катану и передал оружие девушке. Она, поклонившись, его приняла.

— Добрый вечер, Мацуи-сан.

— Добрый вечер, Томико. — Хиро посмотрел в сторону норэн, висящих на входе в кухню. Когда Томико убрала меч в деревянный шкаф за прилавком, он сказал: — Я знаю где вы были вечером два дня назад.

Руки Томико взлетели вверх, чтобы прикрыть рот. Потом она медленно их опустила.

— Вы расскажете об этом моему отцу?

— Зависит от того, скажете ли вы правду.

Глава 46

Томико без всякого притворства посмотрела Хиро в глаза.

— Что вы хотите знать?

— Где вы были вечером два дня назад? — спросил Хиро.

— Вы же сказали, что знаете.

— Знаю, но мне требуется подтверждение. — Хиро помолчал. — От правды может зависеть жизнь человека.

Девушка положила ладони на столешницу.

— Я подождала, пока мама не заснет, а сама убиралась на кухне, но когда закончила, спать не пошла. Выскользнула на улицу и пошла прогуляться с Казу. — Она слегка тряхнула головой. — Мой отец сильно разозлится, если узнает, но ему не обязательно об этом знать. Я уверяю вас, это была всего лишь невинная прогулка.

— Как долго вы пробыли на реке? — спросил Хиро.

— Пару часов... мне нужно было вернуться прежде, чем отец закроет магазин и заметит мое отсутствие. — Она слегка склонила голову. — Откуда вы узнали? Кто рассказал? Казу никогда бы этого не сделал.

— Кое-кто вас видел.

На её лице отразилась паника.

— Отец знает?

— Нет, — ответил Хиро, — и у того, кто вас видел, есть причины сохранить этот секрет. Но если я еще раз услышу, что ты поступила так снова, я сам обо всем расскажу твоему отцу.

Томико уткнулась глазами в прилавок, потом кивнула.

— Я больше не буду. Обещаю.

Девушка подняла взгляд и вздрогнула. Её щеки залил багровый румянец.

Хиро обернулся, чтобы проследить за её взглядом, хотя грушевый аромат и реакция девушки дали понять, кто стоит за его спиной.

Казу удивился, увидев Хиро, и чуть помедлил, прежде чем поклониться в ответ.

— Длинный был день, — сказал Хиро прежде, чем Казу успел отдать свои мечи. — Мне нужно прогуляться. Не составишь компанию?

Казу прищурился. На мгновение Хиро подумал, что молодой человек откажется соблюдать инструкцию. Однако Казу кивнул.

— Налейте мне одну бутылочку, — обратился он к Томико. — Я не надолго.

Хиро принял мечи обратно и вывел Казу на улицу. В сгущающейся темноте они вместе отправились на юг. От моросящего дождя казалось, что фонари мерцают, а от омытой улицы поднимался более свежий аромат, чем стоял обычно в этом квартале. Казу молчал, ожидая, когда Хиро заговорит.

Когда они оставили заведение Гиндзиро далеко позади, Хиро сказал:

— Я знаю про вас с Томико.

— Я не понимаю о чем ты. Томико... дочка Гиндзиро?

— Асикага Ичиро видел вас у реки, — добавил Хиро. — Он рыбачил под мостом у дороги Сандзё две ночи назад.

Казу сжал челюсти и покосился на Хиро.

Синоби остановился. Казу сделал еще пару шагов, прежде чем понял, что синоби встал. Он обернулся, расправив плечи и приготовившись к битве.

— Не указывай мне, что делать, — сказал Казу. — Это в любом случае не твое дело.

Хиро, вкупе с ругательствами, проглотил вспыхнувший гнев, поднявшийся в горле от слов Казу. Вместо того он напомнил себе, для чего священник отправил его сюда.

Когда он наконец ответил, его голос был само спокойствие.

— Я прошу прощения за то, что подозревал тебя в убийстве Асикаги Сабуро.

— Я же говорил тебе, что не делал этого, — сказал Казу. — Теперь ты мне веришь?

— На моем месте ты подумал бы так же, — постарался сдержать новую волну гнева Хиро.

— Я думал, ты не основываешься на предположениях.

Хиро заморгал, удивленный горечью в голосе Казу.

— Ты не принимаешь мои извинения?

— А ты бы принял на моем месте?

— Ты же знаешь, что да, — ответил Хиро. — Я всегда их принимаю.

Все еще злясь, Казу тряхнул головой, но наконец вздохнул.

— Хорошо, я принимаю твои извинения. — Он повернул обратно к Гиндзиро. — Ты из всех ситуаций должен выйти победителем.

Хиро покачал головой и задумался, почему молодой человек всегда все рассматривал с точки зрения соперничества.

Направившись обратно к сакэварне, Хиро поинтересовался:

— И как далеко всё зашло?

— С Томико? — Казу пожал плечами. Его гнев иссяк, оставив позади застенчивость. — Веришь или нет, это был первый раз, когда я её куда-то повел. Я бы очень хотел, но знал, что нельзя.

— И ты был прав, — сказал Хиро. — Она дочь ремесленника. А ты самурай.

Казу не моргая посмотрел на Хиро. И промолчал.

— Не обнадеживай её тем, чего она никогда не получит, — сказал Хиро.

— Слушаюсь, отец, — детским голоском ответил Казу, сложив руки. — Ты...

Он замолчал на полуслове и уставился на кого-то на дороге.

Шлепая по лужам так, словно бежал от смерти, к ним несли Ичиро. Мечи торчали в разные стороны под непонятными углами. Подол кимоно потемнел от грязи. Он приостановился перед сакэварней, чтобы прочесть её название.

Казу поспешил ему навстречу.

— Ичиро!

Юноша посмотрел на него с облегчением.

— Казу, — выдохнул он. — Помоги. Моя мать мертва.

— Ваша мать? — переспросил Хиро. — Что произошло?

Когда Хиро с Казу дошли до Ичиро, он наконец потерял над собой контроль. Его нижняя губа задрожала, а из глаз потекли слезы. Он стоял, опустив голову. Его плечи тряслись.

Казу положил руку Ичиро на плечо. Хиро никогда бы не посмел этого сделать, но Казу стал самым близким ему человеком после гибели отца.

Они подождали, пока мальчик не успокоился. У него это получилось даже быстрее, чем Хиро ожидал.

Ичиро посмотрел на Казу.

— Кто-то убил её и постарался представить всё так, чтобы это было похоже на самоубийство.

Глава 47

— Почему вы решили, что это убийство? — спросил Хиро.

Казу стрельнул сердитым взглядом в синоби поверх головы Ичиро.

— Мы должны знать это наверняка. — Хиро посмотрел на мальчика. — Если это не самоубийство, то он в опасности.

Ичиро поборол слезы и пошмыгал носом.

— Моя мать никогда бы не наложила на себя руки. Ни раньше, ни тем более сейчас. Деньги отца были под её контролем. У нее не было причин...

Он замолчал, не в силах закончить.

— Как это случилось? — спросил Хиро.

— Думаю, яд, — ответил Ичиро. — Из рта шла пена, но она была уже мертва. Я не знал, что делать... Побежал искать вас у Гиндзиро. Мне некуда было больше идти.

— Сегодня можешь остаться у меня, — сказал Казу. — Утром поговорим с твоей родней.

— Но сначала отведи нас к матери, — сказал Хиро. — Ты не обязан снова на неё смотреть, но я должен точно знать, было это убийство или самоубийство.

— Это убийство, — сказал Ичиро. — Она бы никогда меня не бросила.

— В это я верю, — сказал Хиро, — и найду того, кто это сделал.

— А я его убью, — добавил Казу.

— Я иду с вами. — Из тени на краю дороги выступил отец Матео.

— А ты что здесь делаешь? — спросил Хиро.

— Просто я кое-что понимаю в наведении мостов, — сказал иезуит. — Пошел за тобой... другой дорогой... на случай, если тебе понадобится моя помощь.

Казу посмотрел на Хиро.

— Он о чем?

— Он не верил, что я принесу тебе извинения надлежащим образом, — ответил синоби.

Казу оценивающе посмотрел на священника.

— Он отлично тебя знает.

— Мы можем обсудить это в другое время. — Хиро кивнул Ичиро. — Пойдем.

Дом Ичиро стоял на дороге Марутамати в роскошном жилом квартале, окружающем сегунат. Деревянные притолоки и кедровые балки двухэтажного дома были раскрашены. Пара ощерившихся статуй охраняла дорожку, ведущую к дому.

Внутри было темно, за исключением приглушенного света, падавшего на крыльцо из открытой двери. Убегая, Ичиро оставил её распахнутой настежь.

Хиро почувствовал юноше, потерявшему за неделю и отца, и мать. Клан Асикага позаботится о своем родственнике, но это понимание не умаляло сочувствия синоби и растущего внутри раздражения. Мужчина — или женщина, — который убил Асикагу Сабуро и, вероятно, Дена, скорее всего убил и Нецуко. А Масао в это время сидел под замком в сегунате, так что список подозреваемых уменьшился.

Часть Хиро хотела, чтобы Нецуко все-таки покончила собой.

На краю веранды Ичиро остановился.

— Тебе не обязательно заходить, — сказал Казу.

— Нет, обязательно. — Юноша шагнул на крыльцо и подошел к двери. — Самурай не уклоняется от своего долга, особенно по отношению к родителям. Если вы собираетесь поймать убийцу, я вам в этом помогу.

Темный коридор выходил в ое, освещенное единственной жаровней, стоящей рядом с дверью. Вероятно, Ичиро её зажег или подбросил углей, когда вернулся, и свет озарил кошмарную сцену.

В углублении очага под слоем пепла едва теплился огонь. На цепочке сверху свисал чайник. На татами рядом с очагом, справа от места хозяйки, стояла одинокая чашка, словно ожидающая гостя, который так и не пришел. Вторая чайная чашка лежала на боку чуть поодаль от очага, прямо рядом с вытянутыми пальцами мертвой женщины.

Нецуко лежала на спине, левая рука была закинута за голову, а правая вытянута в сторону, касаясь полупустой чашки, которую она, вероятно, держала, когда упала. Пустые глаза женщины смотрели вдаль, в них уже не было жизни, от воздуха они застекленели. Нос и пальцы были сероватого оттенка, от рвоты, как и ожидал Хиро, исходил характерный запах опиума. Синоби почувствовал его даже за дымом от догорающих углей и грушанкой от волос Казу.

— Стойте здесь. — Синоби пересек комнату и опустился на колени рядом с Нецуко. Как он и ожидал, сладковатый запах при приближении лишь усилился.

Он взял в руки чайник, открыл крышку и отпрянул от ударившего в нос запаха.

— Опиум? — спросил Казу с порога.

Хиро наклонил чайник и увидел полурастаявший кусок смолы размером с персиковую косточку.

— Да. Вне всяких сомнений она приняла смертельную дозу. Гораздо больше, чем Ден.

— Ничего не понимаю, — сказал Казу. — Смерть Сабуро во многих отношениях принесла для семьи лишь пользу. Прости, Ичиро, но твоя мать, вероятно, была рада, что твой отец умер.

— Была, — ответил Ичиро. — Она сама мне об этом говорила.

— Но она бы почувствовала яд, — вмешался отец Матео. — У него характерный вкус.

— Небольшое его количество можно скрыть подсластителем, — сказал Казу.

— Так было в случае с Деном, — сказал Хиро, — но в чайнике Дена была лишь малая часть того, что здесь. — Он подобрал кочергу и принялся перемешивать угли. Те превратились в грудку пепла, взметнув в воздух искры.

Он обвел взглядом комнату, а потом посмотрел на Казу.

— Что ты видишь?

Казу минуту или две внимательно изучал место преступления.

— Огонь почти потух... все произошло пару часов назад. А еще у Нецуко был гость... вторая чашка у очага.

— Неплохо, — сказал Хиро. — И поскольку второго тела нет, значит гость принес яд с собой и заставил ее выпить.

— Или подсыпал его в чайник, когда она отвернулась, — сказал Ичиро.

— Слишком много опиума, — сказал отец Матео. — Даже если она ничего не видела, она почувствовала бы его запах... или вкус. Но почему же тогда она выпила яд добровольно?

Хиро посмотрел на Ичиро.

— Она пыталась спасти сына.

— И в чем логика? — спросил Казу. — У неё не было никакой уверенности, что убийца не поднимет руку и на Ичиро.

— Что, если это была сделка? — Хиро поставил чайник на пол рядом с Нецуко. — Она пьет опиум, создавая видимость самоубийства, а взамен убийца оставляет Ичиро в живых. Он всего лишь мальчишка. Для убийцы он опасности не представляет, особенно, если Нецуко сказала, что не делилась своими подозрениями с сыном.

— Ты считаешь, она знала, кто убил Асикагу Сабуро, — заявил иезуит.

Хиро кивнул.

— Или, по крайней мере, убийца думал, что она знает.

— И ты знаешь, кто это, — сказал отец Матео.

— Мне кажется, знаю, — ответил Хиро, — и если я прав, жизнь сёгуна в опасности.

Глава 48

— Сабуро и Нецуко убил один и тот же человек? — спросил Казу.

— Как и Дена, — ответил Хиро.

— И кто это? — поинтересовался отец Матео.

— Это всего лишь предположение, — сказал Хиро, — а предположения убили уже достаточно людей. Мне нужно вернуться в сегунат. Там есть улики, которые подтвердят или опровергнут мои подозрения. Когда я заполучу их, я скажу точно, кто убил Сабуро... и Дена, и Нецуко.

— Ворота уже закрыты, — сказал иезуит. — Эти улики могут подождать до утра?

— Сомневаюсь. Я хочу, если смогу, спасти Масао, а это значит, что информацию нужно получить сегодня.

— Я хочу пойти с вами, — сказал Ичиро.

Хиро покачал головой.

— Это небезопасно. Идите с отцом Матео.

Иезуит кивнул.

— Я отведу его к нам.

Ичиро посмотрел на тело матери.

— Я не хочу оставлять её вот так.

Хиро хотел было возразить, но Казу его опередил.

— Нужно, чтобы о ней позаботились священники, с должными молитвами и ритуалами для её души. Мы не должны её передвигать... ты же не хочешь, чтобы её дух разгневался.

Ичиро нахмурился.

— Я не верю в духов.

— Твоя мать верила, — сказал Казу, — и она бы не хотела, чтобы ты осквернил себя прикосновением к трупу... особенно к её. Неужели ты побеспокоишь её тело наперекор её желанию?

Ичиро замялся.

— Полагаю, сегодня вечером никто её такой не увидит.

Казу кивнул.

— Пойдем. Завтра утром я сам созову священников.

* * *

Когда отец Матео с Ичиро пропали с дороги Марутамати, Хиро спросил у Казу:

— А Асикага Нецуко верила в духов?

— Понятия не имею, — ответил Казу, — но это помогло выпроводить Ичиро из дома. Какие именно улики нас интересуют в сегунате?

— Сёгун ничего не менял в расписании, — сказал Хиро, — это сделал убийца.

У Казу отпала челюсть.

— Ты знал, что я тебя обманул? Почему же не сказал?

— В то время не было смысла, — сказал Хиро. — Ты бы этого не признал. Ты знал, что расписание изменил убийца, но не узнал почерк. Если бы было наоборот, ты сказал бы.

Ты понимал, что сёгун в опасности, вкупе с тем, кто слишком близко подобрался к убийце. Тот кто захотел покончить с сёгуном, убил бы любого, вставшего у него на пути. — Хиро улыбнулся. — Ты решил, что твоя ложь спасет меня. Но вместо того ты сам стал подозреваемым.

— Как ты это понял? — спросил Казу.

— Я знаю тебя всю жизнь, — ответил Хиро. — И как ты говорил, я всегда стараюсь побеждать.

— Зачем забирать расписание сейчас? Ворота заперты, книга в моем кабинете, а Масао проживет до утра.

— А вот сёгун нет, — сказал Хиро, — и я более чем уверен, что и Масао тоже.

— Люди господина Оды не появятся здесь до утра, — запротестовал Казу.

— Так нам внушили, — не согласился Хиро. — Но если это все-таки правда, зачем вносить изменения в расписание именно на сегодняшнюю ночь? Убийца расставлял своих людей по позициям. Они уже здесь.

— Тогда зачем нам вообще нужно расписание? — спросил Казу. — Мы должны немедленно уехать из Киото.

— Уже поздно, — ответил Хиро. — Все пропускные пункты города закрылись на ночь. Вполне возможно, что враги сёгуна их уже захватили.

Книга с расписанием нужна нам в качестве улики. Если заговор преуспееет, это доказательство спасет нам жизнь. Как минимум, у нас будет что-то, чем можно торговаться.

Казу окинул взглядом кимоно Хиро.

— В этом через стену не перелезешь. У меня дома есть лишние хакама. Идем.

Они зашли в дом, который арендовал Казу, и Хиро переоделся из кимоно в темно-синие штаны хакама и такого же цвета сюрко. Казу же решил остановиться на обычных хакама, которые носил на работе в сегунате.

— У меня нет никакого оружия, чтобы тебе одолжить, — сказал Казу. — Мой хозяин крайне любопытен, а поскольку служащему не положено ничего такого, я ничего и не взял.

— Все нормально. — Хиро забрал пару сюрикенов из внутреннего кармана кимоно. — Я принес свое. Он переложил оружие в карман одолженного сюрко.

— Я готов, — сказал синоби, засунув мечи за obi. — Пора.

* * *

Хиро с Казу поспешили по темным улицам на запад в сторону сегуната. Дойдя до стены, Казу провел Хиро к узкому проходному двору, граничащему с северной стороной комплекса.

На специальных вышках Хиро заметил усиленную охрану. Он наклонился к Казу и закинул руку тому на шею.

— Мы пьяные, — прошептал он. — Давай устроим им представление.

Казу громко рассмеялся, словно Хиро только что блестяще пошутил. Он закачался и боком потянул за собой Хиро, удачно имитируя пьяное веселье. Хиро потянул его в другую сторону, и они поплелись по улице как парочка напившихся друзей.

Смех сверху дал понять, что уловка удалась. Хиро улыбнулся. Никто еще долго не вспомнит про пьяных, прошедших мимо.

Несколько минут спустя, Казу направил их заплетающиеся стопы в сторону от дороги. Хиро пошел следом. Они все ближе и ближе подходили к стене. Хиро все ждал предупреждающего окрика от стражи, но его так и не последовало. Люди на башнях не видели в пьяницах никакой угрозы.

С противоположной стороны девятифутовой стены высилось скопление деревьев. Их ищущие ветви протянулись через стену на дорогу, словно пытаясь дотянуться до домов на другой стороне улицы.

Хиро улыбнулся. Сёгун позаботился о том, чтобы вокруг особняка ветвей не было. Ему стоило бы пристальнее следить и за стенами.

Оба синоби забрались под ветки, не попав в поле зрения стражи. Ни слова не говоря, Казу отцепился от Хиро и схватился за самую нижнюю. Подтянулся и без единого звука взобрался на дерево.

Хиро последовал за ним чуть позже. Скрытый в ветвях, он ждал.

Звуков тревоги не последовало. Их манипуляции остались незамеченными.

Казу запрокинул голову к стене и начал карабкаться вверх. Хиро последовал за ним по ветке, потом перелез через частокол, окружающий комплекс. Вместе они спрыгнули на землю по другую сторону. Казу приземлился чуть громче Хиро. Прохожий мог бы подумать, что это кошка охотится за мышью.

Хиро присел в защитной позиции, приняв запах дерева и дождя.

На южной стороне деревья уступили место благоустроенным дворам. Здания бакуфу видно не было, оно стояло по другую сторону садов, которые покрывали северную часть земель сегуната. С этой минуты Хиро придется полностью положиться на Казу.

Он надеялся, что правильно рассудил, решив, что Казу в заговоре не участвует.

Глава 49

Под ногами Хиро похрустывали сосновые иголки, испуская хвойный аромат, соперничающий с запахом масла от волос Казу.

— Книга с расписанием у меня в кабинете, — сказал Казу. — Мы идем туда?

— Пока нет, — ответил Хиро. — Сначала надо вытащить Масао.

— Ты спятил? Мы ничего ему не должны. Если ты прав, нам просто повезет, если мы успеем забрать расписание и спастись сами.

— Он заслуживает смерти не больше, чем Нецуко... или Ичиро.

Хиро надеялся, что имя мальчика произведет должный эффект. Ему нужна была помощь Казу, чтобы найти и освободить конюха.

— Давай сначала заберем расписание, а ему поможем потом, — предложил Казу.

Хиро не был готов пойти на такое.

— Они держат Масао в подсобке кухни. Его получится освободить быстрее, чем сходить за расписанием.

"И то и другое требует к тому же твоего участия", — подумал Хиро.

— Если только нас не заметят, — сказал Казу.

— В таком случае книга нам вообще не пригодится.

Казу раздраженно фыркнул, но промолчал.

Они пробрались через сад к особняку. Вдоль тропинки выстроились каменные светильники, но этой ночью они были темны и холодны. Ничего удивительного, учитывая ненастную погоду.

Казу вел вперед без колебаний. Он точно знал, куда и когда сворачивать, чтобы не встретить стражу, патрулирующую комплекс.

— Я ждал охрану посильнее, — прошептал Хиро.

Синоби притаились позади декоративной изгороди на краю двора, отделяющего сады от кухни. По дороге от стены они увидели лишь четыре патруля, никто из них, похоже, не был встревожен.

Казу пожал плечами.

— Люди господина Оды приедут только завтра. Большинство стражников стоит у ворот и на башнях. Сёгун даже не рассматривает возможность того, что кто-то незамеченным проникнет за стены.

— Глупо, — сказал Хиро.

Казу фыркнул.

— Ты о нем или о нас?

Хиро посмотрел на кладовые у кухни. Деревянные ящикообразные строения стояли в некотором отдалении на деревянных сваях, чтобы не добрались крысы. Обе кладовки были примерно одинаковые, но только у одной на двери стояла решетка.

— Здесь, — кивнул Хиро. — Он здесь.

Прислонившись к стене кухни, стоял скучающий самурай, по всей видимости, охраняя склад, хотя Хиро слово "охранял" казалось чрезмерным.

— Нам нужен отвлекающий маневр, — прошептал Казу

— Ты он и есть, — ответил Хиро. — Ты здесь работаешь. Обойди вокруг и отвлеки его.

Казу заворчал, но скрылся в темноте. Несколько минут спустя он возник за углом здания кухни. Он шел бодро, словно нёс важные новости.

— Ты! — удивился Казу, заметив стражника. — Ты что здесь делаешь?

Самурай подскочил и вытянулся по струнке.

— Мицунага-сан приказал мне охранять пленника.

— Ерунда! — рявкнул Казу. — Весь комплекс находится настороже, а ты лениво разлегся возле кухни, уклоняясь от дежурства!

— Нет, господин, клянусь. Мицунага-сан приказал охранять пленника.

— Ты знаешь, кто я? — требовательно спросил Казу. — Как ты смеешь спорить со мной!

Глаза стражника распахнулись.

— Нет, господин... Простите меня... — Он три раза поклонился и выпрямился, дрожа как тростник во время землетрясения.

— Возможно, что люди господина Оды уже в Киото, — рявкнул Казу. — У тебя есть дела поважнее, чем охранять конюха. Если сможет освободиться, мы его убьем. А до тех пор... возвращайся на свой пост!

Самурай спешно, спотыкаясь о собственные сандалии, покинул двор. Выпрямился и поспешил прочь.

Казу проследил за ним. Убедившись, что стражник ушел, он махнул рукой Хиро и направился к кладовой.

Там Хиро с ним и встретился. Они добрались до решетки и открыли дверь, но увидели лишь темноту.

— Масао, — прошептал Хиро. — Это я, Мацуи Хиро.

В темноте дверного проема возникло лицо Масао. Слой рисовой пыли покрывал его одежду и волосы.

— Мацуи-сан? — Конюх выглядел удивленным. — Я не понимаю...

— Мы знаем, что вы не убийца, — сказал Хиро. — Мы пришли, чтобы вас освободить.

Масао отпрянул от двери.

— Нет... ни один самурай не станет освобождать простолюдина. Это ловушка.

— Она ею станет, если вы немедленно не выйдете оттуда, — прошипел Казу. — Мы не станем ждать, пока вы будете думать.

Масао появился снова.

— Ито-сан? — Его лицо обмякло, когда он увидел широкие шаровары Хиро и темную куртку. Глаза распахнулись от понимания.

Многие японцы слышали про синоби, но мало кто их видел.

— Нам пора, — сказал Хиро. — Мы здесь не только ради вас, а времени все меньше. Если вы сможете выйти из комплекса, найдете место где спрятаться, пока не откроются ворота завтра утром?

— Смогу. — Масао вышел из кладовки и посмотрел в сторону кухни. — Но я могу сделать кое-что получше. Тут есть тропинка, она идет через комплекс к тайному выходу рядом с конюшней. Предыдущий конюх мне его показал. Если бы сёгуну грозила опасность и нужно было его спасти, я должен был встретиться с ним там с самой быстрой из лошадей.

— Выход заперт? — спросил Хиро.

Масао улыбнулся.

— Конечно, но я знаю, как его открыть. — Он поклонился сначала Хиро, потом Казу. — Спасибо, что помогли мне. Я обязан вам жизнью.

Когда конюх исчез в темноте, Хиро закрыл кладовую и опустил защелку.

Потом повернулся к Казу.

— Пойдем заберем расписание и вернемся за стену прежде, чем кто-нибудь нас заметит.

* * *

Во дворе между кухней и северным входом в бакуфу горели каменные фонари. Еще большее их количество освещало само здание, их мерцание раскидывало вокруг бассейны света, предотвращая скрытое появление воров и убийц.

К счастью, у Хиро не было намерений прятаться. Он пересек двор и вошел в здание, как будто это он, а не Казу, проработал здесь несколько лет.

Казу молча шел следом.

На этот раз они не удосужились снять обувь. Хиро не собирался покидать здание тем же путем, каким они вошли.

Мужчины вошли в особняк и направились в кабинет Казу. В коридоре, где работали плотники, мерцал свет. Хиро остановился и прислушался, но ничего не расслышал. Должно быть, Озуру с остальными отослали прочь.

Когда Хиро положил ладонь на дверь кабинета, по коридору разнесся стук. Синоби оглянулся.

— Это долото?

Казу кивнул.

— Похоже, Озуру работает допоздна.

Это казалось странным, поскольку плотник говорил, что ему больше не разрешено оставаться в здании после заката.

Дверь открылась с едва слышимым звуком, выпуская в коридор аромат пергамента и благовоний. Запах от нового татами и кипы бумаг давным-давно перебил запах смерти. Даже чувствительный нос Хиро не смог уловить ни единого следа от свершившегося преступления.

Казу схватил щипцы из корзины у двери и перемешал угли в жаровне, стоящей рядом со входом. Угли вернулись к жизни несколькими искрами и маленькими язычками пламени. Хиро задвинул сиди за собой, как только Казу подбросил углей в огонь.

— Жди здесь, — сказал Казу и направился в кабинет Сабуру. Мгновение спустя он возник в дверном проеме, держа в руках книгу с расписанием. — Вот эта тебе нужна.

Позади него двинулась тень.

На свет вышел Акира и приложил кинжал к основанию шеи Казу. Его глаза уперлись в Хиро.

— Если закричишь... если хотя бы двинешься... я его убью.

Глава 50

— Ты все равно собирался его убить, — сказал Хиро. — Таков твой план... был, пока ты думал, что он вернется один. Но пришел я, и убить ты его уже не можешь.

Акира прищурился.

— Если захочу, могу прикончить его прямо сейчас.

— А потом я прикончу тебя, — сказал Хиро. — Понимаешь, в чем проблема? Он тебе нужен, если ты хочешь еще пожить.

— Это Акира? — Казу попытался повернуть голову, чтобы посмотреть, кто стоит за спиной, но Акира прижал клинок к его горлу. — Что вы здесь делаете?

— Он пришел подбросить улики, подтверждающие твоё участие в заговоре Сабуру, — объяснил Хиро, — и, вероятно, убить тебя. Я думал, что, поскольку ты отправился к Гиндзиро, он все-таки ушел.

Акира усмехнулся.

— Я знал, что он вернется. Он оставил огонь в жаровне.

— Не специально. — Казу был на удивление разговорчив, учитывая приставленный к горлу клинок.

Хиро его разгадал. Как только Акира ослабит внимание, Казу его обезоружит.

Акира посмотрел на Хиро.

— Я не ждал, что ты придешь вместе с ним. Но это даже лучше, чем я планировал.

— Ты заявишь, что обнаружил меня стоящим с кинжалом в руке над трупом Казу, — сказал Хиро. — Ты убьешь нас обоих, и на этом с заговором будет покончено. Правдоподобно, честно говоря, но даже если ты сам не погибнешь, пытаясь все это осуществить, как объяснишь остальным смерть сёгуна, если все, кто участвовал в заговоре, убиты или уже схвачены?

— О чем это вы говорите? — спросил Казу.

Хиро посмотрел на Акиру.

— Ты расскажешь или я?

— Говори, — самодовольно улыбнулся Акира. — Ты, похоже, все выяснил. Но прежде чем начать, оба бросьте мечи на пол. И не надо глупостей. Я убью его прежде, чем ты успеешь нанести удар, а потом убью и тебя. Ронин-переводчик не слишком трудная мишень для мечника Миёси.

— Как скажешь, — ответил Хиро. — Казу, брось мечи.

Казу недовольно прищурился, но достал катану из ножен и бросил на пол. Мгновение спустя за первым мечом последовал и вакадзаси.

Акира ногой откинул их подальше и кивнул Хиро.

— Твоя очередь, и отодвинь их. Не хочу, чтобы ты думал, будто сможешь до них дотянуться.

Хиро снял мечи и опустил их на циновку. Поколебавшись мгновение, он оттолкнул мечи в сторону. Они проскользнули по полу до двери, выходящей на веранду.

— Встань и держи руки так, чтобы я их видел, — сказал Акира.

Хиро подчинился.

Акира кивнул.

— Ну что, послушаем твой рассказ.

— Тебе лучше убить нас сейчас, — сказал Хиро. — Если не сделаешь этого, то я убью тебя.

Акира рассмеялся.

— Вот уж вряд ли. Через пару часов я стану сёгуном, а вы умрете.

— Как скажешь, но ты ошибаешься.

— Говори, — приказал Акира, — пока я не заскучал и не убил тебя, как остальных.

— Так он убийца? — подал голос Казу. — Я думал, это Хисахидэ.

— Это и должен был быть кто-то из них, — сказал Хиро, — хоть я и не думал, что Хисахидэ убьет Нецуко. Он для этого слишком квалифицирован.

— Она подозревала меня, — сказал Акира. — Она должна была умереть.

— Вообще-то нет, — сказал Хиро. — Она подозревала любовницу.

— Джун? — Акира усмехнулся. — Невозможно. Нецуко сказала бы перед смертью. Она только лишь и молила о том, чтобы сына пощадили.

— Сабуро был в сговоре с Миёси? — Казу покачал головой, насколько это позволял кинжал. — Это невозможно. Он ненавидел даймё Миёси... и его наследников.

— Сабуро понятия не имел о заговоре против сёгуна, — сказал Хиро. — Письмо к нему было лишь отвлекающим маневром, и его наверняка написали уже после убийства, чтобы отвлечь сёгуна от настоящего заговора. Поэтому ты нашел его лишь утром после преступления.

— Верно, — подтвердил Акира. — Его написал и подбросил я. Я все это время знал про ящик для писем. Нам нужно было разрешение на увеличение стражи в комплексе, чтобы развести стражу сёгуна и самураев под нашим началом. Девять человек из десяти, что дежурят сегодня, преданы клану Миёси. Это письмо помогло нам.

— Вы решили свергнуть сёгуна именно сейчас? — спросил Казу. — Сейчас, учитывая, что завтра появятся люди господина Оды?

— Господин Одна не посылал никаких людей, — сказал Хиро, — посланники — это всего лишь умный ход для отвлечения внимания сёгуна от предателей, поселившихся в этих самых стенах.

— Как вы это поняли? — поинтересовался Акира. — Все в это искренне верили.

— В этом виноват торговец, — ответил Хиро, — португалец. Он остановился в Оцу. Трактирщик понятия не имел ни о каком посольстве, но ведь официальные делегации всегда отправляют человека вперед, чтобы зарезервировать номера в гостинице. Не было никакого посланника, не было никакой делегации от Оды.

Мне думается, Сабуро тоже об этом узнал... поэтому ты его и убил.

— Наконец-то ошибка! — позлорадствовал Акира. — Сабуро был непроходимым тупицей. Он понятия не имел о наших планах. На самом деле, он был бы жив, если бы не застукал меня за копированием расписания.

Мне нужно было знать, сколько человек и кого он поставил на сегодняшнее дежурство, чтобы спланировать последний шаг. Я пробрался сюда, чтобы проверить книгу, но так уж случилось, что Сабуро еще не ушел. Он слился в объятиях с той безобразной служанкой.

Они меня не заметили, поэтому я спрятался и ждал, когда они закончат.

— Но Джун заметила тебя, когда уходила, — сказал Хиро. — Поэтому она заявила, что здесь был Масао. Она увидела твой силуэт и Дена. Узнала его, но ошиблась, приняв тебя за старшего конюха.

Акира кивнул.

— Ден стоял прямо за дверью. Я видел как он пришел, но не знал, что девчонка и меня видела. После того как все ушли, я пробрался в кабинет за расписанием. Но Сабуро вернулся прежде, чем я закончил.

Я притворился, что ищу Ито Казу, и попытался уйти. Если бы он позволил, я, возможно, оставил бы его в живых. Но он пошел следом за мной в этот кабинет, обвиняя в воровстве. Всячески меня обзывал. — Акира нахмурился. — Нельзя оскорбить Миёси Акиру и остаться в живых.

— И ты схватил кинжал с моего стола и убил его, — сказал Казу.

— Ты же не думал, что я воспользуюсь своим, — ответил Акира. — Я действовал настолько быстро, что у него не хватило времени вскинуть руки для защиты. Он даже меч не попытался вытащить.

— Но замести следы оказалось гораздо труднее, чем ты ожидал, — сказал Хиро, — особенно, когда Хисахидэ не поверил в виновность Казу.

— Подожди, — подал голос Казу, — я думал, Хисахидэ тоже участвует в заговоре.

Хиро покачал головой.

— Против сёгуна, да, но не думаю, что он санкционировал убийство Сабура, или Дена, или госпожи Нецуко. Эти убийства привели бы комплекс в состояние повышенной боевой готовности, и захватить сегунат стало бы сложнее. Акире пришлось выдумать это письмо и заговор Сабура, чтобы Хисахидэ не узнал всей правды... не узнал, что Акира допустил ошибку.

— Он ничего не подозревал, пока ты не начал доказывать, что Казу не воспользовался бы своим кинжалом, — сказал Акира. — Поэтому мне пришлось все объяснять, рассказать, что произошло на самом деле. К счастью, он решил, что смерть Сабура стала хорошим поводом для увеличения количества наших людей внутри сегуната.

— Ты, вероятно, вздохнул с облегчением, узнав, что Масао отослал Дена из города, — сказал Хиро. — И младший конюх не сможет тебя ни в чем обвинить. Он же видел, как ты убивал, не так ли?

— Убийства он не видел, — ответил Акира, — хотя, думаю, и догадался. Спасибо, что нашел его для меня и дал мне повод вернуть его в город.

— Как ты подсыпал опиум в чай? — спросил Хиро.

— Когда мы приехали из Оцу, я приказал Джун принести еды и чай в конюшню. Даже позволил ей добавить немного подсластителя. Потом проверил чайник под предлогом, достаточно ли он горячий. Он был горячим. Как для чая, так и для растворения опиума.

— Полагаю, ты хотел убить и Масао, и Дена, — сказал Хиро. — Двойное самоубийство и никаких вопросов.

— Не понимаю, почему не получилось, — ответил Акира, — я всыпал достаточное количество.

— Масао почти не пил, — сказал Хиро. — Но ты этого не знал, поэтому удвоил дозу Нецуко. Ты смотрел, как она умирает?

— Я и так рассказал достаточно, — отрезал Акира.

— Так почему не продолжить? Мы и так почти закончили, — сказал Хиро.

— Мы уже закончили. — Акира повернул кинжал.

На шее Казу выступила капля крови.

Глава 51

— Хиро, — сказал Казу, — ты не очень-то помогаешь.

Хиро не сводил глаз с Акиры.

— Ты убил Нецуко и Дена просто так, ни за что. Они не знали о том, что ты убил Сабура. Нецуко вообще была уверена в признании Дена, оставленном в конюшне. Ты знал, что мальчишка умеет писать.

— Я выяснил это на обратном пути из Оцу, когда раздумывал, как все обставить, — сказал Акира. — Я всего лишь сделал то, что должен. Увидел проблему и решил её... как это сделал бы сёгун.

— Даже у сёгуна нет права убивать невинных без должной на то причины, — сказал Хиро.

— Откуда ронину знать, что значить быть сёгуном, — сказал Акира. — К утру передо мной склонится вся Япония.

— Неужели ты и правда считаешь, что Хисахидэ сделает тебя сёгуном? — рассмеялся Хиро. — К утру ты будешь мертв. Это я тебе гарантирую.

— Не смей смеяться! — сорвался Акира. — Мицунага Хисахидэ является вассалом клана Миёси, прославленным слугой. Он не посмеет претендовать на сегунат.

— Забавно, что тебе необходимо это произносить вслух, — сказал Хиро. — Если Хисахидэ захватит сегунат и установит контроль над Киото, некоторые могут посчитать, что его претензии на должность сёгуна довольно серьезные.

— Включая императора, — сказал Казу.

— Даже император держит ответ перед сёгуном, — свысока ответил Акира. — А Хисахидэ помнит, кто выплачивает ему жалование.

— Не ты, — сказал Хиро. — Если Хисахидэ убьет сёгуна, он и тебя прикончит.

На лице Акиры мелькнула неуверенность.

— Неправда. Вы хотите, чтобы я ослабил бдительность и вам удалось ускользнуть.

Позади Хиро с грохотом распахнулась дверь.

Акира вздрогнул и ткнул Казу кинжалом в шею.

Только этого Хиро и ждал. Он вытащил из недр куртки сюрикен и прыгнул. Приземлившись, свободной рукой он отбил кинжал от горла Казу, а второй рукой всадил заточенную звездочку прямо Акире в глаз.

Сюрикен проткнул глазное яблоко, словно спелый арбуз. Кровь и плоть брызнули на руку и лицо Хиро, но он не дрогнул. Синоби продолжал вдавливать сюрикен до тех пор, пока металл не засел глубоко в черепе самурая.

Целый глаз Акиры распахнулся от удивления. Мгновение спустя, искра жизни из него исчезла.

Как только Акира умер, Хиро высвободил сюрикен. Убрал его в рукав и обернулся.

С противоположного конца комнаты, стоя в дверном проеме, за ними наблюдал Хисахидэ.

Хиро услышал глухой стук от падения тела Акиры.

— Спасибо, — улыбнулся Хисахидэ, — вы избавили меня от необходимости его убивать.

— Так Хиро оказался прав? — Казу встал рядом с Хиро. Не считая струйки крови на шее, он казался невредимым. — Вы хотели убить Акиру?

— Только если бы он отказался сотрудничать, — ответил Хисахидэ. — Он был глупцом, но его опрометчивость помогла моему делу. Эти убийства заставили сёгуна поверить, что господин Ода действительно планирует покушение. Он был так сосредоточен на этом заговоре, что не увидел другого.

— Ваша формулировка говорит о том, что сёгун мертв, — сказал Хиро.

— Это зависит от того, кого вы подразумеваете под словом "сёгун", — Хисахидэ опять улыбнулся. — Асикага Ёситеру совершил сэппуку около часа назад, по моему приглашению. Я пообещал, что его семья будет жить в обмен на его самоубийство и отречение. Теперь я сёгун. — Он внимательно всмотрелся сначала в лицо Хиро, потом Казу, пытаясь понять их реакцию.

Хиро услышал, как зашуршала одежда Казу, склонившегося перед Хисахидэ. Сам Хиро взгляда от мужчины не отвел.

— Мои поздравления, сёгун Мицунага, — сказал Казу.

— Мудрое решение, — согласился Хисахидэ. — Вопрос в том, что теперь с вами делать.

— Я бы охотно остался на службе, — сказал Казу. — Ваш предшественник считал меня грамотным служащим.

— Думаю, это невозможно, — сказал Хисахидэ. — Человек с секретами опасен сам по себе, а человек, владеющий тайнами другого, опасен вдвойне. Вы слишком много знаете насчет самоубийства сёгуна. У меня есть письмо, объявляющее меня его приемником... или регентом при его малолетнем двоюродном брате, если император не утвердит мою кандидатуру. Но брат Асикага Ёситеру может решить, что вы для него крайне полезны, если надумает оспаривать мои притязания.

— Брат Ёситеру — монах, — сказал Казу. — Он отрекся от этого мира много лет назад. Даже если он и изменит свое решение, я никогда его не видел и не стану ему служить.

— У любого человека есть своя цена, — сказал Хисахидэ, — и у меня нет уверенности в том, что вы окажетесь вне пределов досягаемости моего соперника. Было бы гораздо умнее ликвидировать вас прямо сейчас.

— Под страхом смерти изгоните его в Ига. Провинция предана сёгуну и является союзником Киото. Это нейтрализует интерес ваших врагов к Казу.

Хисахидэ перевел взгляд на Хиро.

— Вы не в том положении, чтобы вести переговоры. — Он посмотрел на тело Акиры. — Хоть и признаю, что сегодня вы оказали мне услугу и заслуживаете вознаграждения.

— Если хотите, убейте меня, — сказал Казу, — но вы должны отпустить Хиро.

— Я никому ничего не должен. — Хисахидэ расправил плечи. — Никто в Японии не смеет приказывать сёгуну.

— Верно, — сказал Казу, — но поток огнестрельного оружия находится под контролем португальцев. Мацуи-сан дружит с португальским торговцем, который вооружает ваших солдат... с торговцем, который может с тем же успехом торговать с господином Одой, если вы дадите ему повод.

Казу замолчал, позволяя мысли осесть.

— У меня несколько сотен ружей, — сказал Хисахидэ, но Хиро уловил в его голосе намек на неуверенность.

— Достаточно, чтобы удержать Киото, возможно, — сказал Казу. — Но достаточно ли, чтобы его защитить? Неужели вы думаете, что португальцы не приведут иноземные войска, чтобы отомстить за смерть переводчика. Иностранцы ценят своих слуг почти так же, как даймё своих вассалов, — они не позволят убийству остаться безнаказанным.

Хисахидэ нахмурился.

— Португальский священник сопровождал его сегодня, дабы убедиться, что он меня не рассердил.

Казу кивнул.

— Достаточно ли у вас мощи противостоять господину Оде и португальцам?

Хисахидэ сделал глубокий вдох и медленно выдохнул. Потом посмотрел на Хиро.

— Если я отпущу вас, вы должны убедить иноземца не продавать оружие господину Оде и поддержать мое назначение сёгуном.

— Я всего лишь слуга, — сказал Хиро. — Не могу гарантировать...

— Уж постарайтесь, — перебил его Хисахидэ, — или я убью не только вас, но и священника с торговцем.

— Тогда у меня просто нет выбора, господин сёгун. — Хиро покосился в сторону. — Идем, Казу. Хисахидэ покачал головой.

— Казу остается. Уходите только вы.

— Я сделаю то, о чем вы просите, — ответил Хиро, — но только в том случае, если Казу идет со мной. Если вы его убьете, то развяжете войну, к которой не готовы.

Хиро подумал о Хаттори Ханзо и синоби из Ига-рю. Человеку, убившему и Хиро, и Казу, стоит бояться кое-чего похуже португальцев.

— Умный человек принял бы свободу и ушел, — предупредил Хисахидэ.

— Человек чести умер бы, защищая друзей, — парировал Хиро. — Делайте, что должно. Его я не брошу.

— Смелое заявление от человека, не имеющего в руках меча. — Хисахидэ пересек комнату и поднял катану и вакидзаси Хиро. Он осмотрел ножны и проверил вес оружия.

И в тот момент, когда Хиро уже подумал, что Хисахидэ позовет стражу, самурай протянул мечи Хиро.

— Я тоже человек чести, — сказал Хисахидэ. — Я никогда не ставил себе целью излишнее насилие при захвате сегуната, я предпочитаю видеть иноземцев на своей стороне. Я отпущу вас на следующих условиях. Хиро убедит португальцев поддерживать меня безоговорочно. Казу уезжает в Ига и не возвращается. Если я увижу его еще раз, он лишится головы.

Хиро кивнул и принял мечи.

Казу поклонился.

— Благодарю, сёгун Мицунага.

— Могу я задать один вопрос? — спросил Хиро.

Казу недоуменно посмотрел на Хиро, но тот продолжил:

— Джун, служанка... она не знала о заговоре Акиры, и сомневаюсь, что была в курсе ваших планов.

— Нет, не была, — ответил Хисахидэ, — но слишком многое подозревала, чтобы остаться в Киото. Я намерен подыскать ей мужа за пределами города. Земледельца, возможно... человека, который не представляет угрозы.

— Ей это не понравится, — сказал Казу.

Губы Хисахидэ медленно растянулись в улыбке.

— Альтернатива хуже. — Он оглянулся и позвал: — Озуру!

— Да, сёгун Мицунага.

В дверном проеме, слишком быстро, чтобы быть случайностью, появился плотник. Досада прожгла грудь Хиро, когда он понял, что Озуру шпион.

— Проводи моих гостей до ворот, — сказал Хисахидэ. — Они не должны пострадать.

Озуру поклонился.

— Будет сделано, господин сёгун.

— Один последний вопрос, прежде чем мы уйдем, — попросил Хиро.

Хисахидэ кивнул.

— Как вы узнали, что сегодня вечером мы будем здесь?

Глава 52

— Я не знал, — ответил Хисахидэ. — Я пришел сюда, чтобы убить Акиру. Сказал ему ждать меня здесь и отослать Казу домой, если он вернется прежде, чем мы захватим сегунат. Главным образом это был лишь предлог, чтобы Акира не мешал и остался один. Он не пережил бы эту ночь, но вы укрепили мое положение, решив эту проблему за меня.

Хисахидэ подошел к двери, где стоял Озуру.

— Теперь же, прошу меня извинить, но я должен идти. Мне предстоит очень многое сделать до рассвета.

Он кивнул и удалился.

Озуру махнул Хиро.

— Нам пора идти.

Когда Казу поднял мечи, плотник пересек комнату, посмотрел на тело Акиры и покачал головой.

— Бедный глупец. Он решил, что кровь Миёси сделает его неприкасаемым.

Озуру проводил Хиро с Казу через бакуфу. Когда они столкнулись со стражей, Озуру кивнул и сказал:

— Лето Миёси.

Стража приняла пароль и пропустила их.

В пустом зале у входа в особняк, Озуру помедлил и посмотрел на Хиро.

— Ига-рю, я полагаю?

— Прошу прощения, — сказал Хиро, — я не понимаю.

— Думаю, понимаете. — Озуру заговорил тише: — Я прекрасно знаком с броском сюрикена в глаз. Я знаю, кто вы.

Хиро обратил внимание на акцент, появившийся в речи плотника.

— Вы из Кога.

Кога-рю была самой крупной школой синоби, помимо Ига. Хотя никто на самом деле не знал, какая больше. Лишь немногие увидели обе школы и остались в живых, чтобы о них рассказать.

Озуру кивнул.

— В настоящее время работаю на Мицунагу Хисахидэ.

Хиро ощутил беспокойство. Ига-рю и Кога-рю были не столько условными союзниками, сколько непримиримыми конкурентами, а теперь Озуру мог при желании выдать Хиро.

— Но вы проработали здесь плотником много лет, — запротестовал Казу. — А Хисахидэ приехал в Киото недавно.

— Школа отправила меня сюда несколько лет назад дожидаться, когда кому-нибудь пригодится шпион внутри сегуната. Наиболее убедителен тот шпион, который на него не похож... до тех пор, пока не понадобится.

— Почему же вы признали свою связь со школой и отдали столь важно преимущество? — поинтересовался Хиро.

— Должен был, — сказал Озуру, — чтобы отдать долг моего клана вашему. Десять лет назад синоби из Ига спас жизнь моему отцу, наложив на Кога — и меня — долговые обязательства.

Клянусь честью Кога-рю, что никогда никому не открою вашу личность и профессию, — добавил Озуру. — А вы скажете Хаттори Ханзо, что долг Ёсиды Басё выплачен.

Хиро не сомневался в искренности Озуру. Кодекс чести синоби соблюдался неукоснительно. Однако это вовсе не означало, что Озуру стал им другом или что за его молчание ему можно доверять.

Хиро с Казу помчались к дому отца Матео. Как только они подошли к веранде, упали первые капли дождя.

Внутри они застали отца Матео и Ичиро сидящими у очага. Громкий храп из комнаты Луиса говорил о том, что торговец уже завалился спать.

Мальчик сидел на татами, скрестив ноги и держа на коленях Гато. При виде ребенка, поглаживающего спящую кошку, Хиро улыбнулся. Несмотря на свой вздорный характер, Гато всегда узнавала того, кто нуждался в утешении.

Отец Матео выжидающе посмотрел на Хиро и Казу, когда те вошли, но промолчал. Он ждал, когда они сами поделятся новостями.

Хиро не стал тратить ни время, ни слова.

— Убийца Сабура мертв, как и сёгун.

Ичиро вскинул голову. Глаза юноши распахнулись от ужаса.

— Господин Ода захватил Киото? Но мы ничего не слышали!

— Нет, не господин Ода. — Казу опустил на колени рядом с Ичиро. — Мицунага Хисахидэ.

Казу кратко рассказал про события в сегунате, хоть и не упомянул ни про Озуру, ни про то, как умер Акира. По версии Казу, Хиро убил того мечом, а Хисахидэ оставил синоби в живых, потому что они нашли убийцу Сабура.

Отец Матео слушал молча, однако посмотрел на Хиро так, словно ждал несколько иного объяснения.

Когда Казу закончил, Ичиро опустил взгляд на колени и погладил Гато.

— Жаль, что вы не позволили мне пойти с вами.

Он поднял глаза, полные слез.

— Теперь я никогда не смогу отомстить, а поскольку Асикага потеряли и сегунат, у меня даже дома не осталось.

— Если хочешь, у тебя будет дом, — сказал Казу. — Поедешь в Ига со мной.

Хиро удивился, хотя это предложение и не было лишено смысла. Мальчик восторгался Казу, а Хисахидэ, вероятно, убил бы любого мужчину из клана Асикага, который мог бы угрожать его правлению, несмотря на свои обещания. Увезти Ичиро из города — единственное правильное решение, чтобы сохранить ему жизнь.

— Ига? — сказал Ичиро. — Ты уезжаешь?

— Новый сёгун всегда меняет чиновничий состав, — сказал Казу. — Я поеду домой к семье. И тебя возьму с собой.

— Уверен в этом? — спросил Хиро.

Казу встал и повернулся к Хиро.

— Ты же помнишь, как мама тяжело переносила скорбь по Ичиро. — Он показал на мальчика. — Его тоже зовут Ичиро. Мама решит, что это знак. Он примет его как одного из нас. Я знаю.

Отец Матео перевел взгляд с Казу на Хиро.

— Мать? Один из нас?

Хиро посмотрел на иезуита.

— Позволь представить тебе моего брата... Хаттори Казу.

Глава 53

— Хаттори? — Ичиро покачал головой. — Ваша фамилия Мацуи, а его — Ито.

— На задании синоби никогда не пользуются настоящей фамилией, — сказал Казу.

— Синоби? — Глаза Ичиро стали еще шире. — А можно мне тоже стать синоби?

— Если захочешь, — ухмыльнулся Казу.

— Брат Ханзо может этого не одобрить, — предупредил Хиро.

— Извинений попросить так же просто, как и разрешение, — сказал Казу, — а я, когда хочу, могу быть очень убедительным. Кроме того, если когда-нибудь клан Асикага восстановит свои права в сегунате, они будут обязаны Ига-рю за спасение мальчика.

Казу вытащил из куртки свиток пергамента.

— Когда мы уходили, я прихватил план сегуната и города. Это, вкуче с информацией в моей голове, стоит заботы над одним мальчиком.

— Я хочу поехать с тобой, — заявил Ичиро. — Я всегда хотел быть тебе братом.

Гато потянулась, прыгнула на пол и принялась чистить шерстку. По крыше стучали капли дождя.

— Значит решено, — сказал Казу. — Уходим на рассвете.

Ана разложила в гостиной дополнительные futony для Казу и Ичиро. Ужинать некто не захотел, но когда экономка заставила отца Матео съесть суп и рис, чтобы быстрее поправиться, остальные все-таки решили составить иезуиту компанию.

Вскоре после этого все отправились спать.

Хиро показалось, что он только закрыл глаза, когда зашелестели сёдзи и в комнату вошел Казу. Юный синоби пересек комнату и опустился на futon Хиро.

— Мы уезжаем... Ичиро и я.

Хиро сел и вытянул ноги из-под спящей кошки. Потом попытался понять, который час.

— Еще не рассвет. Ворота заперты.

— Рассвет уже близко. Пропускные пункты откроют как раз, когда мы к ним подъедем.

— Что с пропусками? — спросил Хиро.

Казу вынул из рукава сложенный бумажный лист.

— Он всегда был при мне, после того как ты заставил меня вернуться в сегунат. Так, на всякий случай. Мы с Ичиро по нему проедем оба.

— Он слишком взрослый, чтобы проехать без документов, — сказал Хиро.

Казу улыбнулся.

— Вся его семья погибла при пожаре. Документы сгорели. Оказывая ему любезность, я отвожу его к родственникам в Ига. — Он пожал плечами. — Это и золотой кобан способны решить любые проблемы. По пути он не будет носить свои мечи, и никому не будет дела до мальчишки.

Хиро положил руку на плечо Казу.

— Будь осторожен. И скажи нашей матери, что новый брат — это полностью твоя вина... но я рад приветствовать его в нашей семье.

Казу хихикнул.

— Я напишу, когда мы приедем. — Улыбка испарилась с его лица. — Извинись за меня перед Томико за скорый отъезд.

— Если смогу.

Казу кивнул.

— И не прикончи священника.

Хиро нахмурился.

— А ты себя.

— Пока у меня это получается. — Казу погладил Гато, встал и направился к двери.

Хиро пошел следом.

Казу с Ичиро уходили, а Хиро стоял на веранде и слушал скрип гравия под их ногами. Когда синоби с юношей вышли на дорогу, залаяла соседская собака. Ичиро дернулся, но Казу ободряюще положил руку ему на плечо, и вместе они зашагали по темной дороге.

Затмевая звезды и луну, по небу плыли облака. В воздухе пахло влажной землей, травой и деревьями, все еще мокрыми от дождя.

Хиро глубоко вдохнул, наслаждаясь свежестью и напряженностью, обещающими утреннюю грозу. Он стоял на веранде и размышлял над последними днями. Руки отца Матео заживали, а должный уход поможет уберечь их от заражения. Казу и Ичиро с каждым шагом приближались к безопасности.

Хисахидэ станет опасным сегуном, но, вероятно, не будет хуже предыдущего.

В конце концов, военачальника всегда остается военачальником.

Небо осветила молния. Мгновение спустя загредел гром. Крошечными лапками по крыше забарабанили первые дождевые капли. Хиро вспомнил о Гато, спящей на краю одеяла.

Синоби зевнул. Как и кошке, ему нужно было выспаться, если выпал такой шанс.

С довольной улыбкой он развернулся и вошел в дом.

